

SciPress.ru

 Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№04 (60), 2020

**Нижний
Новгород**

www.scipress.ru/philology

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2019. №04 (60). 258 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Главный редактор
Плесканюк Т.Н., 2020

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Бенъяминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по учебно-методической работе, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Языки народов Российской Федерации	7
Гарипова А.А. Фразеологические кальки в художественном тексте татарских писателей.....	7
Германские языки	13
Верба М.А., Нечипорук Т. В. Лаконизм заголовков в немецких модных журналах посредством грамматических приемов	13
Ибраева А.Ф. К вопросу функционирования местоимений в разговорной речи.....	18
Кожанова Н.В. Профессии среднего звена в немецкоязычной картине мира	22
Кычкова М.В. Интерпретация аксиологических характеристик концепт «странность» (на материале произведения Джонатана Франзена «Безгрешность»).....	27
Петешова О.В. Способы переименования крупнейших водоемов в Калининградской области	33
Чубарова Н.А. Глаголы с атрибутивной валентностью со значением «жаловаться» как средство выражения эмоций	39
Теория языка	45
Аветисян А.Г. Специфика языковой интерпретации ключевых единиц «имидж» и «образ».....	45
Бубнова А.С., Балтина Д.М. О проблеме перевода интертекстуальных элементов в научно-популярном тексте (на материале французского языка).....	49
Давыдова О.П., Аблаева Ф.И. Объявление о знакомстве как разновидность рекламного медиатекста	58
Киреева Е.В. Полякова Е.Ю. Специфика функционирования профессионализмов в современной публицистике	64
Лазарев В.А., Дьяченко Т.Н. Продуктивные словообразовательные модели в английском молодежном сленге	72
Маринченко И.А., Васильева Е.В., Ипполитова Е.С. Приемы реализации языковой игры в афоризмах.....	78
Таджибова З.Т. Дихотомия «слушать-быть глухим» в русской, английской и немецкой языковой картине мира	87
Ткачева Ю.С. Дифференциация понятий, выражающих негативную реакцию на акт речевого воздействия	92
Товкайло Ю.А. Особенности языковых средств выражения эмоционального состояния смеха с позиций мимики.....	98
Шашкова В.Н. Функционально-семантическая зона оптативности в семантико-синтаксической реализации	102
Шиповская А.А., Циленко Л.П., Тишкина И.А., Болтнева Н.А. Репрезентация аспекта «размытость гендерной идентичности» в русскоязычных прецедентных текстах юмористических жанров	109
Шукунда С. З. «Ковидолы» против «ковидиотов»: английские неологизмы, порождённые коронавирусом	119

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	125
Тазетдинова Р.Р., Немкова Э.А. Лексические трансформации при переводе научных статей по авиационной тематике	125
Прикладная и математическая лингвистика	132
Аксенова Д.А. Гендерная специфика средств воздействия в современных русскоязычных журналах	132
Русская литература.....	142
Верховых И.А. М. Цветаева и «комедьянты»: взаимоотношения поэтессы с театральным искусством	142
Малашенко В.В. Диалогическая форма и семантика эссе И.А. Бродского «Письмо Горацию»	149
Маукеева А.О., Байгушикова А.М. Составляющие образа автора-повествователя в книге В. Астафьева «Последний поклон»	156
Юрина М.А. Образ чукотского народа в романе Т. З. Сёмушкина «Алитет уходит в горы»	166
Литература народов Российской Федерации	173
Лукиянова Д.В. Гендерные особенности ангарского автобиографического нарратива	173
Литература народов стран зарубежья	179
Кравинская Ю.Ю. Гибридная природа «малых литератур» на примере литературы Новой Зеландии второй половины 20-го века.....	179
Фольклористика.....	187
Егорова О. А. Мифология пространства: от постижения истоков к современной культуре.....	187
Журналистика	195
Махатова Н.М., Мукажан А. К. Ways of conveying shocking news headlines.....	195
Чой Е.А., Чой С. Особенности функционирования СМИ Республики Корея (на примере освещения российских новостей)	202
Методика преподавания языка и литературы.....	209
Абдраманова С.КИЗучение фразеологизмов с компонентом «голова» на уроках русского языка на основе стратегий критического мышления	209
Валиева Т.И. Некоторые приемы работы над лирическим стихотворением на уроках литературного чтения	216
Воробьева Е.Н. Внедрение аутентичных учебных материалов в вузовский курс «Иностранный язык в сфере юриспруденции»	222
Дергунова Л. Е. Обучение студентов приемам конкретизации и генерализации в процессе перевода текстов по специальности с английского языка на русский.	231
Деревянко А.А., Свистунов А.С. Обучение грамматике английского языка на первом и втором курсах языкового вуза.....	237
Карпова А.В. Фонетическая грамотность и распространенные фонетические ошибки современных студентов неязыковых вузов (на примере английского языка)	247

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 811

Фразеологические кальки в художественном тексте татарских писателей

Гарипова Айгуль Асхатовна

канд.филол.наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Елабужский институт Казанского федерального университета
РФ, г.Елабуга
garipova25@mail.ru

Phraseological calques in the literary text of Tatar writers

Garipova Aygul Askhatovna

PhD in Philology, associate professor at the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Elabuga Institute of Kazan Federal University, Elabuga, Russia

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодня проблеме развития языка и речи, наряду с ней важными задачами являются поддержание и сохранение языковой традиции. Под фразеологическими кальками в работе понимаются фразеологические выражения, возникшие вследствие точной или измененной передачи структур и значений русских прототипов средствами татарского языка. Анализ языкового материала позволяет выявить основные типы модификаций происходящих при калькировании фразеологических единиц с русского языка на татарский.

Ключевые слова: калька, фразеологическая калька, языковые контакты, модификации, художественный текст.

Abstract. The article is devoted to the actual problem of speech and language development; along with its important tasks are the maintenance and preservation of the linguistic tradition. Phraseological calques are understood as phraseological expressions that have arisen as a result of accurate or modified transmission of structures and meanings of Russian prototypes by means of the Tatar language. The analysis of the language material allows us to identify the main types of modifications taking place during calculation phraseological units from Russian to Tatar.

Key words: calque, phraseological calques, language contacts, modifications, literary text

Изучение метода калькирования как своеобразного отражения общественно-политических, социальных, экономических, культурных и языковых контактов между народами является одной из составляющих современной теории языковых контактов. Проблематика данного исследования является составной частью актуальной проблемы закономерностей развития и взаимообогащения языков и культур.

Для понимания причин возникновения явления калька следует учитывать современные условия взаимодействия двух культур, в нашем случае татароязычного и русскоязычного миров.

Взаимодействие языков, являясь важнейшим обстоятельством, влияющим на развитие того или иного языка, ярко проявляется в тех случаях, когда носители тех или иных языков живут в тесном и постоянном контакте между собой. Справедливо отмечает Юсупова А.Ш., этносы, проживающие в рамках общего или смежного политического, экономического пространства, объективно вынуждены изучать и воспринимать языки друг друга [6, с.2]. Таковыми являются русский и татарский языки. На протяжении столетий татарский язык представлял собой образец открытости влиянию извне, находясь в постоянном контакте с русским языком.

Русские и татары жили и живут на одной территории, в одних и тех же социально-экономических условиях. Большая часть массы обоих народов вступает в прямое соприкосновение, в результате чего значительное количество русских слов перешло в татарский язык.

Русский язык - родной для ста шестидесяти миллионов человек, а второй язык - для трехсот миллионов. Число говорящих в России на татарском языке - около пяти миллионов человек, соответственно в других регионах и областях - гораздо меньше. Данная статистика подтверждает распространенность русской культуры в общемировых масштабах и ее безусловное влияние на татароязычный мир, а значит и проникновение в язык посредством калек.

Калькирование, по словам Флекенштейна, является одновременно и выражением и результатом культурной общности нескольких народов и, в свою очередь, ведет к дальнейшему сближению языков, причем не только к сближению словаря, но и к некоторому структурному сближению, то есть к сближению того самого своеобразного, внутреннего, что имеется в каждом языке [4, с.165], например: *радиоалгыч* <радиоприемник, *драмтүгарәк* <драмкружок, *ярым фабрика* <полуфабрикат, *иҗтимагый проектлар* <общественные проекты, *акционерлык җәмгыяте* <акционерное общество, *коммерцияле булмаган оешмалар* <некоммерческие организации и т.д.

Несмотря на существование различных точек зрения по поводу определения процесса калькирования (В.Бетц, Б.Унбегаун, Э.Сепир, Ж.Марузо, Ш.Балли, Н.М. Шанский, А.А. Реформатский, Л.П. Ефремова, Э.М. Ахунзянов, Р.А. Юсупов, Ф.С. Фасеев, Л.К. Байрамова, Ф.С. Сафиуллина) все они сводятся к одному общему мнению, что калькирование выполняет в языке очень важную функцию, выступая в качестве проводника культурного влияния.

Новизна данного исследования заключается в комплексном рассмотрении на значительном языковом материале структурных, семантических и контекстуальных особенностей фразеологических калек татарского языка в художественном тексте.

В настоящем исследовании принимается точка зрения, согласно которой калькирование – это способ пополнения лексико-фразеологического состава языка новыми словами и фразеологическими единицами, которые представляют собой поморфемное воспроизведение иноязычных слов, терминов и фразеологизмов. Например: *бармакка бармак сукмау* < палец о палец не ударить, *балык башыннан чери* < рыба гниет (портится) с головы, *үгезне мәгезеннән алу* < брать быка за рога, *диңгез тубыктан* < море по колено, *сорауны кабыргасы белән кую* < поставить вопрос ребром и т.д., ср.:

Ун ел эчендә **бармакка бармак сукмый** кабинет күсесе булып утыруыңны эш дисең инде... [7, с.9] Перевод: Ты считаешь делом просиживание в роли канцелярской крысы и за десять лет **палец о палец не ударить ...**

Аңа **диңгез тубыктан**, Наиләне алдына утыртып, дөнъя әйләнергә әзер иде. [7, с.40] Перевод: Ему **море по колено**, посадив Наилю на колени, он готов был **кружить** вокруг света.

Фразеологические кальки занимают значительное место среди художественно-изобразительных средств в современной татарской литературе.

Во фразеологизмах находят отражение обычаи, обряды, история и психология народа.

Широкое исследование стилистического употребления фразеологических калек в художественном тексте демонстрируют динамический характер фразеологии, ее открытость к различным структурно-семантическим изменениям.

Художественный текст – это та среда, где возникают новые фразеологизмы, откуда поступают в речевой обиход неизвестные и малоупотребимые выражения, где обогащается смысловая и структурно-грамматическая природа устойчивых сочетаний слов.

- Наилә... шундый халгә төшәр дип кем уйлаган? Нишләп бергез дә **ярдәм кулы сузмады** соң ана? [7, с.54] Перевод: - Наилә... кто бы мог подумать, что она опуститься до такого? Почему же никто из вас **не подал** ей **руку помощи**?

Тимерне кызуында сугарга күнеккән Шамил дә озак көттермәде, ниятләрен алегә әтисе белән дә уртаклашып тормыйча, авылга юл тотты... [7, с.86] Перевод: Шамиль, привыкший **ковать железо, пока горячо**, не заставил

ждать себя долго. Не поделившись своими намерениями с отцом, он отправился в деревню.

В данной работе мы отдаем предпочтение существующим в татарском языке фразеологическим калькам-предложениям, то есть речь идет о пословицах и поговорках, например: *бер кашык дегет бер мичкә балны боза* < ложка дегтя портит бочку меда, *алма агачыннан ерак төшми* < яблоко от яблони недалеко падает, *чананы жәйдән әзерлә* < готовь сани летом, *ярык тагарак янында калу* < остаться у разбитого корыта и др. Пословицы и поговорки имеют свои характерные черты, отличающие их от остальных выражений: по своему построению пословицы и поговорки представляют законченное синтаксическое целое предложение; они заключают в себе суждение, поучение, совет, притчу, то есть имеют характер афоризма.

Пословица, как правило, понимается как меткое и остроумное, образное устойчивое предложение дидактического характера, обладающее буквальным и переносным или только переносным смыслом, применяемое в речи в целях повышения действенности и выразительности наших слов, а также в целях подтверждения и подкрепления наших мыслей, нашего высказывания [3, с.8].

Например, прямое значение пословицы *балык башыннан чери* < рыба гниет (портится) с головы сводится к тому, что на самом деле рыба биологически гниет с головы. Переносное же: распад, разложение в какой-либо группе, среде начинается прежде всего сверху – с лидеров, начальников и т.п., и распространяется на остальных.

Балык башыннан чери ди бит. Менә син безнең Каенлыны кара - дилбегә тотканы нинди, арбага төялгәннәре дә шундыйга әйләнеп бетте. [3, с.52] Перевод: ***Рыба гниет с головы***, говорят. Вот ты посмотри на наши Каенлы - на держащего вожжи, и стали похожи те, кто забрались на телегу.

Фразеологические кальки не воспринимаются как чужеродные элементы языка, поскольку они построены по законам языка перевода. Более того, входя в язык перевода, такие единицы обычно легко включаются в состав фразеосемантических полей, выделяемых во фразеологической картине мира заимствующего языка. Например: устойчивое сочетание (поговорка) *новая метла по-новому метет*, употребляющееся по отношению человека, ставшего новым руководителем и работающим особенно старательно, требовательно; устанавливающим новые порядки на татарском языке выглядит как *яңа себерке яңача себерә*:

Сукрана идек, ошамый иде: янасе, **яңа себерке яңача себерә**, үз законнарын такмакчы була. [7, с.52] Перевод: Сетовали, не нравилось: дескать, **новая метла по-новому метет**, пытается навязать нам свои законы.

При фразеологическом калькировании необходимо отметить случаи, когда имеют место изменения в структуре калькируемой единицы, причем такие случаи довольно многочисленны. Причины модификаций структуры единиц при калькировании кроются, прежде всего, в типологических особенностях татарского языка, отличающих его от русского.

Проиллюстрируем сказанное примерами.

1) Замена (субституция) компонентного состава калькируемых единиц.

В приводимой далее кальке компонент *по колено*, лежащий в основе русского этимона (море по колено), при калькировании заменяется отступающим от лексической точности существительным *тубыктан* «по щиколотке», вместо *тездән* «по колено». Кроме того функцию предлога «по» в татарском языке выполняет аффикс исходного падежа -тан: *диңгез тубыктан* < море по колено, ср.:

Яшисен яшәдем инде, үкенүдән файда юк. Шуңа күрә, авылдашлар гайбәтенә дә, начальникның сүгүенә дә ис китми. Диңгез тубыктан миңа! [6] Перевод: Я свое прожила, сожалеть нет толка. Поэтому сплетням деревенского народа, ругательствам начальника я не удивляюсь. Мне **море по колено!**

2) Количественные несоответствия компонентов фразеологической кальки и ее прототипа. Как показывает исследование, изменения, происходящие в лексическом составе фразеологической кальки, осуществляются в направлении расширения компонентного состава устойчивого выражения.

При калькировании во фразеологизмах татарского языка часто появляются дополнительные слова, которым нет прямых соответствий в исходном русском сочетании. «Введение дополнительных элементов служит целям обеспечения соответствующей выразительности фразеологизма, естественности и полноты образа и значения» [5, с.126]. Примером служит выражение *бер кашык дегет бер мичкә балны боза* < ложка дегтя портит бочку меда. В данной фразеологической кальке словом-вставкой выступает числительное *бер* - один. Добавление данного слова в татарском фразеологизме, отсутствующего в соответствующем русском, обуславливается и особенностями построения татарских пословиц и поговорок, ср.:

Ягъни күзәтүне иртән чыккан газеталар белән чагыштыру кирәк иде. Кызык бит, башка тармакларда әллә нинди алтын торырлык тапшырулар эшләмә, бер хәбәр яки күзәтүдә хата китсә, синең эшең нуль дигән сүз. Бер кашык дегет бер

мичкә балны боза дигәндәй. [3, с.62] Перевод: *То есть наблюдение нужно было сравнить с утренними газетами. Интересно ведь, в каких бы только отраслях ты не делал ценные репортажи, если сделаешь ошибку хоть в одной передаче или наблюдении, твоя работа приравнивается нулю. Словно ложка дегтя портит бочку меда.*

3) Средства связи компонентов фразеологической кальки.

В преобладающем большинстве фразеологических единиц русского языка средством связи выступают предлоги и формы различных падежей. При калькировании такого типа выражений в татарском языке активность проявляют соответствующие послелог и падежные аффиксы.

Предлог «за», присутствующий в составе русского этимона, при калькировании на татарский язык заменяется формой исходного падежа: *үгезне мәгезеннән алу* < брать быка за рога, ср.:

- Ә синең башыңа “туган авылымны да шулай күтәрергә иде” дигән уй кереп караганы булмадымы? - Шамил барыбер, **үгезне мәгезеннән эләктерде.** [7, с.53] Перевод: *А тебе в голову не приходила идея “и мою родную деревню нужно так же поднимать”?* - так все же **взял быка за рога Шамиль.**

Калька представляет собой результат пересечения языковых систем, обслуживающих два различных культурных сообщества, служит своеобразным инструментом для передачи понятия, принадлежащего чужой культуре.

Как показало исследование, калькированные выражения делают авторскую речь более разнообразной, живописной, выразительной, их использование в речи персонажей произведения служит средством их языковой и стилистической характеристики.

Комплексный анализ фразеологических калек в литературном произведении позволяет последовательное рассмотрение роли устойчивых выражений в создании жанрового своеобразия текста с учётом специфики повествовательной структуры; определение места и роли фразеологизма в концептуальной структуре текста, являющейся ядром его общей смысловой структуры.

Список литературы

1. Алмазова Д. Тракторчы монологы. Казан: Идел-Пресс нәшр., 2010.
2. Ахунзянов Г.Х. О стилистических особенностях образных фразеологических выражений (на материале современного татарского литературного языка): автореф. ... канд. филол. наук. Казань, 1964.
3. Дәрзаман Ж. Ике тормыш, бер язмыш. Казан, 2005
4. Флекенштейн К. О некоторых теоретических проблемах калькирования // Этимологические исследования по русскому языку. 1966. Вып V. С. 148-171.

5. Юсупов Р.А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань, 1980.
6. Юсупова А.Ш. Русские заимствования в татарском языке: особенности их функционирования // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. IX междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2012. С. 84-92.
7. Әхмәтҗалиева А.Г. Баланнарда бал тәме: повестьлар, хикәя. Казан: Идел-Пресс нәшр., 2016.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 8

Лаконизм заголовков в немецких модных журналах посредством грамматических приемов

Верба Мария Александровна

ст. преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
masha.virchenko@mail.ru

Нечипорук Татьяна Викторовна

ст. преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
tatjananet@yandex.ua

Laconicism of headlines in German fashion magazines through grammatical methods

Verba Maria Aleksandrovna

senior lecturer at the Department of Theory and Practice of Translation
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Nechipiruk Tatyana Viktorovna

senior lecturer at the Department of Theory and Practice of Translation
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. В статье рассматриваются грамматические приемы актуализации заголовков в немецких модных журналах. Целью использования грамматических приемов является достижение лаконичности в заголовках. Приведены определения заголовка. Акцентируется использование таких приемов, как опущение артикля, сказуемого или его части, подлежащего, обоих главных членов предложения, отсутствие перфекта и отсутствие прямого дополнения у глаголов. Приведена статистика употребления разных приемов актуализации на основе грамматики в модных журналах.

Ключевые слова: лаконизм, заголовок, грамматический способ, модный журнал, артикль.

Abstract. The paper explores grammatical methods of the actualization of the headlines in German fashion magazines. The purpose of use of the grammatical methods is to achieve laconicism of headlines. The definitions of the headline are given. The emphasis is on the use of such methods as the omission of the article, the predicate or its part, the subject, both main parts of the sentence, the absence of Perfect and the absence of a direct object to the verbs. The statistics of the use of different methods of actualization based on grammar in fashion magazines is given.

Keywords: laconicism, headline, grammatical method, fashion magazine, article.

Как в газетах, так и в модных журналах материал любого жанра имеет свой заголовок, который является сигналом для читателя. Заголовки помогают читателю разобраться в многочисленных статьях, дают возможность судить о наиболее важных и интересных из них. Особенно важна яркость и точность для заголовков, которые всегда прочитываются раньше текста. В словаре В.И. Даля заголовок определен как «выходной лист, первый листок книги или сочинения, где означено значение его» [1, с.109]. Словарь С. И. Ожегова дает определение заглавию как названию какого-либо произведения, литературного, музыкального, или отдела его частей, как заглавию литературного произведения в той или иной степени, раскрывающее его содержание [2 с.226]. И.П. Лысакова и К.А. Рогова понимают под заголовком конденсацию содержания текста [3, с.81]. А.М. Калюта классифицирует заголовок как часть текста, связанную с другими компонентами этой системы, занимающую стилистически сильную позицию, называющую текст и дающую первоначальную информацию о нём». [4, с.86].

Приведенные определения верны и для журнального заголовка, так как он является частью общего понятия о заглавии. В заголовке могут быть использованы лексические и синтаксические средства выразительности, например, окрашенная лексика, синонимы, омонимы. Исследователи проявляют интерес к изучению заголовков в публицистике, причём в различных аспектах: в синтаксическом, функционально-стилистическом и стилистическом.

В данной работе будут исследованы грамматические способы актуализации заголовков в модных немецких журналах. Способы придания заголовку экспрессивности с помощью грамматических средств анализируют Е. П. Левина [5, с.43] и О. А. Ляпина [6, с.17]. Активно ведётся изучение номинативных заглавий в публицистике, рассматривается их структурное многообразие и прагматическое содержание в связи со смыслом газетной информации. Здесь следует указать на работы Н. Е. Бахарева [7, с.146] и Л. А. Коробовой [8, с.45]. Э.А. Лазарева отмечает

особенность грамматического построения заголовков, это, безусловно, затрагивает вопрос о выразительности. [9, с.53].

В нашей работе заголовки рассматриваются на материалах статей интернет-платформ Brigitte и Für Sie, которые являются журналами о моде и красоте. Анализируя заголовки в немецких журналах, мы выделили следующие грамматические способы актуализации: опущение артикля, сказуемого или его части, подлежащего, обоих главных членов предложения, отсутствие перфекта и отсутствие прямого дополнения у глаголов.

Наиболее распространенный грамматический способ – опущение артикля.

- Если при других обстоятельствах требуется определенный или неопределенный артикль: *Britisches Supermodel Rosie Huntington-Whiteley zeigt kostbaren Schmuck*. [10] Британская супермодель Роузи Хантингтон-Уайтли демонстрирует драгоценные украшения.

- При перечислении существительных, принадлежащих к разным грамматическим родам: *Haarpflege für Glanz und Geschmeidigkeit* [10] Уход за волосами для блеска и эластичности. *Die Shampoos für Wachstum und Dichte ihres Haares* [10] Шампунь для роста и объема волос.

- При существительных во множественном числе:

Jacken, Skihosen und Stiefel für das Schneewetter. [10] Куртки, брюки и сапоги для снежной погоды. *Flüssige Bausteine, luxuriöse Öle und Aminosäuren für die Regeneration strapazierter Haare*. [10] Жидкие компоненты, роскошные масла и аминокислоты для восстановления истощенных волос.

Проанализировав данные примеры, мы можем заметить, что опущение артикля никак не влияет на понимание заголовка в целом. Данный прием используется для экономии места в журнальной полосе.

Чтобы сделать заголовок более емким, «заметным» и эмоциональным журналисты часто используют эллиптические конструкции, в которых опускаются некоторые члены предложения. Б.И. Фоминых отмечает, что исключение глагола позволяет выразить наиболее важное, новое в данной информации [11, с. 160].

2) Отсутствием подлежащего:

Gehen, um zu bleiben. [12] Ходим, чтобы оставаться. Такой прием актуализации, как отсутствие подлежащего, обращает внимание читателя непосредственно на глагол речевого действия. Однако в данном примере достаточно трудно определить, чему конкретно будет посвящена статья с таким

заголовком. Ведь не имея никакого контекста, можно легко запутаться и неправильно понять автора.

3) Отсутствием сказуемого или его части:

Stylist Eugene Souleiman über neue Trends in New York. [12] *Стилист Юджин Сулейман о новых тенденциях в Нью-Йорке.* Автор опускает глагол „erzählt“ (рассказывает), что не влияет на понимание заголовка.

Leonardo in London und Klimt in New York. [12] *Леонардо в Лондоне и Климт в Нью-Йорке.* В данном примере содержится информация о выставках всемирно известных художников Леонардо да Винчи и Густава Климта. Автор отказывается от глаголов речевых действий в данном заглавии, сделав акцент только на именах собственных и названиях городов. Отсутствие сказуемого или его части используется для экономии места в журнальной полосе, кроме того смысл высказывания не искажается.

4) Отсутствием прямого дополнения у глаголов:

Zeit, zu genießen. [12] *Время наслаждаться.* *Wir sind stolz.* [12] *Мы гордимся.* На наш взгляд, данный тип заголовка с отсутствием прямого дополнения у глаголов очень лаконичен и краток по своей форме. Однако стоит отметить, что в вышеперечисленных примерах присутствует недосказанность, поэтому это затруднит понимание текста читателем.

5) Возможным отсутствием обоих главных членов предложения:

Vom einfachen Mädchen zum Supermodel. [12] *От простой девочки к супермодели.* *Von abstrakt bis gegenständlich.* [12] *От абстрактного до конкретного.* Такой способ актуализации, как возможное опущение обоих главных членов предложения, делает заголовок более ярким и передает ему эмоциональную и экспрессивную окраску.

6) Почти полным отсутствием перфекта для достижения краткости:

Schon gemerkt? Exzentrisch ist das neue Elegant [12]. *Уже заметили? Эксцентрично значит по-новому элегантно.* *Es fühlte sich richtig und falsch zugleich an.* [12] *Это было одновременно и правильным, и ошибочным.* Вместо перфекта употребляется имперфект, хотя это время появляется там, где нормы немецкого языка требует употребления перфекта. В данном случае лаконичность формы сочетается с экспрессией.

Таким образом, анализ примеров показал, что самыми распространёнными грамматическими приемами актуализации являются: отсутствие артикля (64,8%), отсутствие сказуемого или его части (18,5%), отсутствие подлежащего (7,3%),

отсутствие обоих главных членов предложения (4,4%), отсутствие перфекта (3,8%) и отсутствие прямого дополнения у глаголов (1,2%).

Опущение артикля в заголовках является самым простым и удобным способом актуализации заголовка, поскольку он не искажает смысл высказывания и служит в основном для экономии места на журнальной полосе. Кроме того, опущенный артикль можно легко восстановить, руководствуясь родовой и числовой принадлежностью существительного. В некоторых заголовках отсутствует сказуемое или его часть. Данный прием используется для достижения краткости в тех случаях, когда это совершенно не влияет на смысл высказывания и не затрудняет понимания, что позволяет достичь лаконичности заголовка. Отсутствие перфекта встречается крайне редко, однако данный способ актуализации совмещает в себе лаконичность высказывания и экспрессию. Реже употребляется опущение прямого дополнения у глаголов, поскольку при данном опущении не всегда удастся восстановить заголовок полностью и уловить высказываемую мысль. Поэтому в данном случае приходится прочесть всю статью, так как в заголовке содержится недостаточное количество информации для полного ее понимания.

Список литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / М.: Цитадель, 1998. – 685с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд. – М.: Рус. яз., 1986. – 173 с.
3. Лысакова И.П., Рогова К.А. Современная газетная публицистика: проблемы стиля/ И. П. Лысакова, К.А. Рогова. – С-Пб.: 1987. – 144 с.
4. Калюта А.М. Заголовок как индикатор речевого поведения// Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Сост. и общ. ред. И.Ф. Ухмановой-Шмыговой. Минск, 2000. – 164 с.
5. Левина Е. П. Прагматические свойства газетного заголовка (синтаксический аспект) // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца М., 1991. -Вып. 377.-С. 42-48.
6. Ляпина О. А. Структурные, функциональные и прагматические особенности немецкого газетного заголовка (на материале немецкой общенациональной прессы): Автореф. дис. канд. филол. наук. -Воронеж, 2000. -21 с.
7. Бахарев Н. Е. Структурно-функциональное развитие заголовков (на мат-ле заголовков из газет и журналов за 1903-1907, 1935-1939, 1965-1970 годы): Дис. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1971. - 222 с.
8. Коробова Л. А. Заглавие как компонент текста (на материале газетной публицистики ГДР): Дис. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982. - 207 с.
9. Лазарева Э.А. Заголовок в газете/ Э.А. Лазарева. – Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1989. – 176 с.
10. Für Sie. Режим доступа: <https://www.fuersie.de/> (Дата обращения 25.04.2020).
11. Фоминых Б. И. Синтаксическая структура заглавий // Рус. язык: Статьи и исследования. М., 1965. - С. 153-173.

12. BRIGITTE. Режим доступа: <https://www.brigitte.de/> (Дата обращения 25.04.2020).

УДК 811.11-26

К вопросу функционирования местоимений в разговорной речи

Ибраева Альбина Фархатовна

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), РФ, г. Казань
afibraeva@mail.ru

To the question of pronoun functioning in colloquial speech

Ibraeva Albina Farkhatovna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor Of Foreign languages and translation
department, Kazan Innovative University n.a. V. G. Timiryasov (IMEL), Russia, Kazan

Аннотация. Статья посвящена анализу функционального потенциала местоимений в разговорной речи на материале романа «Похищенный» Р.Л. Стивенсона. В результате исследования теоретического и практического материала были сделаны выводы о том, что местоимения в современных лингвистических работах вызывают интерес с точки зрения их функциональной значимости в рамках различных подходов: типологического, прагматического, психолингвистического. Анализ практического материала позволил выявить помимо основной заместительной функции, также такие функции местоимений в разговорной речи как: с опорой на ситуацию, дейктическую, предикативов / скрытых предикативов.

Ключевые слова: местоимение, часть речи, разговорная речь, текст, функциональный потенциал, слова заместители.

Abstract. The article is devoted to the functional potential of pronoun in colloquial speech based on the material of a novel "Kidnapped" by R.L. Stevenson. The results of theoretical and practical material analysis showed that pronouns in modern researches attract attention from the point of view of different approaches: typological, pragmatic, psycholinguistic. The analysis of practical material also defined such functions of pronouns in colloquial speech as: based on situation, deictic, predicative / hidden predicative.

Keywords: pronoun, part of speech, colloquial speech, text, functional potential, words substitutes.

Местоимения долгое время не привлекали внимание лингвистов в качестве отдельного объекта исследования. В основном находим описание структуры и значения местоимений в грамматиках английского языка [1; 3; 6] и работах по морфологии [2]. В последние десятилетия исследователи начали обращаться к анализу этой части речи с точки зрения типологических характеристик [4; 7], текстологии [5; 8; 10], психолингвистики [9], что позволяет говорить об

актуальности настоящего исследования, которое направлено на изучение функциональной значимости местоимений в разговорной речи.

В своей работе по сравнительному анализу местоимений в английском, немецком и русском языках Дубоделова Е., в частности, затрагивает вопрос о функциях английских местоимений. Автор отмечает, что местоимения имеют похожий функциональный арсенал, как и существительные, т.е. могут выступать в предложении в качестве субъекта и объекта. Однако отличаются в возможности модификации в предложении (*a big car*, но не **a big it*) и выражении определенных контрастов: некоторые местоимения имеют различную форму для выражения позиции подлежащего и дополнения, например, *I* vs. *me*, *who* vs. *whom*; некоторые местоимения демонстрируют различия в личной и безличной форме, формах мужского и женского рода, например, *he/she* vs. *it*, *who* vs. *which*; у некоторых местоимений различия выражены в формах единственного и множественного числа, например, *I* vs. *we*, *he* vs. *they*; у других отличается личная форма, например, *I* vs. *you* vs. *he/she/it* [4].

В статье «Тайная жизнь местоимений» Пеннибейкера Дж. У. находим интересное исследование местоимений с точки зрения психолингвистики. Автор исследует письменные сообщения, анализ которых приводит автора к следующим выводам: несмотря на то, что местоимения занимают лишь 0,1% всего используемого вокабуляра, они позволяют получить информацию о том, как говорящий (пишущий) думает, организовывает и видит свой мир, показывает свое отношение к другим людям. Кроме того, местоимения позволяют определить эмоциональное состояние человека, выявить обман, предугадать статус в социальной иерархии и качество межличностных отношений, наряду с установлением авторства текстов, которые вызывают сомнения [9].

Душкова Л. проводит глубокое исследование внутренней структуры языка, исследуя динамику предложения и текстов. Местоимения автор рассматривает с точки зрения их функционирования в предложении и также отмечает их значимость в определении стилистической составляющей текста [5, с. 294-297].

В нашем исследовании мы акцентировали внимание на функционировании местоимений в разговорной речи на материале романа Стивенсона Р. Л. «Похищенный». В авторском тексте представлено большое количество диалогической речи, что позволяет провести глубокий анализ.

Разговорная речь своеобразна не только по количеству используемой местоименной лексики, по общему её составу, по составу и последовательности

распределения местоимений. В ещё большей степени разговорная речь своеобразна по употреблению местоимений. Многие лексемы из высокочастотных местоимений *многозначны и полифункциональны* (*that, this, it, you* и т.д.). Так, например, местоимение *that* может служить иллюстрацией полифункциональности многих единиц разговорной речи. Во-первых, оно функционирует как местоимение, указывающее на тот или иной предмет, или как относительное местоимение в составе сложного предложения. Сравним два примера из произведения:

“Let me see **that** letter?” said he [11, p. 25]. – Давай посмотрим, что за письмо (здесь и далее перевод наш – А.И.)

“Do you know **that** you insult me?” said Alan, very low [11, p. 37]. – Ты понимаешь, что ты оскорбляешь меня? – совсем тихо сказал Алан.

Очевидно, что эта многозначность и полифункциональность позволяет основной группе наиболее частотных местоимений удовлетворять нужды разговорной речи.

Основная функция местоимений – *заместительная*. Они замещают в речи существительные, прилагательные, числительные. Наибольшей способностью к замещению обладает местоимение *it*. Его отвлечённое лексическое значение конкретизируется в разговорной речи речевой ситуацией. В этом основном своём значении – замены в речи только что названного, упомянутого – и употребляется местоимение *it* в разговорной речи. Например,

“That is the **house of Shaws!**” she cried. “Blood build **it**; blood shall bring **it** down” [11, p. 20] – Это замок Шос! – она закричала. – На крови заложен, кровь разрушит его.

В таком же значении употребляется местоимение *it* при замещении им названия какого-либо предмета действительности, который ясен из ситуации. Это одинаково свойственно и для книжного языка, и для разговорной речи, только в книжном языке наблюдается контекстовое употребление этого местоимения.

Но главное, что отличает разговорную речь в плане употребления местоимений, – это особенности их *функционирования с опорой на ситуацию* и ориентацией на общность апперцепционной базы говорящих. Этим отличается употребление местоимений в разговорной речи от их употребления в книжном языке. По нашим наблюдениям наиболее частотно контекстовое употребление местоимений в романе. При этом сами местоимения используются как замещающие существительные, прилагательные.

В разговорной речи местоимения также способны выполнять не только заместительную функцию, но и *дейктическую функцию*. Рассмотрим пример с местоимением *that*:

“Ye can eat **that drop parritch?**” [11, p. 25] – Можешь отведать вот этой кашки.

Кроме того, в разговорной речи местоимения используются в характеризующей функции, в *функции предикативов* и *скрытых предикативов*. Например,

“I’m sure our main threat is **that** man on deck” – said Alan [11, p. 89]. – Я уверен, наибольшую опасность представляет тот матрос на палубе, – сказал Алан.

Наши наблюдения показали, что треть всех словоупотреблений местоимения *that* приходится именно на скрытые предикативы, которые замещают имя целой ситуации.

Необходимо отметить и местоимение *all*, которое выделяется особым значением его употребления как предикатива. Например,

“Never had done,” said he. “I like fun, that’s **all**” [11, p. 69]. – Никогда, – сказал он. – Я люблю повеселиться и все.

Многие местоимения в ходе их функционирования в разговорной речи перестают быть местоимениями и, употребляясь уже в местоименной функции, превращаются в частицы, актуализаторы и т.д. Особенно следует упомянуть участие местоимений в устойчивых разговорных клише, типизированных построениях (*all of a sudden, such and such, I for one, nothing of the kind* и т.д.), которые специфичны для разговорной речи в той же мере, в какой клишированные построения иного порядка свойственны другим функциональным сферам.

Таким образом, мы можем сказать, что разграничение значений и функций местоименных лексем представляет большие трудности в силу характерной для разговорной речи синкретичности, крайним случаем выражения которой является само широкое функционирование местоимений и слов заместителей. Исследование текста романа Р. Л. Стивенсона «Похищенный» показало, что, несмотря на доминирующую заместительную функцию местоимений, в разговорной речи активно проявляет себя функция с опорой на ситуацию, дейктическая функция и предикативная.

Список литературы

1. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: «Высшая школа», 1981.
2. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. 156 с.

3. Biber D. The Longman Grammar of Spoken and Written English. London: Longman, 1999.
4. Dubodedova E. Form and Meaning of Pronouns in the English, German and Russian Language [Электронный ресурс]. Munich, 2007. URL: <https://www.grin.com/document/301055> (дата обращения: 3.04.2020)
5. Duskova L. From Syntax to Text: the Janus Face of Functional Sentence Perspective. An intra- and interlingual study of English. Prague: Charles University, Karolinum Press, 2015. P. 294-297.
6. Greenbaum S. The Oxford English grammar. Oxford: Oxford University Press, 1996.
7. Parmonov A. A. Structural-semantic types of interrogative pronouns in Modern English and Uzbek [Электронный ресурс]. 2016. 8 (112). URL: <https://moluch.ru/archive/112/28159/> (дата обращения: 27.04.2020)
8. Patel-Grosz P., Grosz P. G., Zobel S. Pronouns in embedded contexts at the syntax-semantics interface. Springer, 2017. 247 p.
9. Pennebaker J.W. The Secret Life of Pronouns [Электронный ресурс]. 2011. URL: <https://www.newscientist.com/article/dn20848-the-secret-life-of-pronouns/#ixzz6KL0OEF7Q> (дата обращения: 5.04.2020)
10. Stanovsky G., Tamari R. 'Y'all should read this! Identifying Plurality in Second-person personal pronouns in English Texts [Электронный ресурс] // Proceedings of the 2019 EMNLP Workshop W-NUT: The 5th Workshop on Noisy User-generated Text. Hong Kong, nov.4, 2019. P.375-380. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/D19-5549.pdf> (дата обращения: 27.04.2020)

Список источников

11. Stevenson R. L. Kidnapped. – Moscow, 2007. – 136 p.

УДК 811.112.2

Профессии среднего звена в немецкоязычной картине мира

Кожанова Наталья Викторовна

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков
Алтайский государственный педагогический университет, РФ, г. Барнаул
dsf46k@yandex.ru

Middle-ranking professions in the German language world view

Kozhanova Natalia Viktorovna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of Foreign languages department
Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

Аннотация. В статье рассматривается немецкоязычная картина мира, которая нашла свое выражение в определенной тематической группе, в функционировании профессий среднего звена в Германии. Особое внимание уделяется компонентам наименований, указывающим на квалификацию работающего. Речь идет также о типичных мужских и женских профессиях. Представленный материал позволяет сделать выводы о значимости профессий со среднеспециальной подготовкой и высоте предъявляемых к ним требований.

Ключевые слова: языковая картина мира, профессии среднего звена, компонент наименования, диспропорция.

Abstract. The article considers the German language world view that finds its manifestation in a certain lexical set, in the functioning of middle-ranking professions in Germany. A special attention is paid to the components of denominations showing the qualification of employees. What it also involves is typical male and female professions. The presented material allows to make the conclusion about the significance of vocational school professions and the level of requirements to them.

Key words: language world view, middle-ranking professions, component of denomination, disproportion.

В любом языке есть свой способ объективации мира. Сам по себе он является важнейшим способом формирования и существования знаний человека о мире. В слове человек фиксирует свои результаты познания объективного мира.

Языковая картина мира не стоит в одном ряду со специальной картиной мира, она им предшествует и формирует их. Это объясняется тем, что человек способен понимать мир и самого себя только благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт [1].

В течение многих десятилетий исследователи, занимавшиеся проблемой языковых картин мира, ограничивались, по большей части, описанием тех ее слоев, где национальная специфика выражена наиболее ярко. В первую очередь, речь идет о фразеологической системе языка. В последнее время наблюдается устойчивый исследовательский интерес к способам объективации понятий, компонентов научной картины мира, языковыми средствами (терминами). Очевидно, что при таком подходе размывается четкая граница между научной и языковой картинами мира. Единицы научной картины мира, вербализуясь, проникают в семантическое пространство языка, становясь компонентами языковой картины мира. Языковые единицы, вербализирующие понятия, стали объектом внимания многочисленных лингвистических исследований последних десятилетий [2, с. 43].

Как понятия, являющиеся результатом научного познания, отличаются от представлений научной картины мира, так и термины, вербализующие понятия, представляют собой совершенно особый пласт. Представляя собой достаточно автономный пласт лексики, системы терминов, в то же время, испытывают определенное влияние со стороны языковой картины мира. Стереотипы и нормы, запечатленные в языковой картине мира, определяют в достаточной степени структуру и содержание терминосистем.

Так, например, в немецкоязычной картине мира отражено стремление к выбору профессий среднего звена большинством выпускников учебных заведений,

даже в тех случаях, если они имеют возможность получить образование в ВУЗах. Этим можно объяснить наличие в немецкоязычной картине мира значительного количества наименований лиц по профессии среднего звена, образующих в своей совокупности многоуровневую лексическую подсистему с достаточно сложной иерархической структурой.

Целью данной статьи является описание особенностей профессионального образования в Германии и место профессий среднего звена в общем корпусе государственно-признанных профессий.

Государственно-признанные среднеспециальные профессии пользуются в Германии наибольшим спросом и популярностью. Как показывают специальные наблюдения, большинство молодых людей (около 70%) после окончания школы, в том числе и те из них, кто имеет право поступать в ВУЗы, выбирают среднее профессиональное образование [8, с. 433].

Все государственно-признанные профессии имеют силу на основании государственного закона о профессиональном образовании (Berufsbildungsgesetz) и на положениях о ремесле (Handwerksordnung). Для всех этих профессий действуют единые и обязательные для всех участников положения. На сайте ausbildung.de представлен государственно признанный список профессий среднего звена. Среди них можно увидеть следующие профессии:

*Anlagenmechaniker/in Rohrsystemtechnik; Baugeräteführer/in;
Chirurgiemechaniker/in; Dachdecker/in; Elektroniker/in für Energie- und
Gebäudetechnik; Feinwerkmechaniker/in; Gebäudereiniger/in;
Holzbearbeitungsmechaniker/in; Industrieelektriker/in; Konditoreifachverkäufer/in;
Leichtflugzeugbauer/in; Mechatroniker/in für Kältetechnik; Orthopädieschuhmacher/in;
Produktionstechnologe/-technologin; Stoffprüfer/in; Textilgestalter/in; Uhrmacher/in;
Verkäufer/in im Bereich Post- und Bankdienstleistungen; Weintechnologe/-technologin;
Zahnmedizinische/r Fachangestellte/r [7].*

Профессиональное образование в Германии отличается многоуровневый характер профессионального обучения. Это проявляется в том, что учебные программы построены таким образом, что, начиная с предельно коротких программ (до нескольких месяцев), они затем плавно переходят в более продолжительные. На каждом этапе выпускник программы получает документ соответствующего уровня. Заканчивается профессиональное обучение сдачей экзамена и получением официального документа – государственно-признанного свидетельства.

Каждый из работающих должен иметь определенный уровень квалификации, которая не может быть основанием для перехода работающего из одной категории в другую. Квалификация, ее уровень показывают степень освоения данной профессии в пределах определенной категории в зависимости от стажа и уровня подготовки.

Учебные заведения Германии выпускают специалистов среднего звена определенной трудовой квалификации. Квалификация каждого работающего последовательно повышается по мере увеличения стажа и опыта работы, и после сдачи соответствующего экзамена (Meisterprüfung), они становятся высококвалифицированными специалистами.

Указанием на квалификацию работающего являются такие компоненты наименований как: *Spezialist/in* (для немецкого обозначения профессии), *Senior* (для англоязычного обозначения), *Meister/in*, *Chef/in*, *Experte/in*, *Fachmann/-frau*. На специализированном немецком сайте *jobs.de* представлены следующие наименования профессий:

- *Spezialist/in SAP-Basis Administration, IT-Spezialist/in, Spezialist/in digitales Marketing, Datenbank Spezialist/in, Innovations Spezialist/in, Vertriebspezialist/in, Customer Service & Care Spezialist/in;*

- *Senior Softwareentwickler/in, Senior Manager /in - Product Management,*

- *Maurermeister/in, Fertigungsmeister/in, Lackierermeister/in, Maschinenbaumeister/in, Schweißwerkmeister/in, Werkstattmeister/in, Augenoptikermeister/in, Zahntechnikermeister/in, Handwerksmeister/in, Tischlermeister/in, Metallbaumeister/in, Elektromeister/in, Elektrotechnikermeister/in, Wassermeister/in;*

- *Chef de Bar, Plattenlegerchef/in, Küchenchef/in, Chef Bäcker-Konditor/in, Chef de service, Chefarzt/ärztin;*

- *Experte/in Technikbetrieb, Verkehrsexperte/in, Experte/in in Rechnungslegung und Controlling, Tourismus-Experte/in, Glasbauexperte/in;*

- *Schweißfachmann/-fachfrau, Versicherungsfachmann/-fachfrau, Fachmann/-frau Systemgastronomie, Fotomedienfachmann/-frau, Public Relations-Fachmann/-frau, Hotelfachmann/-frau [5].*

Среднее профессиональное образование ориентировано в равной степени на подготовку лиц как мужского, так и женского пола. В то же время наблюдается известная диспропорция в предпочтениях выбора профессии.

Считается, что мужчины больше заняты в коммерческих и ремесленных профессиях, женщины в косметологических и медицинских.

Так, типично женскими определяются следующие профессии *medizinische Fachangestellte*, *Bürokauffrau*, *Rechtsanwaltsgehilfin*, *Friseurin*, *Pflegeassistentin*, *Krankenpflegerin* *Servicefachangestellte* и *Erzieherin*. Свыше 80% представителей данных профессий являются женщинами.

К типично мужским профессиям относятся *Dachdecker*, *KFZ-Mechaniker*, *Tiefbaufacharbeiter*, *Elektroniker*, *Schreiner*, *Maurer* и *Glaser*. Существует мнение, что выполняемая деятельность большинства "мужских" профессий требует физической силы, что создает определенные трудности для выполнения аналогичных действий представительницам женского пола. Поэтому опять же больше 80% работников данных профессий - мужчины [6].

Последние исследования свидетельствуют о том, что женщины все чаще проявляют интерес к тем профессиям, где раньше доминировали мужчины. Несмотря на это, в рамках «типично женских» профессий по-прежнему доминируют женщины [3, с. 15].

Чтобы избежать данной диспропорции, появляется все большее количество проектов, направленных на то, чтобы представители разных полов познакомились, "прочувствовали" профессии другого пола. Для этого в немецких школах с 2001 года проводят, так называемый, "Girls Day"/"Boys Day", день, в течении которого молодые люди могут "погрузиться" в профессии другого пола [6].

Тенденции и перспективы развития общества, его экономики и социально-политической системы в последние десятилетия выдвигают новые требования к работникам всех уровней и квалификаций, в том числе к специалистам со среднеспециальной подготовкой [4, с. 13]. Меняющиеся потребности отраслей экономики и социальной сферы, развитие наукоемких и информационных технологий требуют дальнейшего расширения масштабов подготовки специалистов, совершенствования структуры и содержания среднего профессионального образования. Это в свою очередь требует систематизации корпуса наименований профессий среднего звена с учетом их языковых и речевых параметров.

Список литературы

1. Федянина Л.И. Способы объективации концепта *Geld* в немецкой языковой картине мира: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 193 с.
2. Кожанова Н.В. Наименования лиц по профессии в немецкоязычной картине мира. Дисс. канд. филол. наук. – Барнаул, 2007. – 244 с.
3. Шайян Ж. Положение женщин в Германии: цифры и факты // *Deutschland*. – 1995. – №5. – С.14-15.
4. Щербакова Н.И. Формирование иноязычной компетентности специалиста среднего звена: Дисс. ... канд. пед. Наук. – М., 2004. – 222 с.

5. Aktuelle Stellenangebote für Ihre Jobsuche. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jobs.de>.
6. Gender: Typische Männer-und Frauenberufe. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ausbildungsanzeigen.de>.
7. Reglementierte Berufe. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ausbildung.de>.
8. Tatsachen über Deutschland / Unter Leitung von A. Hoffmann. – Frankfurt am Main: Societäts – Verlag, 2000. – 527 S.

УДК 811.11-112

**Интерпретация аксиологических характеристик концепта «странность»
(на материале произведения Джонатана Франзена «Безгрешность»)**

Кычкова Маргарита Валерьевна

аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
РФ, г. Белгород
margarita.valeryevna93@yandex.ru

**Interpretation of the axiological characteristics of the concept of "strange"
(on the material of Jonathan Franzen's Work "Purity")**

Kychkova Margarita Valeryevna

postgraduate student of English philology and intercultural communication department
Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Аннотация. Статья посвящена аксиологическому анализу концепта «странность» в произведении Джонатана Франзена «Безгрешность». Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к изучению проблемы взаимодействия языка и мышления, что свойственно для антропоцентрического подхода в современной лингвистике. Цель исследования заключается в определении явных и скрытых оценочных смыслов концепта «странность» в английском языке посредством аксиологического анализа. Оценочные смыслы зависят от неустойчивых субъективных и объективных суждений, связанных с категорией ценностей, которая также постоянно изменяется в связи с развитием общества. В работе полученные результаты обобщаются и интерпретируются с позиции аксиологической лингвистики.

Ключевые слова: концепт, ценность, оценка, аксиология, аксиологическая лингвистика

Abstract. The article focuses on the axiological analysis of the concept of "strange" in Jonathan Franzen's work "Purity". The relevance of the study is due to the increased interest in the study of the interaction between language and thinking, which is characteristic of the anthropocentric approach in modern linguistics. The aim of the study is to determine the explicit and hidden estimated meanings of the concept of "strange" in English through axiological analysis. Value meanings depend on unsustainable subjective and objective judgements related to the category of values, which is also constantly

changing due to the development of society. In the work the obtained results are generalized and interpreted from the point of view of axiological linguistics

Keywords: concept, value, evaluation, axiology, axiological linguistics

Актуальность исследования заключается в особенности современной лингвистики изучения языка с точки зрения познания человеком окружающего мира. Язык представляет собой форму познания действительности, а также реального образа мира, постичь который человек стремится на протяжении многих веков. При этом особое внимание уделяется языковой личности, которая находится в центре внимания в лингвистике со второй половины XX века.

Научная новизна исследования заключается в недостаточном исследовании оценочных смыслов концепта «странность» в современном английском языке.

В языкознании XX века принято считать основополагающими принципами исследования языка системность и структурность, однако в рамках современного исследования языка коммуникативность, интегративность, диалогичность, дискурсивность, антропоцентричность и др.

В русле антропоцентрического подхода, в котором «анализируется человек в языке и язык в человеке», происходит взаимодействие различных гуманитарных дисциплин [8, с. 4]. В связи с чем возникает новое направление на стыке лингвистики и аксиологии (сравнительно-молодое философское направление, изучающие вопросы, связанные с природой ценностей, взаимосвязь между собой, а также их существование в реальном мире).

Аксиологическая лингвистика представляет собой новый исследовательский подход, задачей которого является определение ценностного компонента определенной лексики или высказывания. Посредством лингвоаксиологического анализа выявляются особенности языковой картины мира, для определённой эпохи, а также ценности для конкретной языковой личности или социума в целом.

Центральными понятиями лингвоаксиологии являются «ценность» и «оценка». Как считает С.Ф. Анисимов, «оценка как мысль о значении может быть положительной или отрицательной, ценность же – только положительной. Следовательно, значение и ценность – не одно и то же. Значение шире, оно включает и качественно отрицательное» [1, с. 67].

Адекватное понимание оценки определённой личности непосредственно связано с его интересами, предпочтениями, мировоззрением, национальностью, социальным статусом и др. причинами. Интерпретация ценности ориентирована на всеобщие предпочтения, важность, пользу и т.д. По мнению О.А. Кузиной, «ценности

являются некими идеалами, ориентирами, господствующими в обществе, которыми руководствуется человек в процессе своей деятельности и которые определяют его отношение к объектам окружающего мира» [3, с. 26].

Таким образом, понятия «ценность» и «оценка» следует дифференцировать, ценность отражает объективные взгляды на мир, имеющие положительную или отрицательную значимость, оценка антропоцентрична, так как непосредственно связана с субъективным видением личности.

Возрастающий интерес ученых к проблеме оценки в языке приводит к возникновению новых задач в современной лингвистике, в связи с чем появляются идеи исследовать ментальную единицу – концепт, выявляя языковое сознание индивида, группы индивидуума или всей нации.

Концепт является центральным понятием многих различных дисциплин, что так же свойственно для аксиологической лингвистики, в которой он рассматривается как ментальное образование, отражающее глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания. Как считает В.И. Карасик, под концептом понимается «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и целостная сторона» [2, с. 59].

М.В. Пименова понимает под концептом, «единицы концептуальной системы в отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Что индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров, и есть то, что называется концептом» [6, с. 9.]. Из представленного определения следует, что при взаимодействии языка и концепта выявляется скрытая сфера ментальности, а именно, представление людей о мире.

Концепты выражают специфику языковой картины мира, характерную для определенной эпохи, а также духовные, национальные и культурные ценности.

В лингвоаксиологии через концепты отображается положительное, отрицательное или нейтральное оценочное отношение человека или группы людей. Оценка выражает результат мыслительного анализа, который связан с субъективным оценочным суждением.

В нашем исследовании посредством аксиологического анализа некоторых цитат из современного романа «Безгрешность» Джонатана Франзена, мы выявляем особенности концепта «странность» на английском языке, в котором отражаются оценочное отношение главных героев.

В центре сюжета произведения жизнь молодой американки Пьюрити, которая находится в поиске самой себя. На протяжении всего романа автор затрагивает такие важные проблемы современного общества как наследие социализма в Восточной Европе, оружие массового поражения и колоссальное влияние интернета. Дж. Франзен подчеркивает актуальное и увязывает его с историей, культурой, бытием, что и создает глубинный сюжет романа.

Концепт «странность» на английском языке представлен различными синонимичными лексемами *strange*, *unusual*, *oddly*, *curious*, под которыми в качестве ментального образования подразумевается необычность в поступках, взглядах, вызывающая недоумение и непонимание у большинства людей. В большинстве случаев данная лексема имеет отрицательную оценку, так, например, *I feel strange* (мне не по себе), *strange people* (чужаки), *unusual occurrences* (странные происшествия), *odd man out* (третий лишний), *curious idlers* (зеваки).

Рассмотрим концепт «странность» с точки зрения лингвоаксиологии на примере некоторых иллюстраций из представленного произведения.

Пример 1. “Her life with Tom was **strange** and ill-defined and permanently temporary but therefore all the more a life of true love, because it was freely chosen every day, every hour” [10].

«Их жизнь с Томом была странной, нечетко определенной, постоянно временной, но именно поэтому она была жизнью, в большей степени, основанной на подлинной любви: они по свободной воле, выбирали эту жизнь каждый день, каждый час» [9].

В данной цитате концепт «странной», понимается как непредсказуемая, отличающая от стандартов. В общем понимании представленная лексема имеет отрицательную оценку, однако в этом предложении оно приобретает противоположное значение, так как благодаря этой странности жизнь главных героев особенная, наполненная искренними чувствами.

Пример 2. “But still it seemed cruel and **unusual** that Tom was the man she was in trouble with” [10].

«И все-таки казалось жестоким и странным, что человек, чьего доверия она не оправдала, – именно Том» [9].

Под лексемой «странным» понимается нечто ненормальное, что и создает отрицательное оценочное отношение к возникшей ситуации. Пьюрити не умеет строить отношения с мужчинами, у нее много проблем в различных сферах (финансовых, семейных,) которые мешают ей.

Пример 3. “In her guilty frame of mind, she had the **curious** thought that Andreas was secretly her father” [10].

«В повинную голову пришла странная мысль: может быть, ее тайный отец – Андреас» [9]?

Пример 4. “Пример But everything in the moment argued against it — my inexperience, my suspicion of my motives, Anabel’s **strange** notions of purity, her wish to be left alone, my wish not to harm her” [10].

«Но в ту минуту все было против этого: моя неопытность, моя подозрительность в отношении своих собственных мотивов, странные понятия Анабел о чистоте и безгрешности, ее желание остаться одной, мое нежелание ей повредить» [9].

В примерах 3,4 ключевым моментом является концепт «странная (ые)», выражающий необычные размышления автора данных фраз, которые несут в себе неоднозначную оценку происходящего. В примере 3 читатель понимает, что Андреас наконец то найдет своего отца, который раскроет ей тайны прошлого и, возможно, изменит настоящее, однако это может также привести к негативным последствиям, поэтому главная героиня находится в смятении. В примере 4 у героев возникает чувство внутренней борьбы между устоявшимися принципами на жизнь и зародившимися отношениями.

Пример 5. “And yet it was **oddly** comforting to know that even if she could identify the ethically correct thing to do with a billion dollars, and proceeded to do it, she could never alter the world’s shitty course” [10].

«И в то же время странное успокоение давала ей мысль, что, пусть даже она нашла бы этически верный способ распорядиться миллиардом долларов и распорядилась им, дерьмовой траектории мира это бы не изменило» [9].

В рассматриваемом предложении концепт «странное» понимается как непонятное, необъяснимое. С одной стороны, смысл цитаты несет в себе положительную оценку, так как Пьюрити стала по-другому смотреть на окружающую ее действительность и ей стало морально легче. С другой, отличие от обычного настораживает, и вызывает тревожные мысли у главной героини. Пьюрити осознает, что ничего и никто не сможет изменить мир к лучшему, ни деньги, ни огромное желание — это сделать не в силах, поэтому представленная лексема имеет отрицательную оценку.

Анализируя концепт «странность» в произведении Джонатана Франзена «Безгрешность» с точки зрения лингвоаксиологии, мы пришли к следующим выводам:

1. выражает явную или скрытую негативную оценку происходящего;
2. выражает положительную оценку (только в конкретном контексте) с субъективной позиции главного героя или читателя.

Таким образом, антропоцентрический подход в современной лингвистике уделяет особое внимание связи языка и человеческого фактора. «Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности» [4, с. 1]. Через язык человек имеет возможность показать свое отношение к окружающей действительности, то есть выразить свою оценку, которая непосредственно связана с интересами личности, поэтому «природа оценки тесно связана с природой человека» [5, с. 3].

В художественных произведениях через оценочные смыслы, которые напрямую зависят от субъективного отношения личности, выявляются важные характеристики, мировоззрения, качества, предпочтения, интересы и др. главных героев. При рассмотрении художественного персонажа, ценность, оценка и контекст непосредственно связаны друг с другом. Через определенный контекст отображаются ценностные предпочтения героя, которые проявляются в том, как он оценивает ситуацию, человека, явление, событие и т.д. Если оценка положительная, то она представляет собой некую ценность для героя, если нейтральная или отрицательная, то является неценной.

Как считает И.В. Чекулай, «оценка как явление мыслящего ума отражает, прежде всего, его характеристики как субъекта и объекта действия, как статического потенциала и динамического механизма преобразования мира и собственной судьбы» [7, с.73]. Оценка всегда индивидуальна и связана с эмоциональными и рациональными качествами личности, несмотря на то, что она может вызывать противоречивые чувства.

Список литературы

1. Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию. М.: Современные тетради, 2001. 128 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
3. Кузина О.А. Аксиологический аспект языковой репрезентации образа Украины в англоязычных средствах массовой информации: Дис, к.филол. наук, Санкт-Петербург, 2019. 161 с.
4. Наумова Н.Г. Система ценностей человека как объект лингвистического исследования Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016, № 1, с. 237 – 244

5. Новикова Е. В. Особенности изучения понятий "ценность", "норма" и "оценка" в лингвистике// Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ, 2019. – № 3
6. Пименова М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе: Колл. Монография, Кемерово: КемГУ, 2006, № 7. С. 16 – 61.
7. Чекулай И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: Дис. д-ра филол. наук, Белгород, 2006. 473 с.
8. Маслова В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2018, Том 16 № 2, с. 172 – 190

Список источников

9. Джонатан Франзен Безгрешность: роман. АСТ: CORPUS; Москва; 2016. 340 с.
10. Jonathan Franzen Purity [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/Franzen_Jonathan/purity.html#0 (дата обращения 1.04.2020)

УДК 81-112

Способы переименования крупнейших водоемов в Калининградской области

Петешова Ольга Викторовна

канд. филол. наук, доцент Института образования
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, РФ, г. Калининград
OPeteshova@kantiana.ru

The ways of large water bodies renaming of the Kaliningrad region

Peteshova Olga Viktorovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of Education
Immanuel Kant Baltic Federal University, RF, Kaliningrad

Аннотация. В данной статье выявляются способы согласования исходных и новых гидронимов при переименованиях крупнейших водных объектов Северо-Восточной Пруссии после их включения в состав Советского Союза. Отдельно рассматриваются особенности реноминации рек и озер Калининградской области. По результатам исследования основными способами переименования являются независимое переименование, заимствование с последующими языковыми трансформациями и без них, одинаковая тематическая соотнесенность, различные типы перевода и аллюзия.

Ключевые слова: переименование, топоним, гидроним, лимноним, Калининградская область.

Abstract. This article focuses on the way original and new hydronyms correspondences in the course of large North-Eastern Prussian water bodies renaming that took place after those territories were annexed by the Soviet Union. Special aspects of rivers

and lakes renaming are also considered in the article. According to the results of this research the main ways of renaming including independent renaming, borrowings with or without further transformations, the same theme correlation, different types of translation and allusion were revealed.

Key words: renaming, toponym, hydronym, limnonym, the Kaliningrad region.

Как известно, названия водоемов издавна считаются наиболее устойчивыми из всех возможных топонимических единиц и в наибольшей мере выполняют культуросохраняющую роль [1, с. 390]. Несмотря на это, при массовом переименовании географических объектов, последовавшем за присоединением территорий бывшей Северо-Восточной Пруссии к СССР в конце 40-х годов XX века, все немецкие водоемы получили новые русскоязычные номинации.

Для иллюстрации основных способов переименования из 4620 рек Калининградской области общей протяженностью около 12900 километров отберем 13 самых крупных и значимых водных объектов региона (длиной от 15 до 937 километров) по версии некоммерческого фонда «Исток», занимающегося их детальным изучением [2].

Итак, при их переименовании были задействованы четыре основных способа. Из них чаще всего (в 6 случаях) инициаторами переименования используется **заимствование** топонимических единиц, при котором сохраняется форма исходного немецкого гидронима, но стирается его семантика, например, *Pissa* (от древнепрусского *pissa* – болотистый лес; здесь и далее этимологический анализ исходного языкового материала осуществляется с опорой на немецкоязычный источник [3]) → *река Писса* или *Scheschuppe* (от литовского *šeže* – черный дрозд; *ure* – река) → *река Шешупе*.

В обоих приведенных примерах гидроним транскрибируется без дополнительных преобразований, однако более частотным вариантом заимствования в Калининградской области становится заимствование с дальнейшей языковой трансформацией. При этом самым распространенным из типов трансформаций, возможных по классификации Л.Е. Кирилловой и М.А. Семеровой [4], в Калининградской области является фонетическая трансформация, реализованная, например, в паре *Angerapp* (от прусского *anguris* – угорь; *app* – река) → *река Анграна*, где выпадает один из гласных корня, но добавляется типичное для названий русских рек окончание *-а*, или в похожей паре *Deime* (от индоевропейского *dei* – течь) → *река Дейма*, демонстрирующей изменение как окончания, так и корневого гласного. Фонетические трансформации, как правило, сопровождаются трансформациями морфологическими, к примеру, добавлением словообразовательного элемента в

случае *Inster* (от литовского *istras* – устье) → река *Инструч* или изменением грамматического рода в случае *Pregel* (от прусского *preigillis* – глубокое место) → река *Преголя*.

Вторым по распространенности способом согласования названий крупнейших региональных рек при переименовании является **независимое переименование**, совершенно не учитывающее ни формы, ни семантики исходных гидронимических единиц (4 случая из 13). Рассмотрим в качестве примера пару топонимов *Rominte* → река *Красная*. Слово *Rominte* происходит предположительно от прусского слова *roms* (тихий) в сочетании с прусским окончанием мужского рода *inte*, а значит, никак не связано с новым названием реки в Нестеровском районе Калининградской области. Однако некая косвенная соотнесенность между этими названиями присутствует: данная река с юго-востока на северо-запад пересекает заповедный Красный лес, название которого производно от ее названия, а в немецком языке соответствующий лесной массив *Rominter Heide* также получил имя по наименованию пересекающей его реки.

В еще большей степени независимыми являются следующие три случая региональных гидронимических переименований:

1. *Memel* (на наречии жителей Куршской косы, родственном латышскому языку, слово *memelis* означает «тихий, медленный») → река *Неман* (современное название родственно литовскому *ne mano*, то есть «не моё»; отсылка к литовскому языку неслучайна в связи с тем, что большая часть течения реки относится к литовской территории);

2. *Germauer Mühlenfließ* (от прусского *germe* – старый лес и немецкого «мельничный поток») → река *Приморская* (данное название полностью соответствует географическому положению реки, которая имеет исток в двух километрах от берега Балтийского моря и протекает практически параллельно береговой черте);

3. *Forkener Fließ* (название потока образовано от ойконима *Forken*, что в целом нетипично для номинативных отношений между ойконимами и гидронимами, но в указанном случае доказывается применением характерного суффикса *-er*) → река *Нельма* (название реки в честь рыбы семейства лососевых, которая никогда в ней не обитала, кажется странным, но можно попытаться мотивировать его тем фактом, что рыба нельма предпочитает жить в прохладных и чистых водоемах, подобных этому).

Третью позицию среди способов переименования калининградских рек занимает **одинаковая тематическая соотнесенность** гидронимов, то есть выбор

такого русскоязычного названия реки, которое относится к тому же семантическому классу, что и исходный гидроним. Красноречивым примером может послужить реноминация *Alle* → *река Лава*, оба элемента которой в той или иной мере описывают качественный состав переименованного водоема (пруссский гидроним восходит к индоевропейскому слову *el* – текущий). На условно одинаковой тематической соотнесенности основывается также переименование реки *Bahnau* (от индоевропейского *bhanuh* – блеск) в русскую *Мамоновку*. Дело в том, что прежний гидроним синонимичен прежнему названию небольшого населенного пункта, расположенного недалеко от давшего название советской реке городка Мамоново, чуть западнее которого река впадает в Калининградский залив.

Наконец, характеризуя основные способы переименования крупнейших рек региона, нельзя не упомянуть об одном случае классического **псевдоперевода**. Речь идет о реноминации *Frisching* → *река Прохладная*. Если считать, что исходный гидроним был образован от немецкого прилагательного *frisch*, то перевод топонима как «свежий» или «прохладный» можно оценивать как абсолютно естественный. Однако этимологический анализ показывает, что, скорее всего, исходный гидроним все-таки имеет балтийское происхождение и был получен в ходе ряда фонетических трансформаций от имени существительного *versme* («источник») в сочетании с прусским окончанием *-ing*, типичным для названий древнепруссских водоемов, поэтому при данном переименовании была допущена лингвистическая ошибка.

Перейдем к описанию способов переименования 12 наиболее значимых озер Калининградской области, особо отмеченных среди 3750 региональных озер в исследовании выше упомянутого фонда «Исток». Эти способы отличаются от способов реноминации рек как по качественному составу, так и по частоте случаев реализации.

Наиболее частотным способом ожидаемо оказывается **независимое переименование** (6 случаев, то есть ровно половина нашей небольшой выборки). В свою очередь, ровно половина попадающих в эту категорию гидронимических пар имеет в качестве исходного элемента лимноним, образованный от ойконима: *Billenauer See* → *озеро Чистое*; *Nassawer See* → *озеро Рыбное* (его название легко объясняется обитанием в нем десяти различных видов рыб), *Dobauer See* → *озеро Камышовое* (описывая данное озеро, ученые отмечают, что вдоль его берегов в изобилии растут осока и камыш).

Факт реноминации двух независимо переименованных озер областного центра удивительным образом не зафиксирован в единственном архивном источнике, в

котором представлен перечень переименований разнородных природных объектов Калининградской области, - в Решении Облисполкома № 560 от 31 декабря 1947 года [5]. О характере переименования можно узнать только на основе анализа картографического материала, устанавливающего сущность реноминаций *Schlossteich* (немецкое название «замковый пруд» обусловлено близостью водоема к Кенигсбергскому королевскому замку) → *Нижний пруд* (нижним он является по отношению к еще одному пруду города Калининграда, Верхнему) и *Zwillingssee* (в переводе с немецкого языка название обозначает «озеро-близнец», что может быть связано с формой водоема, разделенного пополам своеобразной перемычкой) → *озеро Поплавок* (возможен вариант трактовки лимнонима как названия водного объекта, предназначенного для рыбной ловли).

Последним примером независимого переименования в нашей выборке становится пара *Walter* → *озеро Синявинское*. При этой реноминации осуществляется замена лимнонима, предположительно отсылающего к мужскому личному имени, на русское географическое название, соотносящееся с наименованием близлежащего населенного пункта из Янтарного городского округа.

На втором месте среди способов переименования крупнейших региональных озер оказывается **перевод** (3 случая), реализуемый как в своей классической форме при переименовании *Oberteich* («верхний пруд») → *пруд Верхний* (подразумеваемый водоем расположен выше по течению ручья по отношению к уже упомянутому Нижнему пруду), так и с опущением отдельных компонентов переводимых составных или сложных топонимов:

1. *Klein Budugnis-See* → *озеро Малое Олень* (переводятся первый и третий компоненты трехкомпонентного исходного лимнонима; вместо неясной по своему происхождению основы *budugnis* в русском лимнониме появляется отсылка к фауне, имеющая место также в названии леса Оленьего, в котором находится рассматриваемое озеро);

2. *Möwenbruch* (немецкое «болото чаек») → *озеро Чайка*. Название этого крупнейшего на Куршской косе озера, вероятно, сопряжено с его функционированием в прошлом в качестве территории массового гнездования озерных чаек.

Следующий способ переименования – **заимствование** – является менее релевантным для калининградских озер, чем для рек (2 случая), но, как и применительно к рекам, может либо предполагать дополнительные фонетико-морфологические трансформации (так из лимнонима *Wystiter See*, образованного от

литовского *vista* – курица, получилось название самого большого озера в области – *Виштынецкого*), либо осуществляться в чистом виде (*Marinowo-See* → озеро *Мариново*, где исходный лимноним складывается из индоевропейской основы *mor* – стоячая вода и суффикса *-owo*).

Четвертым из четырех способов переименования региональных озер служит единично использованная в материале нашего исследования **аллюзия**, то есть привлечение для номинации водоема некой реально существующей лексемы русского языка, сходной по звучанию с исходным восточно-прусским лимнонимом, но совершенно не соотносимой с ним по значению. Именно таким путем было осуществлено переименование *Woriener See* (лимноним образован от ойконима) → озеро *Воронье* (кстати, считается, что в окрестностях водоема обитают, скорее, лебеди, гуси и утки, чем вороны).

В целом, конечно же, нельзя судить о всем процессе гидронимических переименований в Калининградской области по той незначительной выборке, которая была подробно охарактеризована в рамках настоящей статьи, но, тем не менее, те способы, которые используются при переименовании крупнейших водоемов региона, являются наиболее показательными, демонстрируя подходы к называнию новых водных объектов, особо значимых в местных масштабах именно в силу своего размера.

Список литературы

1. Подосинов А.В. Древнейшие государства Восточной Европы. М.: Восточная литература, 1999. – 400 с.
2. Исток: изучаем и сохраняем природу Калининградской области. Режим доступа: <https://istok39.ru> (Дата обращения: 14.03.2020).
3. Endungen und Besonderheiten baltischer Familiennamen. Режим доступа: <https://wiki-de.genealogy.net> (Дата обращения: 14.03.2020).
4. Кириллова Л.Е., Семерова М.А. Трансформация удмуртских географических названий // Научный диалог. 2018. № 8 – С. 9-33.
5. Решение Облисполкома № 560 от 31.12.1947 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области 297.1.23.

УДК 811.11

Глаголы с атрибутивной валентностью со значением «жаловаться» как средство выражения эмоций

Чубарова Наталья Андреевна

канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка
Вологодский государственный университет, РФ, г. Вологда
natalja.wologda@mail.ru

The verbs with attribute valence with the meaning "to complain" as a means of expressing emotions

Chubarova Natalia Andreevna

PhD (Philology), Associate Professor, English Language Department
Vologda State University, Russia, Vologda

Аннотация. В статье анализируются некоторые глаголы с атрибутивной валентностью как средство выражения эмоций в немецком языке. На основе анализа словарных дефиниций выделяется группа глаголов с инкорпорированным актантом-атрибутом, имеющих значение «жаловаться». Глаголы подразделяются на субъектные и объектные типы. Изучается функционирование данных глаголов в текстах художественной литературы, описываются их семантико-валентностные характеристики.

Ключевые слова: немецкий язык, глагол, валентность, актант, атрибут, эмоции.

Abstract. The article deals with some verbs with attribute valence as a means of expressing emotions in the German language. Based on the analysis of vocabulary definitions, a group of verbs with incorporated actant attribute is identified that have the meaning "to complain". The verbs are divided into subject and object types. The functioning of these verbs in fiction is studied, their semantic-valence characteristics are described.

Keywords: the German language, verb, valence, actant, attribute, emotions.

В настоящее время существует большое количество лингвистических исследований, посвященных эмоциям, эмоциональному состоянию человека. Эмоции рассматриваются в качестве формы оценивания человеком предметов и явлений окружающего мира, их личностной значимости для него [5, с. 66]. По мнению В. И. Шаховского, эмоциональные процессы отображаются в слове специфическими компонентами его семантики. Эмоции, согласно автору, "проникают" в слова, закрепляются в них, "хранятся" в них и при необходимости манифестируются, выражаются и опознаются с помощью данных слов [11, с. 5].

Исследованию эмотивной лексики уделяется большое внимание. Учитывая денотативный, парадигматический и синтагматический принципы, Л. М. Васильев в зависимости от характера сочетаемости слов одного класса выделяет глаголы

эмоционального состояния, переживания и отношения [6, с. 11]. Л. Г. Бабенко разрабатывает семантическую классификацию эмотивной лексики, исследуя все грамматические классы [4]. Н. Д. Арутюнова подразделяет предикаты в зависимости от содержательного аспекта глагольных валентностей (характера актанта, выражающего причину) на ориентированные на событие и ориентированные на объект [3, с. 161]. Значительный вклад в изучении эмоций был сделан В. И. Шаховским [11], создателем лингвистической теории эмоций, а также такими учеными-лингвистами как И. В. Арнольд [2], Ю. Д. Апресян [1], А. Вежбицкая [7], М. И. Кожина [9], О. Е. Филимонова [10] и др.

Особое внимание при исследовании эмотивной лексики уделяется глаголам. Глагол, согласно Л. Г. Бабенко, является наиболее приспособленным для отражения эмоций, поскольку он обязательно ориентирован на сферу субъекта или на сферу объекта, что определяет «событийность» его семантики, наиболее адекватно отражающей ситуации действительности [4, с. 65].

Целью данной статьи является выделение группы глаголов с атрибутивной валентностью со значением «жаловаться», изучение их семантико-валентностных характеристик.

К средствам выражения эмоций в немецком языке можно отнести некоторые глаголы с атрибутивной валентностью. Глаголы с атрибутивной валентностью представляют собой валентностные варианты глаголов, открывающие место для актанта с семантикой признака (*атрибута*). Отбор глаголов осуществлялся на основе анализа словарных дефиниций, содержащих указание на наличие такого актанта. В ходе анализа было выявлено две группы глаголов: глаголы с актантом-атрибутом с общей признаковой характеристикой и глаголы с включенным инкорпорированным актантом-атрибутом. Лексикографическое толкование глаголов первой группы содержит указание на *общую качественно-оценочную характеристику* действия, процесса, состояния (*каким-либо образом/in bestimmter Weise/in irgendwelcher Weise/in bestimmter Art*), например:

zeigen, sich – *in bestimmter Weise wirken, einen bestimmten Eindruck machen; sich als etwas erweisen, herausstellen: sich freundlich, anständig, großzügig zeigen; sie zeigte sich darüber sehr erfreut, enttäuscht; er zeigte sich ein wenig erstaunt, besorgt, gekränkt; er zeigte sich dieser Aufgabe nicht gewachsen* [12].

Лексикографическое толкование глаголов второй группы содержит *конкретную качественно-оценочную характеристику* действия, процесса, состояния, например:

despektieren (gehob.) – jemanden *gering* schätzen, verachten [12].

Среди глаголов с инкорпорированным актантом можно выделить *группу глаголов внешнего выражения негативных эмоций* со значением «жаловаться, плакать»: **beweinen, jammern, bejammern, klagen, wehklagen, lamentieren, betrüben, wimmern, plärren, greinen, schluchzen**. Данные глаголы в лексикографическом толковании содержат такие качественно-оценочные характеристики как «weinend», «jammernd», «krampfhaft, stoßweise atmend» и т.д., например:

beweinen – *weinend* betrauern, beklagen: einen Toten, einen Verlust beweinen [12].

bejammern – etwas *jammernd* beklagen [12].

schluchzen – *krampfhaft, stoßweise atmend, weinend* Schmerz, tiefe innere Bewegung äußern: herzerbrechend schluchzen [12].

В рамках исследования данных глаголов было проанализировано более 10 произведений художественной литературы общим объемом 3365 страниц, изучены более ста примеров функционирования данных глаголов в текстах.

Исследование глаголов осуществляется при помощи семантико-валентностного анализа. В качестве валентных свойств глагола рассматриваются наличие субъекта и объекта, основных содержательно и структурно обязательных актантов [8, с. 108]. Среди глаголов соответственно выделяются две группы: *субъектные* (**jammern, klagen, wehklagen, lamentieren, wimmern, plärren, greinen, schluchzen**) и *объектные* (**beweinen, bejammern, betrüben**) типы.

Наиболее часто встречающиеся в текстах глаголы **jammern** и **klagen** употребляются в общем значении «жаловаться», например:

*Kühl betrachtete Käthe sie von oben bis unten. Schau mal in den Spiegel, Mädchen, du bist heute sechzehn geworden, es wird Zeit, dass du nicht mehr ständig **klagst** und **jammerst*** [13, с. 46].

Глагол **klagen** также часто употребляется как жалоба на неудовлетворительное физическое состояние, например:

*Als sie **klagte**, ihre Beine täten weh, schlug ich ihr vor, eine Putzfrau zu beschäftigen. Meine Beine tun mir weh, klagte sie immer wieder, aber sie wollte keine fremde Person im Haus, eine Putzfrau...* [15, с. 97-98].

Глаголы **schluchzen** и **wimmern** имеют значение «всхлипывать, хныкать». Глагол **schluchzen** выражает более интенсивное проявления негативных чувств и

часто выступает в значении «рыдать», в то время как **wimmern** имеет значение «ныть, тихо хныкать», сравните:

„Jetzt sag, was los ist. Ella, hörst du mich?“ Er entdeckte ihre Tränen, sie **schluchzte**, hatte rote Flecken im Gesicht, sie weinte hemmungslos [13, с. 37]. „Noch Kaffee“, frage ich. „Orangensaft“, **wimmert** sie. Ihr Tonfall erinnert mich viel zu sehr an Jessie, die auch immer **gewimmert hat**, wenn sie nicht bekam, was sie wollte [17, с. 14-15].

Глаголы **wehklagen**, **lamentieren**, **plärren** и **greinen** стилистически окрашены, их употребление в текстах художественной литературы соответственно ограничено, поэтому исследование данных глаголов осуществляется, в основном, на основе анализа словарных дефиниций.

Глагол возвышенного стиля **wehklagen** имеет значение «сетовать, жаловаться; стонать, причитать, оплакивать», например:

wehklagen – einen seelischen Schmerz in Wehklagen äußern; klagen: er wehklagte laut [12].

Согласно результатам анализа лексикографических толкований глаголы сниженной стилистической окрашенности **plärren**, **lamentieren** и **greinen** отличаются степенью проявления негативных эмоций: глаголы **plärren** и **lamentieren** означают громкое проявление чувств, в то время как **greinen** – более тихое, сравните:

plärren – in unangenehm und unschön empfundener Weise laut und breit gezogen-gequetscht reden: wir hörten, wie sie im Haus plärrte [12].

lamentieren – laut und ausgiebig klagen, jammern: den ganzen Tag, bei jeder Gelegenheit, über jede Kleinigkeit lamentieren [12].

greinen – leise und kläglich vor sich hin weinen: das Kind greint [12].

Объектные глаголы **beweinen**, **bejammern** употребляются, как правило, в значении «оплакивать кого-либо/что-либо», глагол **betrüben** – «расстраивать, огорчать», например:

Wir wollen doch das eine nicht abschaffen und durch etwas anderes ersetzen, nur um gleich darauf den Verlust des ersten zu **beweinen** [18, с. 67].

Den ganzen Tag über hatte in jenem Haus Weltuntergangsstimmung geherrscht... die Dame Castelblanc mit der Ausdauer eines Klageweibs und in der Lautstärke eines Stadtschreiers das schreckliche Schicksal **bejammert hatte**...[16, с. 782].

Субъект глаголов обеих групп выражен, как правило, личными местоимениями (45,7% из 100% проанализированных примеров), предметными существительными

(29,5%) и именами собственными (19,6%). Реже встречаются указательные, вопросительные и относительные местоимения (5,2%), например:

Oder ich träume immer noch, jedenfalls schlafe ich noch halb, denn ich höre ein Wimmern und ich wundere mich, was Clara hat, und dann fällt mir auf, dass ich es bin, der wimmert, und ich unterbinde das, indem ich zu atmen aufhöre [17, с. 255].

Es ist nun einmal so: Von den äußeren Bändern, die einst dazu dienten, Mann und Frau in guten und schlechten Zeiten zusammenzuhalten, ist kaum etwas übrig geblieben. Ich wäre die Letzte, die das beweinen wollte. Es ist schön, kein Kind haben zu dürfen, und wenn man eins hat, nicht heiraten zu müssen [18, с. 78].

Объект глаголов второй группы (*beweinen*, *bejammern*, *betrüben*) выражен преимущественно абстрактными существительными (67,3%), например:

*„Oh ja, ich weiß: Der Tag, an dem die Blüten fallen,
Das ist der Tag, das Frühlingsende zu **beweinen**“* [14, с. 65].

Объект также может быть выражен предметными существительными (15,7%), личными местоимениями (12,8%) и именами собственными (4,2%).

Проведенное исследование показало, что некоторые глаголы с атрибутивной валентностью могут служить средством выражения эмоций в немецком языке. К ним следует отнести глаголы с инкорпорированным актантом-атрибутом, имеющие значение «жаловаться, плакать». Отбор глаголов был сделан на основе анализа словарных дефиниций, содержащих некоторые качественно-оценочные характеристики (например, «*weinend*», «*jammernd*» и т.д.). В зависимости от наличия субъекта и объекта, основных содержательно и структурно обязательных актантов, глаголы были подразделены на субъектные и объектные типы. Глаголы первой группы **jammern** и **klagen** употребляются в большинстве случаев в значении «жаловаться». Глаголы **schluchzen** и **wimmern** обозначают, как правило, «всхлипывать, хныкать», отличаются друг от друга интенсивностью проявления негативных чувств. Стилистически окрашенные глаголы **wehklagen**, **lamentieren**, **plärren** и **greinen** встречаются в художественной литературе крайне редко. Согласно лексикографическим толкованиям глагол **wehklagen** имеет значение «сетовать, жаловаться, оплакивать», глаголы **lamentieren**, **plärren** обозначают громкое проявление чувств, глагол **greinen** – более тихое. Глаголы второй группы **beweinen**, **bejammern** имеют преимущественно значение «оплакивать кого-либо/что-либо», а глагол **betrüben** – «расстраивать». Субъекты глаголов выражены в большинстве случаев личными местоимениями, а объекты (у объектных глаголов) – абстрактными существительными.

Наряду с описанным выше исследованием продуктивным представляется выделение других групп глаголов с инкорпорированным актантом-атрибутом, которые могут служить средством выражения эмоций в современном немецком языке, что позволит внести вклад не только в изучение проблем валентности, в частности атрибутивной глагольной валентности, но и в исследование эмотивной лексики, ее классификации.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37 – 65.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2006.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352с.
4. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989.
5. Булгарова Б.А. Трудности, возникающие при исследовании эмотивной лексики русского языка // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом, культурологическом аспектах: сб. участников IV междунар. науч. конф., 25–26 апр. 2008 г. Челябинск. Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. Т. 3. С. 66–68
6. Васильев Л.М. Принципы семантической идентификации глагольной лексики // Семантические классы русских глаголов: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1982. С. 11–14.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.
8. Кибардина С.М. Валентность немецкого глагола: дис. ... д-ра филол. наук. Вологда, 1988.
9. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983.
10. Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007.
11. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.

Список источников

12. Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 5. Aufl. Mannheim, 2003
13. Franck J. Rücken an Rücken. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2011.
14. Gabriel P. Die Konkubine. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2008.
15. Hacker K. Der Bademeister. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2012
16. Klink K. Die Kinder des Ketzers. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2006.
17. Zeh J. Adler und Engel. Frankfurt am Main: Schöffling & Co. Verlagsbuchhandlung GmbH, 2012
18. Zeh J. Alles auf dem Rasen. Frankfurt am Main: Schöffling & Co. Verlagsbuchhandlung GmbH, 2012

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'32:36

Специфика языковой интерпретации ключевых единиц «имидж» и «образ»

Аветисян Анна Геворковна

студент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет
РФ, Волгоград
Ann.molinari18@gmail.com

The specifics of the linguistic interpretation of the key units "image" and "look"

Avetisyan Anna Gevorkovna

Student, Volgograd State, Social and Pedagogical University, Russia, Volgograd

Аннотация. Наибольшая понятийная и смысловая неясность заключена в соотношении единиц *имидж* и *образ*. Причины неоднозначности в восприятии указанных терминов кроются в обстоятельствах появления заимствования имиджна русской почве. Проникновение данной единицы в русское словоупотребление было обусловлено во многом не реальной лакуной в русской лексической системе, а языковой модой на использование англоязычных элементов в речи. Прочно войдя в узус наряду с другими заимствованиями (напр., маркетинг, менеджер, тимбилдинг, гаджет, девайс и проч.), слово *имидж*, хоть изначально и не было эквивалентным слову *образ*, долгое время воспринималось и объяснялось носителями языка сквозь его призму. Некоторое время разница между данными понятиями не осознавалась не только среднестатистическими носителями языка, но и профессионалами-практиками, и потребовалось больше десятилетия для кристаллизации их понятийного расхождения. В настоящее время указанный процесс можно считать если не завершенным, то движущимся к завершению.

Ключевые слова: имидж, образ, эквивалентные понятия, сходства и отличия, тождественные определения

Abstract. The greatest conceptual and semantic ambiguity lies in the ratio of units of *image* and *look*. The reasons for the ambiguity in the perception of these terms lie, it seems, in the circumstances of the appearance of borrowing the *image* on Russian soil. It seems that the penetration of this unit into the Russian usage was largely due not to the real gap in the Russian lexical system, but to the linguistic fashion for using English-language elements in speech. Having firmly entered the Uzus along with other borrowings (e.g. marketing, manager, team building, gadget, device, etc.), the word *image*, although initially it was not equivalent to the word *look*, was long perceived and explained by native speakers through its prism. In other words, for some time the difference between these concepts was not realized not only by the average native speakers, but also by professional practitioners, and it took more than a decade to crystallize their conceptual divergence. Currently, this process can be considered, if not completed, then moving towards completion.

Keywords: image, look, equivalent concepts, similarities and differences, identical definitions

В научной литературе существует две основных точки зрения на соотношение понятий *имидж* и *образ*. В соответствии с первой, данные лексические единицы являются абсолютно синонимичными. Синонимия терминов *имидж* и *образ* чаще всего не манифестируется исследователями, а бытует в их рассуждениях имплицитно при взаимозаменяемом использовании единиц или их употреблении в различных, но не дифференцированных специальными усилиями контекстах. Такое употребление можно обнаружить, например, в работе А. П. Панкрухина и С. Ю. Игнатьева: «*Имидж* (англ. Image — *образ*), — пишут ученые, — сформировавшийся в психике людей *образ* объекта, к которому у них возникает оценочное отношение, проявляемое в форме мнения» [5, с. 10].

В соответствии со второй точкой зрения, между терминологическими единицами *образ* и *имидж* следует усматривать существенную разницу. Большинство исследователей склоняются к признанию того, что *образ* объекта складывается естественным путем на основании обработки личностью свободно поступающего в ее доступ массива информации, в то время как *имидж* формируется командой имиджмейкеров и целенаправленно внедряется в сознание аудитории через воздействие конкретных источников информации.

Приведем несколько исследовательских воззрений, подтверждающих обозначенное противопоставление. По мнению Г. Г. Почепцова, *образ* представляет собой продукт внутренней психической активности индивида, в то время как *имидж* есть результат внешней деятельности имиджмейкеров, навязанный субъекту [8, с. 15]. Весьма ярко указанную дифференциацию формулирует Е. Б. Шестопал. «Понятие “*образ*”, — пишет исследователь, — не тождественно понятию “*имидж*” [13, с. 14].

Имиджем называется впечатление, которое конструируется целенаправленно и сознательно, а *образом* — то, которое формируется спонтанно. *Образ* есть всегда, его всегда можно диагностировать и описать точно и разносторонне. Поэтому *образ* — это отражение личности лидера (партии, государства, организации, товара и пр.) в массовом и индивидуальном сознании граждан. *Имидж* — это специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (партии, государства, товара и т.д).

Разделительную границу между *образом* и *имиджем* по линии естественного / искусственного моделирования проводят Н. М. Боголюбова и Ю. В. Николаева. Авторы считают, что *образ* — это «адекватно отраженная в человеческом сознании реальность, формирующаяся естественным путем в процессе познания и восприятия объективной действительности», а *имидж* — «впечатление, мнение о лице, предмете,

коллективе, государстве и т.д., создаваемое заинтересованными лицами в соответствии с определенными планами» [1, с. 105].

Моделируемость *имиджа* заключается в том, что он всегда возникает по инициативе субъектов культуры и призван решать задачи, сформулированные его создателями. Безусловно, каждый *имидж* является *образом*, но *образом* особого рода. Для *образа* в значительной степени характерна эмоциональная составляющая.

И. Я. Рожков и В. Г. Кисмерешкин следующим образом разграничивают рассматриваемые понятия: «*Образ* — это набор представлений о качествах того или иного предмета, товара, которые их владельцу хотелось бы внедрить в массовое сознание. *Имидж* — это то, что формируется в массовом сознании в результате этого внедрения» [9, с. 18].

Будучи явлением создаваемым, тиражируемым и широко распространяемым, *имидж*, как правило, является принадлежностью не одного сознания, а некоторого множества сознаний. *Имидж* имеет если не массовую, то, по меньшей мере, групповую природу, в то время как *образ* зависит от субъективного восприятия объекта. Данная закономерность описывается следующим образом: когда человек сталкивается с объектом и вольно интерпретирует его, в его сознании складывается *образ*; когда же ему предлагается не только объект, но и его интерпретация, в голове формируется *имидж*. Поскольку в идеале имиджевая интерпретация влагается в мыслительную сферу субъекта в готовом виде, расхождения между ее воплощением в каждом индивидуальном сознании минимальны, а, следовательно, *имидж* обладает массовым характером.

Е. А. Петрова кладет в основу противопоставления *образа* и *имиджа* оппозицию «объективность — субъективность (идеалистичность)». С позиции ученого, *образ* есть явление эмпирическое или сенсуальное, так как формируется благодаря работе органов чувств, и потому обладает большей объективностью; *имидж* же по своей природе символичен и, как всякий символ, содержит в себе модель, которая может быть в разной степени приближена к реальному объекту. *Имидж* может существовать относительно независимо от ситуации восприятия объекта. В этом его отличие от образов восприятия, которые возникают в момент отражения непосредственного воздействия объекта на органы чувств человека. От образов памяти *имидж* отличается исходной трансформацией информации, которая воспринимается и перерабатывается по определенным социально-психологическим законам. В целом *имидж* всегда представляет собой в известном смысле символическое представление, которое связано с реальностью в очень широком

диапазоне — от раскрытия до полуправды, искажения и полного несоответствия реальным качествам носителя имиджа» [7, с. 37].

Немаловажную роль при формировании образа играет активизация ассоциативных представлений об объекте визуального характера, например, ассоциирование Рима (и даже всей Италии) с изображением Колизея, Парижа (и, соответственно, Франции) — с Эйфелевой башней, Нью-Йорка (и США) — со Статуей Свободы, Лондона (и Великобритании) — с БигБеном, Москвы (и России) — с Красной площадью и Кремлем и т.д.

Имидж является разновидностью образа, возникающего в результате социального познания, поэтому образ — понятие более абстрактное и обобщенное, в то время как *имидж* есть явление утилитарно-практическое. С позиций семантики лексическая единица образ обладает большим экстенсионалом, чем слово *имидж*, и выступает по отношению к нему гиперонимом. Наиболее ярко это проявляется в сочетаемости рассматриваемых единиц: можно без всяких ограничений говорить образ руководителя, образ России в поэзии XX века, образ Печорина, образ неба, образ осени, но единица *имидж* будет реализовываться лишь в первом из представленных контекстов.

Таким образом, *имидж* формируется целенаправленно, носит искусственный характер, при этом образ формируется в сознании людей стихийно, естественным путем. По степени объективности образ реалистичен, а *имидж* идеалистичен. Более того, *имидж* всегда поддается критике и оценке. Также понятие «образ» используется чаще всего в сфере художественного, научного познания, бытовой сфере, в то время как «*имидж*» применяется в большинстве случаев в социальной сфере. Наконец, образ формируется у каждого человека в сознании по-своему, а *имидж* формируется в групповом или массовом сознании.

Список литературы

1. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: Учебное пособие. — М.: СПбКО, 2009. — 650 с.
2. Богомолова Я. Я., Малышева Я. Г., Стефаненко Т. Г. Контент-анализ // Социальная психология: Практикум: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Т.В. Фоломеевой. — М.: Аспект Пресс, 2006. — 162 с.
3. Корпусная русская грамматика 2016 — Проект корпусного описания русской грамматики. — URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 18.04.2020).
4. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа: стратегия, психо-технологии, психотехники. 2-е изд., стер. — М.: Издательство «Омега-Л», 2008. — 39 с.
5. Панкрухин А. П., Игнатъев А. Ю. Имидж страны: смена парадигмы. Взгляды из Канады, России, Великобритании и Латвии // Корпоративная имиджелогия, 2008. — 15 с.

6. Паршин П. Б. Территория как бренд. Маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция. — М.: МГИМО-Университет, 2015 — 115 с.
7. Петрова Е. А. Имидж и судьба человека. — URL: Режим доступа: http://academim.narod.ru/art/petrova_sudba.htm (дата обращения: 25.04.2020).
8. Почепцов Г. Г. Имиджелогия, — М.: Издательство «Омега-Л», 2006. — 656 с.
9. Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. Имидж России. Ресурсы, опыт, приоритеты. — М., 2008. — 121 с.
10. Скопин А. Ю. Введение в экономическую географию. Базовый курс для экономистов, менеджеров, географов и регионоведов; Владос — Москва, 2014. — 56 с.
11. Чепкасов А. В. Образ — имидж — стереотип региона (к определению понятий) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2016. — 92 с.
12. Чепкасов А. В. Имидж, образ, стереотип, бренд, репутация: сходное и специфичное // Русский язык за рубежом. — 2017. — 82с.
13. Шестопал Е. Б. Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 32 с.

УДК 81'347.78.034

О проблеме перевода интертекстуальных элементов в научно-популярном тексте (на материале французского языка)

Бубнова Анна Сергеевна

канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, РФ, Нижний Новгород

Балтина Дарья Михайловна

студентка 4 курса (гр. 401фп) переводческого факультета, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова РФ, Нижний Новгород

About translation of intertextual elements in popular science texts (with examples from the French language)

Bubnova Anna Sergeevna

PhD in Philology, Associate professor at the Department of French studies and translation Nizhny Novgorod State Linguistic University, Russia, Nizhny Novgorod

Baltina Daria Mikhailovna

4th year student (gr. 401fp) of the Faculty of Translation Nizhny Novgorod State Linguistic University, Russia, Nizhny Novgorod

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – проблеме перевода интертекстуальных элементов в научно-популярном тексте. Материалом исследования стал корпус научно-популярных статей о питьевой воде. Отмечается особая роль интертекстуальных элементов в текстах такого рода, акцентируется внимание на объективных трудностях перевода, связанных со спецификой цитирования научных работ. Приводится общепринятая классификация объективных и субъективных сложностей, из которых подробно рассматриваются три: рекомбинация интертекстуальных элементов; неполнота воспроизведения; ошибки/неточности оригинала. Описываются этапы поиска релевантной информации и подбора эквивалентов. Авторами предложены основные способы решения рассматриваемых переводческих трудностей: поиск полнотекстовых документов на языке оригинала и языке перевода и сопоставление фрагментов этих документов; обращение к языку-посреднику (английский язык).

Ключевые слова: перевод, переводческие трудности, интертекстуальность, научно-популярный текст, международные документы

Abstract. The article tackles to the problem of the translation of intertextual elements in popular science texts. The study data is a corpus of popular science articles about freshwater. It stresses a significant role of the intertextual elements in such kind of texts and draws particular attention to objective translation problems related to the specificity of the citation of research papers. It gives the standard classification of objective translation problems and subjective translation difficulties and covers in-depth three of them: recombined intertextual elements, the incompleteness of details, errors/inaccuracies of the original text. It describes the steps of searching for relevant information and choosing equivalent words. The authors offer the main methods of dealing with the foregoing translation difficulties, and translation problems: to search of full-text original and translated documents, and to compare these documents; to use another foreign language (English language).

Keywords: translation, translation difficulties, translation problems, intertextuality, popular science text, international documents

«Я живу в мире чужих слов. И вся моя жизнь является ориентацией в этом мире, реакцией на чужие слова <...>» [2, с. 367]. Размышления М.М. Бахтина о «чужом слове» в «своем», о диалоге как универсальной культурной категории в свое время положили начало новой теории – теории интертекстуальности: в 1967 г. вышла в свет статья Ю. Кристевой «Бахтин, слово, диалог, роман», где впервые был употреблен термин «интертекстуальность» [3].

Именно эти «чужие слова», или интертекстуальные элементы, и стали объектом исследования данной статьи, а точнее – проблема их перевода.

Зачастую проблему перевода интертекстуальных элементов рассматривают на примере художественных текстов. В данной статье предлагается рассмотреть проблему перевода интертекстуальных элементов в научно-популярном тексте, в котором в отличие от художественного текста, где интертекстуальность может выражаться как явно, так и неявно («в каждом высказывании можно обнаружить

целый ряд полускрытых и скрытых слов разной степени чуждости» [2, с. 288]), любые «чужие слова» должны быть в обязательном порядке выделены графически.

По мнению Ю. Кристевой, любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста [цит. по 4, с. 196]. В этой связи интересной представляется точка зрения Р. Барта о том, что «интертекстуальность как понятие сигнализирует, что автор перестает быть единственным источником смысла текста» [1, с. 391].

Для научно-популярных текстов это свойство – быть «мозаикой цитаций» и указывать на различные источники смысла текста – как нельзя более актуально. Это связано с тем, что научно-популярный текст часто воспринимается как «научная концепция в «обычном» оформлении для среднестатистических читателей» [5]. Читателю предлагается лишь «фрагмент знания, имеющий явное практическое значение <...>. Именно эта прагматическая задача и является основным отличием в функционировании научного и научно-популярного текстов» [6, с. 39]. Автору необходимо аргументировать свою точку зрения, выдвинуть и доказать гипотезу и сделать это так, чтобы у получателя текста не возникло сомнений в его объективности – «цитата участвует в создании объективного образа автора идеи» [7, с. 155] –, масштабах проведенного исследования и глубины изученности проблемы, а для этого автору необходимо приводить выдержки из других текстов других авторов, т.е. использовать «чужие слова» в «своем». Причем, учитывая, какие ограничения накладывают на объем цитирований законы об авторском праве и плагиате, нередко имеет смысл делать эти выдержки по объему минимально возможными.

Коммуникативную стратегию автора научно-популярного текста определяют два ведущих фактора: «научно» и «интересно» [5]. Интересным текст делают элементы художественного и разговорного стилей (образные, эмоциональные, экспрессивные, оценочные, эстетические и др.), а научным – «дозированная» терминология (мы говорим «дозированная», поскольку авторы вынуждены опускать основную часть логических доказательств и сухую аргументацию и «переводить» сложную терминологическую информацию на язык неспециального знания) и отсылки к авторитетным источникам (интертекстуальные элементы).

Говоря о трудностях перевода интертекстуальных элементов (далее ИЭ) вообще, исследователи обычно отмечают два вида трудностей: объективные и субъективные.

К объективным сложностям, как правило, относятся:

- анонимность/авторская принадлежность ИЭ;

- степень прецедентности/воспроизводимости ИЭ;
- включенность/невключенность в паремиологический фонд языка и культуры (пословицы, поговорки, стереотипы, крылатые выражения и т.п.);
- этноцентричный/наднациональный характер (Библия, мифология);
- «возраст» ИЭ или хронологический фактор;
- лакунарность;
- неполнота воспроизведения;
- рекомбинация ИЭ;
- всевозможные ошибки.

Субъективные сложности перевода ИЭ заключаются в:

- сложности интерпретации: ИЭ предполагает возможность двоякого прочтения в зависимости от полноты энциклопедической осведомленности переводчика (наличие опыта и достаточных знаний);
- сложности восприятия: ИЭ скрыты в ткани произведения (предполагает владение переводчиком языковой формой);
- сложности выделения ИЭ в единицу перевода.

В данной статье мы рассмотрим на конкретных примерах три вида объективных трудностей перевода ИЭ в научно-популярных текстах, такие как: рекомбинация ИЭ, неполнота воспроизведения, ошибки/неточности оригинала.

В качестве материала исследования был взят корпус научно-популярных статей о питьевой воде под общим названием «Géopolitique et guerre de l'eau» («Геополитика и война за воду»), опубликованных в 2016 году в интернет-журнале «FUTURA PLANETE» [12].

На сегодняшний день человечество все чаще сталкивается с проблемой нехватки водных ресурсов: в одних странах наблюдается полный дефицит пресной воды, в других странах при достаточных объемах вода непригодна для употребления из-за низкого качества. В попытках решить эту проблему постоянно разрабатываются различные внутренние и международные документы, цель которых – установить нормы качества воды, закрепить право на воду как первостепенное право человека и гарантировать доступ к водным ресурсам при любых условиях. Любая статья на эту тему, претендующая на объективность и научность, будет так или иначе содержать отсылки к этим документам.

Пример 1. Рекомбинация ИЭ

La loi sur l'eau et les milieux aquatiques de 2006 a transposé en droit français la directive européenne de 2000 (le but de cette dernière était de parvenir à un « bon état écologique et chimique » des eaux.

Проблему в этом предложении представляет перевод классификации качества воды «bon état écologique et chimique». Поскольку термин заключен в кавычки, можно с большой долей вероятности утверждать, что выражение представляет собой отсылку к указанному документу (Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2000/60/ЕС от 23 октября 2000 года, устанавливающая основы для деятельности Сообщества в области водной политики) и требует точного перевода. Проблема в том, что переводчику не известно, из какого именно фрагмента директивы взято это выражение. Для того чтобы исключить ошибку, необходимо найти полный текст Директивы на французском и русском языках и сопоставить все фрагменты этих документов, где встречается указанное словосочетание. В результате поиска выяснилось, что определение категории качества воды дано в Статье 2. Определения, п.п. №22 и №24. Ниже представлены выдержки из документов на французском и русском языках.

22) « bon état écologique »:

l'état d'une masse d'eau de surface,
classé conformément à l'annexe V;

24) « bon état chimique d'une
eau de surface »: l'état chimique requis
pour atteindre les objectifs
environnementaux fixés à l'article 4,
paragraphe 1, point a) [12].

22) «Хорошее экологическое

состояние» –это состояние объекта
поверхностных вод, классифицированное
так в соответствии с Приложением V.

24) «Хорошее химическое состояние
поверхностных вод» означает химическое
состояние, требуемое, чтобы
удовлетворения экологические цели для
поверхностных вод, установленные в
статье 4(1) (a) [8].

Как видно из приведенных фрагментов, цитируемые в переводимой статье слова именно в таком сочетании – «bon état écologique et chimique» – не встречаются, но встречаются по отдельности: «bon état écologique» и « bon état chimique». Другими словами, в статье переводчик имеет дело с рекомбинированным ИЭ, составленным из двух не сложных для понимания и перевода словосочетаний, но, чтобы в этом убедиться, пришлось провести поиск по двум достаточно объемным документам.

Пример 2. Неполнота воспроизведения

Il est depuis interdit, « quel que soit le motif », d'attaquer, de détruire, d'enlever « des biens indispensables à la survie » de la population civile, tels que « les installations et réserves d'eau potable et les ouvrages d'irrigation ».

В исследуемой статье также встретилось цитирование Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года [13]. Сложность перевода заключалась в том, что ни номер Дополнительного протокола (а их два), ни номер цитируемых статей указаны не были.

Прежде всего нужно было найти официальный перевод этих документов, а затем цитируемые статьи. Официальный документ на французском языке и его перевод на русский язык были обнаружены на официальном сайте Международного комитета Красного Креста.

В результате изучения найденных текстов оказалось, что необходимые статьи закреплены в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям. Это Статья 54. «Защита объектов, необходимых для выживания гражданского населения» и Статья 56. «Защита установок и сооружений, содержащих опасные силы». Окончательный перевод фрагментов цитируемых статей выглядит следующим образом:

Il est depuis interdit, « quel que soit le motif », d'attaquer, de détruire, d'enlever « des biens indispensables à la survie » de la population civile, tels que « les installations et réserves d'eau potable et les ouvrages d'irrigation ».

С тех пор запрещается «независимо от мотива» подвергать нападению или уничтожать, вывозить или приводить в негодность «объекты, необходимые для выживания гражданского населения» такие, как «сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения» [9].

Пример 3. Ошибки/неточности оригинала

Cela est inscrit dans l'Observation générale sur le droit à l'eau, adoptée par le Pacte relatif aux droits économiques et culturels (CESCR), lui-même ratifié par 145 pays.

Аббревиатура CESCR представляет собой сокращение английского названия the Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR), на русский язык переводится как *Комитет по экономическим, социальным и культурным правам*. Однако, как можно заметить, в тексте оригинала перед аббревиатурой указывается не вышеупомянутая организация (на французском языке она выглядит как *Comité des droits économiques, sociaux et culturels*), а документ – *le Pacte relatif aux droits économiques et culturels* (в русском переводе *Международный пакт об*

экономических, социальных и культурных правах). Для того, чтобы выяснить имеет ли настоящий документ аббревиатуру и совпадает ли она с представленной в тексте был произведен поиск английского варианта этого документа.

В результате было выявлено, что английский вариант наименования документа представляет собой следующее – *International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights* (ICESCR). Из этого следует, что в тексте наблюдается несоответствие наименования документа и его аббревиатуры. Более того, в тексте статьи документ назван не полностью (*le Pacte relatif aux droits économiques et culturels*), его полное наименование – *Le Pacte international relatif aux droits économiques, sociaux et culturels*, также существует и аббревиатура – PIDESC.

Стоит отметить, что в рассматриваемом примере на трудности, связанные с ошибкой, накладывается трудность, связанная с неполнотой представления. Так, в статье упоминается *Замечание общего порядка о праве на воду – l'Observation générale sur le droit à l'eau*, но не указывается его номер (это Замечание – часть большого документа: 1-го тома *Международных договоров по правам человека «Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека»*. Всего таких Замечаний больше 30) [10]. Полное название звучит так: Замечание общего порядка № 15 - Право на воду (статьи 11 и 12 Пакта).

Наименования документов – *l'Observation générale sur le droit à l'eau, le Pacte relatif aux droits économiques et culturels* и организации CESCR связаны – В ноябре 2002 года Комитет по экономическим, социальным и культурным правам Организации Объединенных Наций подтвердил, что доступ к достаточным количествам чистой воды для личных и бытовых нужд является одним из основополагающих общечеловеческих прав каждого человека. В своем Замечании общего порядка № 15 об осуществлении статей 11 и 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах Комитет отметил, что «право человека на воду является обязательным условием для жизни в условиях соблюдения человеческого достоинства. Это право является неременным условием для осуществления других прав человека». На этом основании можно сделать вывод, что имела место подмена аббревиатур CESCR - ICESCR.

Остается решить еще одну проблему – проблему узуса. Автор статьи пишет: “*Cela est inscrit dans l'Observation générale sur le droit à l'eau, adoptée par le Pacte relatif aux droits économiques et culturels (CESCR), lui-même ratifié par 145 pays*”, но в русском языке документ не может принимать решения и вводить новые законы. Отсюда

следует, что, скорее всего, по-русски лучше сказать, что «Комитет по экономическим, социальным и культурным правам принял Замечание общего порядка №15 в рамках Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах».

С учетом всего вышесказанного, перевод предложения « *Cela est inscrit dans l'Observation générale sur le droit à l'eau, adoptée par le Pacte relatif aux droits économiques et culturels (CESCR), lui-même ratifié par 145 pays* » можно представить следующим образом: «Это закреплено в Замечании общего порядка о праве на воду в соответствии с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, принятым Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам и ратифицированным 145 государствами».

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Наличие интертекстуальных элементов – одна из характерных особенностей научно-популярного текста. Такие элементы выполняют одновременно аргументативные и реферативные функции, позволяя автору дать ссылку на авторитетный источник и тем самым подтвердить свою точку зрения.

На примерах, взятых из корпуса научно-популярных статей о питьевой воде, было рассмотрено три вида объективных трудностей перевода интертекстуальных элементов в научно-популярных текстах, такие как: рекомбинация интертекстуальных элементов, неполнота воспроизведения, ошибки/неточности оригинала.

Общим для решения этих трудностей является поиск полнотекстовых документов на русском и французском языках и сопоставление всех фрагментов этих документов, где встречаются искомые сочетания слов. При этом при переводе рекомбинированных ИЭ приходится соединять исходные словосочетания или фрагменты словосочетаний в новые словосочетания. Говоря о проблеме неполноты воспроизведения ИЭ, следует отметить, что в итоговом варианте переводчику необходимо конкретизировать и дать реферативные ссылки (номера протоколов, разделов и пр.) на оригинальный фрагмент. Решая проблему ошибки или неточности оригинала ИЭ, для выявления несоответствий бывает необходимо прибегнуть к языку-посреднику (в данном случае – английскому).

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова.— М.: Прогресс, 1989—616 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман / Ю.Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 427-457.
4. Петрова Н.В. Проблема определения термина «интертекстуальность» / Н.В. Петрова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. № 2 (40). Филологические науки. Языкознание. – Красноярск, 2017. – С. 196-200.
5. Воронова А.В. Специфика словаря научно-популярных текстов / А.В. Воронова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2018. – С. 62-68. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-slovaryauchebnyh-nauchno-populyarnyh-tekstov> (Дата обращения 12.04.2020)
6. Хомутова Т.Н. Научно-популярный текст: интегральная модель / Т.Н. Хомутова, С.Г. Петров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2013. - №2, т.10. – С. 37-41. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-populyarnyy-tekst-integralnaya-model> (Дата обращения 12.04.2020)
7. Христофорова Н. И. Интертекстуальность в электронных научно-популярных текстах / Н.И. Христофорова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. - №01. – С. 152-155.
8. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2000/60/ЕС от 23 октября 2000 года, устанавливающая основы для деятельности Сообщества в области водной политики. Режим доступа: <http://www.caresd.net/iwrm/new/doc/direct.pdf> (Дата обращения: 31.03.2020)
9. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных конфликтов. Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1107 (Дата обращения 10.04.2020)
10. Международные договоры по правам человека «Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека». Режим доступа: https://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/HRI.GEN.1.Rev9_ru.pdf (Дата обращения 06.04.2020)
11. Directive 2000/60/CE du Parlement européen et du Conseil du 23 octobre 2000 établissant un cadre pour une politique communautaire dans le domaine de l'eau. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/HTML/?uri=CELEX:32000L0060&from=EN> (Дата обращения: 31.03.2020)
12. Dossier - Géopolitique et guerre de l'eau // Futura Planète, 2016. Режим доступа: <https://www.futura-sciences.com/planete/dossiers/developpement-durable-geopolitique-guerre-eau-622/page/2/> (Дата обращения 01.04.2020)
13. Les protocoles additionnels aux Conventions de Genève du 12 août 1949. Режим доступа: https://www.icrc.org/fr/doc/assets/files/other/icrc_001_0321.pdf (Дата обращения 05.04.2020)

УДК 811.11

Объявление о знакомстве как разновидность рекламного медиатекста

Давыдова Оксана Павловна

кандидат филологических наук, доцент, ГБОУВО РК
«Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
Россия, Республика Крым, г. Симферополь

Аблаева Фериде Исет кызы

магистрант, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова» Россия, Республика Крым, г. Симферополь

Acquaintance announcement as a variety of advertising media text

Davydova Oksana Pavlovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, GBOUVO RK
"Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov"
Russia, Republic of Crimea, Simferopol

Ablaeva Feride Ismet kyzy

undergraduate, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi
Yakubov, Russia, Republic of Crimea, Simferopol

Аннотация. В данной работе объявление о знакомстве рассматривается как разновидность рекламного медиатекста. Рекламный медиатекст представляет собой многоуровневый текст, объединяющий в единственное коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий открытость на содержательном, композиционно-структурном и знаковом уровне. Объявление о знакомстве является самоидентификацией личности, представляя собой промежуточную позицию между автохарактеристикой и рекламным текстом с доминированием качеств рекламного текста. Анализ фактического материала (англоязычные объявления о знакомстве) показывает, что основная цель объявлений о знакомстве как рекламных медиатекстов – донесение определенных сведений с целью желаемого воздействия – достигается с помощью использования различных экспрессивно-оценочных средств.

Ключевые слова: Медиатекст, объявления о знакомстве, рекламный текст, массовая коммуникация, самопрезентация, экспрессивно-оценочные средства.

Abstract. In this paper an announcement of acquaintance is considered as a kind of advertising media text. Advertising media text is a multi-level text that combines different semiotic codes (verbal, non-verbal, media) into a single communicative whole and demonstrates openness at a substantial, compositional, structural and symbolic level. The announcement of acquaintance is a self-identification of the person, representing an intermediate position between the auto-characteristic and the advertising text with the dominance of the qualities of the advertising text. An analysis of the factual material (announcements of acquaintance in English) shows that the main purpose of dating ads as advertising media texts - to convey certain information in order to complete the desired impact - is achieved through the use of various expressive-evaluative means.

Keywords: media text, acquaintance announcement, advertising text, mass communication, self-presentation, expressive-evaluative tools.

В последние десятилетия перенасыщенность рынка рекламы вызвала повышенный интерес к лингвистическому аспекту рекламы. Люди начали описывать, анализировать языковые средства рекламы, пытаясь выяснить принципы, создать новые виды отношений между элементами языка и улучшить методы с целью быть уникальными и максимизировать эффект на полную мощность.

Тематика масс-медиа, в частности медиатекстов, является актуальной сферой исследования и рассматривалась во многих работах отечественных авторов, таких как: Ю.Д. Артамонова, М.Ю. Казак, В.Г. Кузнецов, Н.С. Валгина, Т.Г. Добросклонская, Ю.П. Кошелева, А.В. Федоров, И.В. Челышева, Г.С. Мельник, Т.Ф. Шак, В.А. Возчиков, Е. Пели, Г.Я. Солганик. Объявления о знакомстве изучали Е.В. Акулова, Ю.П. Кошелева, Е. Макаренко, Е. Пели, О.С. Рогалева, У.А. Рысева, И.С. Черкасова, Е.А. Шибанова.

Объявления о знакомстве уже были объектом интереса языковедов. Однако, в этих работах они рассматривались как классические объявления. В настоящее время объявления о знакомстве значительно расширили собственную «базу», а вместе с тем расширился и арсенал приёмов, применяемых создателями данных объявлений, что дает новое поле для исследования данного вида рекламного медиатекста.

Цель статьи – определить место объявлений о знакомстве в системе рекламных категорий и выявить их семантико-прагматические и структурные особенности.

Важной теоретической составляющей медиа-лингвистики является концепция медиатекста, которая упоминается практически во всех исследованиях, посвященных производству речи в массовой коммуникации. В средствах массовой информации понятие текста выходит за формальные границы словесной системы знаков и приближается к его семиотической интерпретации, когда «текст» относится к отрезку знаков любого типа, не обязательно к словесному. Большинство исследователей сходятся во мнении, что уровень массовой коммуникации добавляет к текстовому понятию новые аспекты значения, определяемые медиа-качествами и характеристиками того или иного канала массовой коммуникации. Таким образом, медиатексты на телевидении не ограничиваются только словесной манифестацией, они включают в себя несколько функциональных уровней: собственно вербальный текст, визуальный (в журналистском смысле «основание») и аудио, который включает в себя все возможные эффекты, воспринимаемые на слух. Тексты на радио и в печатных СМИ также характеризуются определенной комбинацией словесного

уровня с набором специальных медиа-качеств, определяемых технологическими особенностями того или иного медиа-канала [11, с. 15].

Следует отметить, что семантическое значение термина *media* (от латинского «*media*», «*medium*» - означает метод, средство) позволяет обозначать каждый носитель как медиатекст [11, с. 7]. Независимо от всего, термин медиатекст был отнесен именно к текстам массовой коммуникации. Ведь все, что включено в область СМИ, достаточно хорошо согласовывается в формате этого понятия. Определенно, значимую часть термин приобретает при описании медиатекста как общего результата трех глобальных подсистем массовой коммуникации: журналистики, PR и рекламы [2, с.99].

В настоящее время медиатекст приобрел статус базовой категории в области лингвистики, медиа-стилистики, медиакультуры, медиаобразования – новых направлений лингвистической, философской и педагогической науки (работы Т.Г. Добросклонской, Н.Б. Кирилловой, Г.Я. Солганика и др.) [4]. Можно сказать, что теория медиатекста претендует на то, чтобы быть независимой нишей в рамках теории текста, или стремится отойти от нее.

Вопросы категоризации текстов и выделение базовых категорий, которые могут быть положены в основу членения текстового континуума, остаются в лингвистике текста открытыми. Отсутствие общепринятой классификации исследователи объясняют «свойствами текста вообще и невозможностью задавать какое бы то ни было исчисление текстов в частности» [5]. Типология может базироваться на любом из текстовых признаков – информационных, функционально-стилистических, структурно-семиотических или коммуникативных, - на пересечении которых один и тот же текст будет отнесен к различным группам [3].

Известны классификации, построенные на лингвистических и экстралингвистических параметрах, с учетом объективных и субъективных факторов. Например, тексты, дифференцирующиеся в зависимости от:

- характера их построения (от 1, 2 и 3-го лица);
- передачи чужой речи («свое и чужое»);
- функционально-смыслового назначения (описание, повествование, рассуждение);
- количества участников коммуникации (монолог, диалог, полилог), типа связей между предложениями и др. [10, с.229].

Специфику текстов, которые функционируют в глобальной коммуникации, разъясняют сквозь формы коммуникаций, в области которых стандартной считается

модель американского политолога Г. Лассуэлла: кто – что сообщает – по какому каналу – кому – с каким эффектом.

Массовая коммуникация предусматривает взаимодействие всевозможных составляющих: создатель, адресат, канал, код, слово, контекст, шумы, обратная ассоциация, эффективность коммуникации. Как раз эти составляющие имеют все шансы овладения аспектами типологии медиатекстов [4]. Следуя моделям коммуникации, в базу выделения текстотипов, которые понимаются как образец, схема восприятия подобных текстов, возможно заложить такие категории:

- канал распространения – пресса, радио, TV, Интернет;
- институциональный вид текста: журналистский, маркетинговый, PR-текст;
- типологические свойства глобальной коммуникации;
- сообщение (текст) – функционально-жанровая классификация текстов 3-х общественных институтов массовой коммуникации;
- код (язык) – вербальные, невербальные, вербально-невербальные (поликодовые, креолизованные) виды текстов;
- адресант (автор, производитель текста) – социальный/частный, в согласовании с чем в текстовой ткани складывается авторская модальность (объективное или же личное отношение к действительности);
- адресат (аудитория) – массовый/особенный;
- направленный на определенную тематику текст [5].

Конечно, список категорий не считается конечным, он может быть расширен за счет иных коммуникативных определений и элементов. В работе Г.С. Мельник, медиатексты типологизируются с точки зрения их влияния на аудиторию. Автор различает медиатексты в зависимости от того, оказывают ли они влияние на массовую аудиторию или определенный общественный институт / определенный адресат; требуют ли они реакции или же в целом не предусмотрены для влияния (информирующие, нейтральные).

Классификация медиатекстов имеет возможность основываться на этих особенностях, как обратная субстанция, которая учитывает влияние коммуникации (коммуникативно удачные / неудачные тексты), контакт (дистантная / интерактивная коммуникация), формы создания и распространения информации (устные / письменные слова и их варианты), официальность / неофициальность общения и др. Впрочем, предложенные характеристики дают возможность ранжировать медиатексты в широком спектре [8, с.21]. Исследователи, которые изучают объявления о знакомстве (Е.В. Акулова, Ю.П. Кошелева, Е. Макаренко,

Е. Пели, О.С. Рогалева, У.А. Рысева, И.С. Черкасова, Е.А. Шибанова), выделяют черты, свойственные иным типам медиатекста: институционального [1], массмедийного [8, с.22], аксиологического [12, с.112] или же черты официально-делового и разговорного стилей [7, с.66]. Языковеды считают, и в данном случае нельзя не согласиться с этим утверждением, что объявления о знакомстве – это речевой жанр маркетингового дискурса, сочетающий жанровую специфику объявления и именно рекламы, имеющий целью предложить субъекта коммуникации в качестве супружеского напарника. Выделяется в содержании объявлений о знакомстве их небольшой размер (не больше 400 печатных знаков) [6, с.107]. Как и иные типы объявлений, содержание объявлений о знакомстве характеризуется четкостью изложения и может представляться 1 или же 2-4 предложениями. Короткие по размеру объявления о знакомстве считаются содержательно вместительными, что достигается за счет языковой компрессии [9, с.187].

Одни языковеды выделяют в объявлениях о знакомстве 5 частей: слоган, зачин, информационный блок, эхо-фраза, справочные сведения [10, с.233], иные – лишь только 3 части [14, с.154].

Basically I love life and I love living life. I enjoy the outdoors, traveling, restaurants, laughing, goIng to cultural events, and sociaLizing with quality peOple. It's just better liVing and sharing lifE with someone else □

I'm originally from the DC area, did my undergrad in NY, and Have lived in a few different cOuNtries. I have a car LOL... I racE cars on race trackS for fun. It's a greaT hobby.

I enjoy being active, healthy and Staying fit. FaMily and friends AreimpoRtanT to me as well.

If you'd like to know more Say "hi". I didn't reveAl a lot about my Self for you to read on purpose. Rather we chat, talk, engage in conversation to get to know each other instead of us reading through a long page in this section about each other. Also, just because someone lookS like a good match "on paper", doesn't necessarilY translate in reality.

Итак, основной задачей объявления о знакомстве является самопрезентация. Это определенная самоидентификация личности, имеющая промежуточную позицию между автохарактеристикой (напр., *active, healthy, fit* в объявлении выше) и рекламным текстом с доминированием качеств рекламного текста.

Необходимо отметить, что объявления о знакомстве в реальное время не считаются единым видом знакомства – конкурентность им составляют специальные

интернет-сайты знакомств, которые направлены на определенную тематику, передачи, знакомства с поддержкой СМС, интерактивные чаты, общественные сети и др. Объявления выделяют более совершенную и беспристрастную, зафиксированную в языке информацию о целях и мотивах знакомства, коммуникативных стратегиях обеих сторон и гендерных стандартах, на базе которых выстраивается совершенный тип партнёра [12, с.225].

Экспрессивно-оценочные средства, метафоры, сравнения, гиперболы, являющиеся характерной чертой рекламного медиатекста, в полной мере используются в объявлениях о знакомстве для привлечения внимания потенциальной второй половины. Например, *hopeless romantic; I'm a little old-fashioned. If you open a door for me, I will melt; You are beautiful, kind, compassionate, intelligent, witty, wonderful, giving, generous, self-assured, modest, humble, outgoing, shy, etc.*

Подытоживая, отметим, что объявления о знакомстве – это один из видов рекламного медиатекста, которому присущи основные характеристики последнего. Данный вид медиатекста имеет ярко выраженные тенденции к постоянной изменчивости и, как следствие, потребность в регулярном анализе. Лингвоформатные особенности объявлений о знакомстве на разных языках, в разных лингвокультурах могут стать предметом дальнейших исследований, поскольку в каждой культуре свои собственные, этнокультурные представления о браке и требования ко второй половине, равно как и гендерная специфика объявлений о знакомстве в разных лингвокультурах.

Список литературы

1. Акулова Е.В. Жанр «Объявление о знакомстве»: гендерная и этнокультурная специфика: дис. кан. филол. наук: Е.В. Акулова. // Электронный ресурс – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/zhanr-obyavlenie-o-znakomstve-gendernaya-i-etnokulturnaya-spetsifika>
2. Артамонова Ю.Д., Кузнецов В.Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык средств массовой информации. – Москва: «Аэрна», 2008 – С. 99.
3. Валгина Н.С. Теория текста. Уч. пособие // Электронный ресурс – Режим доступа: http://www.pseudology.org/Literature/ValginaNS_TeoriyaTeksta2.pdf
4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. // Электронный ресурс – Режим доступа: <https://medialing.ru/issues/medialingvistika-2015-s4.pdf>
5. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста. Современный дискурс-анализ. 2014. // Электронный ресурс – Режим доступа: – http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/8687/1/Kazak_Spetsifika.pdf
6. Кошелева Ю.П. Самоопределение одиноких людей в тексте газетного объявления / Ю.П. Кошелева // Вопросы психологии. – № 2, 2008. – С. 107-115.

7. Макаренко Е. «Ищу женщину со всеми удобствами...» языковые особенности газетных объявлений «Знакомства» / Е. Макаренко // Журналист. – 2000. – №7. – С. 66.
8. Мельник Г.С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты. / Г.С. Мельник – С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – С. 21-22.
9. Пели Е. Коммуникативно-прагматический анализ коммерческих газетно-журнальных рекламных текстов: дис. канд. филол. наук: / Е. Пели. – Москва, 2009. – С.157.
10. Рогалева О.С. Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса: коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты: дис. канд. филол. наук/ О. С. Рогалева. - Омск, 2005. – С. 187.
11. Рысева У.А. Объявления о знакомстве: коммуникативный, гендерный, прагматические аспекты характеристики: дис. .канд.филол. наук: 10.02.01/ У. А. Рысева. - Киров, 2015. С. 229-233.
12. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиа-текст» // Вестник Московского университета. Серия 10 Журналистика. - 2005 - № 2 - С. 7-15.
13. Черкасова И.С. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в русских и немецких объявлениях о знакомстве: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / И. С. Черкасова. - Волгоград, 2006. - С. 225.
14. Шибанова Е.А. Концептуальное пространство брачных объявлений: на материале русского и французского языков: дис. .канд.филол. наук: 10.02.19 / Е. А. Шибанова. - Пенза, 2004. – С. 154.

УДК 81-2

Специфика функционирования профессионализмов в современной публицистике

Киреева Елена Васильевна

магистр, ст. преподаватель кафедры «Русский язык и литература»
Северо-Казахстанский государственный университет им. М.Козыбаева
РК, г.Петропавловск
leninwasi@mail.ru

Полякова Елена Юрьевна

магистр, ст. преподаватель кафедры «Русский язык и литература»
Северо-Казахстанский государственный университет им. М.Козыбаева
РК, г.Петропавловск
polyakova.elena.1982@mail.ru

The specifics of the functioning of professionalism in modern journalism

Kireyeva Elena Vasilevna

master, senior lecturer of Russian language and literature department
M. Kozybaev North Kazakhstan state university, Kazakhstan, Petropavlovsk

Polyakova Elena Jurevna

master, senior lecturer of Russian language and literature department
M. Kozybaev North Kazakhstan state university, Kazakhstan, Petropavlovsk

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы происхождения профессионально ограниченной лексики, охарактеризованы ее функции, а также причины использования в современной публицистике. Автором представлены примеры функционирования отдельных лексем и устойчивых выражений профессиональной лексики в текстах современных СМИ. Проанализированы примеры метафоричности профессионально ограниченной лексики, выявлены ее особенности в публицистике. Определены условия максимального языкового приближения авторов публицистических статей к реалиям действительности профессионально-производственной сферы.

Ключевые слова: язык, лингвистика, профессионализмы, публицистика, ограниченная лексика.

Abstract. The article discusses the origin of professional limited vocabulary. The function described is also the reason for use of modern journalism. The author presents examples of the functioning of individual lexemes and stable expressions of professional vocabulary in the texts of modern media. Analyzed examples of metaphorical professionally limited vocabulary identified and its features of journalism. The conditions for the maximum linguistic approximation of the authors of journalistic articles to the realities of the reality of the professional production sphere.

Keywords: language, linguistics, professionalism, journalism, limited vocabulary.

Социально-профессиональная дифференциация языка является одной из наименее изученной областей социолингвистики, это во многом связано с тем, что в русском языкознании до сих пор нет единого мнения в отношении терминологии. Лексические единицы, обслуживающие сферу производственных отношений, не ограничиваются лишь научными терминами и номенклатурными обозначениями, закрепленными в специальных профессиональных словарях. Большое значение в профессиональной речи занимают профессионализмы – неофициальные наименования, отражающие особенности определенного коллектива, бытующие преимущественно в устной форме, соответственно, достаточно мало изученные и не имеющие четкого определения в языковой системе. Официальные термины, дающие характеристику объекту производственной действительности, не исключают наличия неофициальных наименований, то есть профессионализмов. Д.С. Лихачев указывал, что любая профессиональная речь, помимо арготизмов и терминов, «заклучает еще одну большую группу слов, знаменующих собой некоторое овладение производственным процессом» [1, с.137]. Данная группа слов вытесняет литературные

слова и «служит признаком профессионального отношения к явлению» [1, с.137]. М.А. Грачев указывает, что в одной профессиональной группе могут использоваться термины, профессионализмы, производственные жаргонизмы, которые являются частями одной системы, поэтому резко противопоставлять их не стоит. В формулировке ученого *профессионализмы* – это «бывшие производственные жаргонизмы, очищенные от тех слов, которые дублируют термины и имеют при этом яркий эмоционально-экспрессивный «довесок» [2, с.212]. Говоря о различиях между термином и профессионализмом, Е.Н. Сердобинцева указывает, что у второго отсутствует дефиниция, соответственно, «профессиональные наименования выполняют только номинативную функцию, отражая наивную картину мира конкретной профессии в отличие от научной картины мира в терминологии» [3, с.399]. Л.Г.Юсупова, Г.Х. Казыханова отмечают, что «основное отличие профессионализмов от терминов заключается в том, что профессионализмы, будучи лексикой, которая относится к определенной профессиональной сфере, не имеют дефиниции» [4, с.176]. В.Ф. Голованова, С.С.Тихонова считают, что «у профессионализмов на первый план выходит функция экономии языковых средств. Говорящий старается сократить объемную формулировку термина, так как в кругу специалистов и так всем понятно, о чем идет речь» [5, с.126].

Профессионализмы, бытующие в речи людей определенной профессии, в первую очередь выполняют номинативную функцию, к примеру, у дальнобойщиков: *мешок* – «прицеп, накрытый брезентом», *голова* – «часть грузового автомобиля без прицепа», *сцепка* – «прицеп, присоединенный к автомобилю», *палетница* – «место для запасного колеса», *гребенка* – «неровная дорога», *весы* – «пост транспортной инспекции», *башмаки* – «резина автомобиля». Нередко профессионализмы имеют ярко выраженную экспрессивную окраску: *матюгальник* – «рация», иронический оттенок: *поздороваться с гаишником* – «дать взятку представителю дорожной полиции». Профессионализмы, выходя за пределы той сферы, в которой они появились, приобретают яркую стилистическую окраску. Именно поэтому нередко в публицистических текстах появляются профессиональные слова, обладающие эмоциональностью, оценочностью, экспрессией.

Авторы публицистических статей при освещении общественной жизни часто обращаются к определенной профессионально-производственной или научной сфере. Иногда для точной характеристики специфики профессии публицисты выходят за рамки литературного языка, используя специальную лексику, присущую лишь данной профессии. Профессионализмы в газетных статьях используются, в

первую очередь, для стилизации текста, то есть максимального приближения к реалиям действительности указанной профессионально-производственной сферы. Так как профессионализмы функционируют преимущественно в устной речи, встретить в публицистике их чаще всего можно при передаче прямой речи героя статьи: «Медведев признал, что мировой финансовый кризис уже задел российский ОПК, и поручил Иванову сделать все, чтобы избежать негативных последствий для «оборонки»: «Считаю, что «оборонку» мы должны поддержать в первую очередь. Мы не можем допустить здесь кризиса неплатежей» [6]. Употребление Д. Медведевым профессионализма *оборонка* («оборонная промышленность») обусловлено стремлением установить доверительные отношения, «быть своим» среди людей, непосредственно занятых в оборонной промышленности и управляющих ею.

Профессионализмы в публицистике присутствуют и в авторском тексте, что позволяет продемонстрировать журналисту компетентность в данной профессиональной отрасли: «Корейские дизайнеры из компании Dadam создали красивую минималистскую мышь из оргстекла. Можно подумать, что из-за прозрачности контроллера пользователю придется постоянно лицезреть его неприглядные *внутренности*, но нет: вся *начинка* мышки спрятана внутри небольшой крестообразной панели» [7]. Лексемы *внутренности*, *начинка* у компьютерщиков означают «внутренне устройство компьютера». Или пример из строительной отрасли: «Современные панельные здания также имеют в основе монолитный каркас. Внутренние углы в них особого беспокойства не вызывают, но стыки в зоне примыкания наружных стеновых панелей к каркасу могут *гулять* до бесконечности» [8]. *Гулять* в профессиональной речи строителей означает «отклоняться от первоначального положения». В заголовке «Порожняком» автор использует профессионализм дальнобойщиков со значением «идущий без груза, пустой», и далее в тексте: «При выплатах за «перегруз» транспортировка новых автомобилей станет экономически невыгодной» [9] профессионализм *перегруз* имеет значение «вес перевозимого товара больше допустимого».

Профессионализмы, встречающиеся в публицистике, имеют разное происхождение: 1) это общеязыковые слова, подвергшиеся семантической специализации: «Кто реально крутит *баранку*» [10], *баранка* у автомобилистов – «руль автомобиля»; 2) разговорно-просторечные слова: «В Бразилии самолет сел на *брюхо* из-за проблем с шасси» [11], *брюхо* у авиапилотов – «нижняя часть корпуса самолета»; диалектные: «Мать вывела на дорогу, ведущую из их уральской деревни на *большак*, и сказала...» [12], *большак* у автомобилистов – «большая дорога»;

жаргонные слова: «Но особо раздражают гаишников светодиодные жиклеры омывателя — «*писалки*» [13], *писалки у автомобилистов* — «отверстия для подачи воды на лобовое стекло»; заимствованные слова: «Сейчас за это нарушение грозит штраф в размере 500 рублей, а раньше такой «*тюнинг*» карался лишением прав» [14]. За установку в *габариты* машин цветных лампочек и неоновую подсветку номера штрафуют и отбирают права» [13], *габариты у автомобилистов* — «подфарники».

Анализ текстов современных СМИ показал, что авторы активно вводят в медиадискурс устойчивые сочетания, ограниченные профессиональной сферой употребления. «Искитимец «выставил» квартиру на 24 тысячи рублей» [15], - фразеологизм *выставить квартиру*, то есть *обокрасть квартиру*, используется в профессиональной речи сотрудниками правоохранительных органов. В этой же профессиональной сфере встречаются и другие устойчивые сочетания: «Налоговики «пробьют» адреса регистрирующихся компаний» [16], *пробить адрес* значит «выяснить информацию о лицах, зарегистрированных или проживающих по определенному адресу»; «Иностранцам предложат откатать пальчики» [17], *откатать пальчики* — «снять отпечатки пальцев».

Метафоризация профессиональной лексики непосредственно связана с проблемой отсутствия экспрессивности у термина, поэтому, как отмечают С.Г. Николаев, М.Н. Моргунова, «профессионализмы-метафоры, в отличие от терминов, имеют ярко выраженный эмоционально-оценочный характер с преобладанием экспрессивной функции над номинативной. Наличие непредметной, коннотативной составляющей является дифференциальным признаком профессиональной лексики» [18, с.111]. Метафоричность значения устойчивых выражений в профессиональной речи нередко становится основополагающей для их употребления: «Компания этого невозмутимого *золотого жука* - Euro Pacific Capital Inc., управляющая \$20-миллионными инвестициями в металлические акции, начав в июле, потеряла 4,5%. За этот же период Филадельфийская золотая фондовая биржа и индекс серебра снизились на 1,5%» [19]. Выражение *золотой жук*, употребляемое в среде экономистов, предпринимателей и означающее «человек, вкладывающий денежные средства в золото», возникает на основе метафорического переноса: *жук* — ловкий человек, плут. Такое сочетание передает неодобрительную оценку и характеризует людей, сумевших воспользоваться сложившейся ситуацией с большой выгодой для себя. Метафорическое переосмысление приобретает используемое экономистами профессиональное выражение «Малый Дракон»: «Героическая победа в развязанной

США «грязной войне» стала звёздным часом Вьетнама в международной жизни. Затем страна ушла в политическую тень. Теперь она вновь выходит на мировую авансцену, но уже в иной ипостаси – заговорили об «экономическом чуде Малого Дракона» [20]. Сочетание *Малый Дракон* относится к небольшим странам Азии, которые стремительно развиваются и представляют экономическую угрозу бизнесу Японии – *Большого Дракона*. Такое метафорическое название возникает не случайно: в странах Азии *дракон* – сильное и свирепое мифическое существо – особенно популярно. Профессионализмы на основе метафорических сочетаний часто передают негативную оценку происходящим событиям или явлениям в определенной профессиональной среде: «Падший ангел»: почему акции Газпрома стоят так дешево?» [21], *падший ангел* – так называются ценные бумаги, упавшие в цене; «Что включают программы страхования жизни «Золотые наручники» и «Золотой парашют?»» [22], *золотые наручники* – страховые гарантии, предоставляемые сотрудникам с целью их удержания таким образом, что до истечения срока контракта или выполнения сотрудником ряда задач воспользоваться ими не удастся; *золотой парашют* – аналогичные страховые гарантии, только с дополнительным условием в трудовом договоре: сотрудник в случае увольнения обязывается не занимать аналогичные должности в других компаниях в течение 1-2 лет, что позволяет исключить использование информации о компании в конкурирующей фирме.

В текстах СМИ встречаются профессионализмы, имеющие ярко выраженную грубую окраску. Такие лексические единицы бытуют в определенной профессиональной среде преимущественно в устной форме. Номинативная функция данных лексем в большинстве своем всегда сочетается с оценочной: «Подвиг мента, начальству – висяк» [23], *висяк* – «нераскрытое дело», слово передает резко негативное отношение к происходящему; «Плюха» [24], *плюха* в спортивной среде – «гол, очко», причем слово имеет ироничный оттенок; «Обновление популярного антивируса «убило» тысячи компьютеров» [25], *убить* в профессиональной среде компьютерщиков означает «разрушить структуру данных компьютера», к тому же слово выражает дополнительный оттенок значения – «совершить из-за незнания, глупости»; «Как физики юриков кредитовали» [26]; указанные лексемы вместе с номинацией *физики* – «физические лица», *юрики* – «организации» (в сфере налогообложения) несут некоторый оттенок пренебрежения к номинируемому объекту.

Таким образом, профессионализмы, имеющие ярко выраженную грубую окраску, актуализируют оценку конкретного явления в профессиональной

коммуникации, используются для стилизации текста, а также могут служить определенным средством снятия психологического напряжения в условиях профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Лихачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964. – 364с.
2. Грачев М.А. К вопросу об изучении социолектизмов в профессиональном языке силовых структур // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №24. С. 211-212. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-izuchenii-sotsiolektizmov-v-professionalnom-yazyke-silovyh-struktur/viewer> (Дата обращения: 25.04.2020)
3. Сердобинцева Е.Н. Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. №27. С.396-401. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizmy-v-sisteme-spetsialnoy-leksiki-i-sisteme-natsionalnogo-yazyka> (Дата обращения: 20.04.2020)
4. Юсупова Л.Г., Казыханова Г.Х. Особенности профессиональной лексики и ее отличие от терминов // Достижения вузовской науки. 2016. - С.175-178. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnoy-leksiki-i-eyo-otlichie-ot-terminov> (Дата обращения: 24.04.2020)
5. Голованова В.Ф., Тихонова С.С. Роль терминов и профессионализмов в юридической практике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. №5. С.122-127. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-terminov-i-professionalizmov-v-yuridicheskoy-praktike> (Дата обращения: 24.04.2020)
6. Баданин Р., Куклина Н., Артемьев А. «Оборонка» заработала на кризисе // Газета.ру. 16.10.2008. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2008/10/16_a_2858108.shtml (Дата обращения: 20.04.2020)
7. Кошкина Ю. Минимализм внутри // Газета РБК. №4. 09.02.2016. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/> (Дата обращения: 18.06.2016)
8. БН-газета. 24.04.2013. Режим доступа: <https://trian.tiu.ru/a110380-remont-monolitnoj-novostrojke.html> (Дата обращения: 18.06.2016)
9. Новгородские ведомости. 03.04.2012. Режим доступа: <https://prnews.io/ru/> (Дата обращения: 18.06.2016)
10. Фаляхов Р. Зеленоглазый мошенник: как обманывают таксисты // Газета.ру. 06.01.2020. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2020/01/06/12898646.shtml> (Дата обращения: 20.04.2020)
11. Новая газета. 29.03.2014. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/news/2014/03/29/98613-v-brazilii-samolet-sel-na-171-bryuho-187-iz-za-problem-s-shassi> (Дата обращения: 20.04.2020)
12. Солнцева А. Пандемия гречки // Газета.ру. 22.03.2020. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/comments/column/solnceva/13014583.shtml> (Дата обращения: 20.04.2020)
13. Киселев Д. Кара за фару // Газета.ру. 27.08.2005. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/auto/2005/08/26_a_362155.shtml (Дата обращения: 20.04.2020)

14. Апулеев И. Скрытый номер: водителей лишат прав за грязь // Газета.ру. 26.06.2019. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/auto/2019/06/26_a_12443293.shtml (Дата обращения: 20.04.2020)
15. Конкурент. 21.01.2015. Режим доступа: <https://www.konkyrent.ru/7160-iskitimes-vystavil-kvartiru-na-24-tysyachi-rublei.html> (Дата обращения: 20.04.2020)
16. Учет. Налоги. Право. 24.10.2007. Режим доступа: <http://bishelp.ru/business/bezopasnost/nalogoviki-probyut-adresa-registriruyushchihsya-kompaniy> (Дата обращения: 20.04.2020)
17. Родин И. Иностранцам предложат откатать пальчики // Независимая газета. 24.01.2014. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2014-01-24/1_fingers.html (Дата обращения: 20.04.2020)
18. Николаев С.Г., Моргунова М.Н. Термин и профессионализм: к специфике метафоризации // Научная мысль Кавказа. 2017. №1. С.106-113. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-i-professionalizm-k-spetsifike-metaforizatsii-na-materiale-angliyskoy-leksiki-biznesa> (Дата обращения: 27.04.2020)
19. Арнсдорф А. Золотой жук Питер Шифф отвечает Goldman Sachs по поводу первого падения золота с 2000 года // Око планеты. 12.11.2013. Режим доступа: <https://goldenfront.ru/articles/view/zolotoj-zhuk-piter-shiff-otvechaet-goldman-sachs-po-povodu-pervogo-padeniya-zolota-s-2000-goda/> (Дата обращения: 27.04.2020)
20. Цаголов Г. Тайны малого Дракона // Литературная газета. 18.09.2013. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1000858863-tajny-malogo-drakona-kuda-idet-vietnam-chemu-u-nego-pouchitsya-georgij-tsagolov> (Дата обращения: 27.04.2020)
21. Дело. 20.09.2013. Режим доступа: https://sia.ru/?section=398&action=show_news&id=267413 (Дата обращения: 27.04.2020)
22. Дело. 25.06.2008. Режим доступа: <https://delo.ua/economyandpoliticsinukraine/strahovka-huzhe-nevoli-80916/> (Дата обращения: 27.04.2020)
23. Новая газета. 17.02.2010. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2010/02/17/4632-podvig-menta-nachalstvu-visyak> (Дата обращения: 27.04.2020)
24. Новая газета. 06.04.2009. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2009/04/06/43293-plyuha> (Дата обращения: 27.04.2020)
25. Глинкин А. Обновление популярного антивируса «убило» тысячи компьютеров // Российская газета. 30.06.2015. Режим доступа: <https://rg.ru/2015/06/30/sophos-site.html> (Дата обращения: 27.04.2020)
26. Фармацевтический вестник. 14.12.2015. Режим доступа: <https://pharmvestnik.ru/articles/kak-fiziki-jurikov-kreditovali.html> (Дата обращения: 27.04.2020)

УДК 81

Продуктивные словообразовательные модели в английском молодежном сленге

Лазарев Владимир Александрович

д. филол. н., доцент кафедры перевода и информационных технологий
в лингвистике, Южный Федеральный Университет, РФ, г. Ростов-на-Дону
perevod.ros@rambler.ru

Дьяченко Татьяна Николаевна

студентка магистратуры, Южный Федеральный Университет, РФ, г. Ростов-на-Дону
tatiana.diachenko13@yandex.ru

The productive ways of word-building in the English youth slang

Lazarev Vladimir Aleksandrovich

Doctor of Philology, associate professor at the translation and information technology
in linguistics department, Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don

Diachenko Tatiana Nikolaevna

Master student, Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don

Аннотация. Статья рассматривает наиболее продуктивные способы словообразования, характерные для английской нестандартной лексики, в частности, молодежного сленга, примеры которого были взяты из интернет-ресурса "Instagram". В ходе исследования были рассмотрены самые популярные способы словообразования английского молодежного сленга. В результате проведенного анализа были обобщены данные о способах словообразования английского сленга и выявлены наиболее частотные модели словообразования, а именно словосложение и включение нового значения. Исследование было выполнено сравнительно-сопоставительным и контекстуальным методами анализа.

Ключевые слова: английский язык, нестандартная лексика, сленг, молодежный сленг, словообразование, словообразовательные модели, аффиксация, словосложение, усечение, аббревиация, транспозиция.

Abstract. The article deals with the most productive ways of word-formation, characteristic for English youth slang examples, which were taken from the Internet resource "Instagram". The study examined the most popular ways of word formation of English youth slang. As a result of the analysis, data on the ways of word formation of English slang were generalized and the most frequent models of word formation were identified, namely, the word structure and the inclusion of a new meaning. These ways of word formation were studied according to the comparative analysis method, in-context analysis.

Key words: English language, non-standard vocabulary, slang, word formation, word-formation models, affixation, truncation, word composition, abbreviation, transposition.

Современное общество не мыслит свою жизнь без Интернета. Не удивительно, Интернет настолько прочно вошел в нашу жизнь, что даже сложно представить, как мы обходились без него всего лишь 20 лет назад. Мы живем в век технологий, когда любую информацию можно «загуглить» и поисковик мгновенно выдаст информацию. И все же Интернет - это не только быстрый и удобный источник любой информации, но и на сегодняшний день, к сожалению, самый популярный способ коммуникации. Возможность общения друг с другом, находясь в разных точках мира, которую мы имеем благодаря Интернету, привели к возникновению «сетевого» языка.

Актуальность данной статьи обусловлена появлением новых способов общения, нового речевого поведения, новых речевых шаблонов. Все эти факторы являются интереснейшим объектом для лингвистического исследования. В ходе исследования были выявлены и проанализированы в общей сложности 34 лексемы английского интернет-сленга. Наибольшее количество проанализированных сленговых единиц образовано путем включения нового значения в уже существующее слово и словосложение.

Языковая норма английского языка за последние два столетия претерпела множество изменений: в языке возникли отклонения от стандартов. Литературная норма диктуется словарями, правилами и учебниками и поэтому отступления от словарных стандартов, несоответствия нормам целесообразно понимать как языковые отклонения. Один из таких любопытных и спорных примеров отклонения от нормы считается сленг.

Понятие «сленга» учеными трактуется как слова, нарушающие норму языка - это эмоционально окрашенные слова, которые служат обозначением предметов повседневности и также является источником пополнения лексического и фразеологического уровней литературного языка, отражая менталитет его носителей.

Сленг является весомым сегментом нестандартного языка, постоянно расширяющейся и видоизменяющейся его частью, при этом сленг молодежи отражает изменения, значимые для культуры и общества.

Английский сленг – это достаточно обширное явление, которое в свою очередь также состоит из разных образований. Чаще всего, за неимением другого определения, отечественные лингвисты ссылаются на определение филолога В. А. Хомякова, трактуя понятие «сленг»: «Сленг относительно устойчивый для определенного периода, широкоупотребительный, стилистически маркированный лексический пласт, компонент экспрессивного просторечия, входящего в

литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [1, с. 24].

В рамках данной статьи рассматриваются самые продуктивные образовательные модели современного английского языка, а именно – его нестандартной составляющей. Были исследованы лексические новообразования в английском интернет-сленге, отобранные на основе англоязычных социальных сетей (“Instagram”). Были выявлены наиболее продуктивные пути образования английского интернет-сленга и их особенности. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод: создание новых слов часто происходит по типичным языковым моделям. Процесс словообразования нестандартной лексики английского языка включает следующие важные модели:

- Аффиксация;
- Присвоение нового значения литературному слову;
- Усечение;
- Словосложение;
- Аббревиация;
- Транспозиция.

Рассмотрим подробнее каждый из выделенных способов. Большинство слов, относящихся к нестандартному регистру, образованы по принципу *аффиксации*. Именно аффиксальный способ является самым продуктивным способом словообразования не только в литературном языке, но и в разговорной лексике. Например, популярное слово “unsee” образовано путем прибавления к глаголу “see” отрицательной приставки “un”, в результате возникло новое слово – «развидеть», которое употребляется в том же значении в русском языке. Главной особенностью аффиксального способа можно назвать его тенденцию образовывать новые слова вместе с уже известными аббревиатурами, как например образованное путем прибавления к аббревиатуре “LOL” глагольного окончания прошедшего времени “d”: “I lol’d” на русский язык можно перевести с помощью глагола «орать», которое вследствие изменений в языке приобрело новое значение: «Я поорал», т.е. посмеялся.

Особенно продуктивным способом является *суффиксация*, которая заключается в создании нового слова посредством присоединения суффиксов. Преимущественно используются суффиксы, создающие стилистическую маркированность нестандартной лексики. Например, популярным на данный момент суффиксом является “ie”: “selfie”, где к основе “self” добавляется суффикс “ie” - фото

себя; по аналогии образуются “homie” переводится как друг, приятель, братан; “baddie”, которое переводится на русский как «злодей» и “nightie” - женская ночная рубашка.

На втором месте по популярности после аффиксации можно назвать *включение нового значения*. В качестве примера такого включения в существующее слово в английском языке может служить существительное “joint”. Словарь дает следующие дефиниции: «место соединения, шов», и второе значение «сустав». Главным образом это слово встречается в медицинской литературе, однако в интернет-сленге оно используется в значении «тюрьма; самокрутка с марихуаной». Например: “bro got back in joint” – «Братан опять угодил в тюрьму». Не менее интересным примером включения нового значения является “box” - ящик, коробка, которое впоследствии превратилось в «телевизор» и в таком значении было заимствовано русским языком; “grass” – травка (ассимилированное с тем же значением в русском языке), марихуана; “guts” - смелость.

Усечение оказывается наиболее активным способом образования новых слов в молодежном сленге. Новые слова образуются путем сокращением слова или даже словосочетания; образованное сленговое слово или словосочетание читается по начальным звукам слов, например, “family” превратилось в “fam”, “rep” – reputation, “24/7” - 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Словосложение - принцип, при котором соединяются два независимых слова, например, “face + palm”, которое на русский язык с небольшими изменениями переводится «рукалицо». Этот способ осуществляется путем сложения двух основ в одно более сложное слово. К сложным словам могут относиться не только существительные, но и прилагательные, глаголы.

Например, в языке появляются сложные существительные, которые образовались благодаря сложению существительного и прилагательного, например “deadlock” – тупик или “redneck” – «деревенщина»; благодаря сложению глагола и существительного могут образовываться сложные существительные: “chatterbox” - болтун; путем сложения существительного и наречия в английском образовалось много новых слов, таких как “comeback” - возвращение, “chipskate” - скряга; сложные существительные, образованные путем сложения двух существительных: “jailbait” - девушка до 18 лет, отношения с которой могут закончиться тюрьмой», “breadwinner” – «кормилец семьи», которое может использоваться по отношению как мужчине, так и к женщине, “homebody” - любитель посидеть дома, “bullshit” - хрень, ерунда; встречаются также примеры сложения глагола и предлога: “login” - «залогиниться».

Также разговорный лексикон пополнился глаголами благодаря словосложению двух имен существительных: “sweet-talk” - уламывать; сложными наречиями, образованными путем сложения существительного и наречия: “awesome” - «круто, потрясно».

Другим продуктивным способом словообразования является *аббревиация*. Интернет – это сеть мгновенного обмена большого объема информации, в соответствии с сетевыми нуждами возникает необходимость передавать информацию очень быстро и в компактной форме, при этом также необходимо сохранить содержание. Именно по этой причине в сетевом сленге наиболее популярны буквенные аббревиатуры, например, “OMG” – Oh My God! – О, боже мой! и “WTF” – What The F*ck? – Какого хрена?». Для обозначения красивой, яркой девушки используется аббревиатура “PHAT”, которое расшифровывается как “Pretty Hot And Tempting”. Кроме буквенных аббревиатур в сетевом языке встречаются и слоговые аббревиатуры. Например: “V-log” сокращение от “video-blog” – видеоблог. В Интернете такой вид аббревиации не так популярен, как буквенный.

Для *транспозиции* характерен способ вербализации, причем в основном происходит вербализация имен собственных. Как в русском, так и в английском сетевом сленге глаголы могут формироваться из названий сайтов, приложений, программ и означают совершение какого-либо действия с помощью данного сайта, программы. Например, “to google” – гуглить – искать информацию в поисковике “Google”; “to instagram” – инстаграмить – постить свои фото в “Instagram”; “to photoshop” – фотошопить - обрабатывать фотографии с помощью программы “Photoshop”.

Нельзя не упомянуть прием *адъективации*, который заключается в переходе причастий, глаголов в раздел имен прилагательных. Для интернет-сленга этот способ довольно популярен: “photoshopped” - отфотошопленный, т.е. обработанный с помощью программы “Photoshop”; “goggled” – погугленный - найденный с помощью поисковика “Google”.

Таким образом, новые слова образуются и попадают в сленг самими разными способами. В статье были рассмотрены самые популярные и продуктивные на данный момент модели словообразования, приоритетными из которых являются словосложение и включение нового значения, с помощью которых пополняется состав разговорного английского языка.

Новые слова возникают для экономии места и времени либо для выражения экспрессии, с ростом потребностей растет и спрос на новые языковые формы.

Некоторые сленгизмы появляются и уходят, некоторые остаются и даже переходят в литературную норму. Появление новых слов и словосочетаний является предметом тщательного изучения ученых-лингвистов, поскольку происходит непрерывное развитие языка. При этом важно отметить, что описанные модели словообразования сетевого сленга и сленга в целом зависят от потребностей носителей языка.

Список литературы

1. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. В.: Областная типография, 1971. 103 с.
2. Волошин Ю. К. Сленг и перевод. Перевод и сопоставительная лингвистика. М.: 2017. 26-28 с.
3. Вилюман В. Г. О способах образования слов сленга в современном английском языке. М.: Вопросы языкознания, 1960. 137-140 с.
4. Звариченко Е. Д., Сандалова Н. В. Основные способы словообразования в русском и английском интернет сленге (материалы 8-й международной студенческой научно-практической конференции). Екатеринбург: 2016. 85-86 с.
5. Лимарова Е. В. Сон Л. П. Интернет-сленг: словообразовательные процессы (на материале английского и русского языков). Челябинск: 2018. 111-119 с.
6. Миллер А. А. Основные пути формирования сленга. Вологда: 1970. 46 с.
7. Прохорова Н.Ю., Попова Е.А. Проблема перевода сленга с английского языка на русский. Тамбов: Научный альманах, 2017. 14 с.
8. Тамбовцева К. Д. Способы словообразования в американском молодежном сленге. М.: 2018. 60-67 с.
9. Слюсарева К. В. Сленг как явление в современной лингвистике в контексте перевода. Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, 2017. 25 с.

Список источников

1. Wentworth H., Dictionary of American Slang. Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. P. 766.
2. Spears R. A. Dictionary of American Slang. Special Edition, 1991. P. 528.

УДК 811.11'37

Приемы реализации языковой игры в афоризмах

Маринченко Ирина Александровна

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы и методики преподавания, Дальневосточный федеральный университет, РФ, г. Уссурийск
irmarinchenko@yandex.ru

Васильева Елена Васильевна

Зав. информационно-библиографическим отделом библиотеки
Дальневосточный федеральный университет, РФ, г. Уссурийск
biblioussdvfu@bk.ru

Ипполитова Евгения Сергеевна

Студент 1 курса магистерской программы «Русский язык в контексте современной науки и образования», Дальневосточный федеральный университет, РФ, г. Уссурийск
lapo-chka-1996@bk.ru

Techniques for implementing a language game in aphorisms

Marinchenko Irina Aleksandrovna

Cand. Sci. (Philology), associate professor of Russian language literature and teaching methods department Far Eastern Federal University, Russia, Ussuriysk

Vasileva Elena Vasilievna

Head of the Information and bibliographic department of the library
Far Eastern Federal University, Russia, Ussuriysk

Ippolitova Evgenia Sergeevna

1-st year student of the master program "Russian language in the context of modern science and education", Far Eastern Federal University, Russia, Ussuriysk

Аннотация. В статье рассматривается языковая игра в афористике как проявление лингвокреативного мышления автора и читателя. Исследуется специфика реализации языковой игры в афоризмах на разных уровнях системы языка. Выявлены продуктивные способы обыгрывания и описаны доминантные игровые приемы. Проведенное исследование показывает, что активное использование средств и приемов языковой игры в афоризмах обусловлено такими особенностями их формы, как лаконичность, выразительность и парадоксальность. Установлено, что языковая игра в парадоксальных определениях представлена наиболее разнообразно на лексическом уровне языка, где она реализуется с помощью синонимии, тавтологии, антонимии, омонимии, средств метафоры, олицетворения и др.

Ключевые слова: афористика, афоризм, лингвокреативное мышление, языковая игра, языковой уровень, игровой прием.

Abstract. The article considers the language game in aphoristics as a manifestation of the linguistic-creative thinking of the author and the reader. The specifics of implementation of the language game in aphorisms at different levels of the language system is investigated. Productive methods of playing out are revealed and dominant

gaming techniques are described. The study shows that the active use of the means and methods of the language game in aphorisms is due to such features of their form as laconicism, expressiveness and paradox. It is established that the language game in paradoxical definitions is represented most diversely at the lexical level of the language, where it is realized with the help of synonymy, tautology, anthonymy, homonymy, metaphor, personification, etc.

Keywords: aphoristics, aphorism, linguistic-creative thinking, language game, language system level, gaming technique.

1. Теоретические аспекты исследования

Афоризм – это «обобщённая мысль, выраженная в лаконичной, художественно заострённой форме» [1, с. 206]. Основными признаками афоризма являются глубина и обобщённость мысли, краткость и выразительность формы, парадоксальность и авторский характер, автосемантичность, т.е. относительная независимость от текста [2, с. 39].

Ядро афоризмов составляют «универсальные высказывания с всеобщей приложимостью», сфера референции которых «не ограничена во временном, пространственном или событийном плане» [1, с. 204]. «Универсальные высказывания типизируют жизненные явления, придают им вневременной и всеохватывающий характер, не содержат точного указания на место и время» [2, с. 40]. Композиция афоризма определяется его содержанием. Афоризм «выбирает» наиболее подходящую форму выражения обобщённого содержания и воспроизводит её. Для афоризмов свойственны усложнённые, «отточенные» синтаксические конструкции [См. об этом: 3].

Специфика афоризма делает языковую игру одним из важных инструментов реализации авторского замысла в этом литературном жанре. Характерная для афористичного высказывания выразительность и парадоксальность формы и содержания возникает в результате использования различных игровых приемов.

Предметом исследования в данной статье являются основные способы и приёмы языковой игры в афоризмах.

Материал, привлекаемый к анализу в работе, – афоризмы, извлеченные из «Афористикона, или Самого толкового словаря» К.В. Душенко [4], из книги В. Г. Кротова «Словарь парадоксальных определений» [5], из сборника Г.Е. Малкина «Не падай духом где попало» [6].

Термин «языковая игра» впервые был употреблен австрийским философом Людвигом Витгенштейном (1889–1951). Автор «Философских исследований» рассматривает языковую игру как творческий процесс, объединяющий язык с

различными видами деятельности [7, с. 33]. На основе этого широкого философского определения языковой игры сложилось несколько научных концепций, дающих различные трактовки этого феномена.

Собственно **лингвистический подход** к языковой игре как экспрессивно-стилистическому средству реализован в работах Е.А. Земской, М.А. Китайгородской и Н.Н. Розановой [8], Т.А. Гридиной [9], В.З. Санникова [10]. Сторонники данного подхода интерпретируют языковую игру как творческий эксперимент, связанный с открытием новых (нестандартных) способов реализации авторского замысла [9].

Подход, основанный на **теории комического**, представлен в исследованиях А.Ю. Белецкой и Ю.И. Тавтиловой [11], С.Ю. Капковой [12], И.В. Цикушевой [13]. Языковая игра рассматривается ими как форма речевого поведения, «связанная с порождением комического эффекта на основе осознанного нарушения функционально-семантических закономерностей использования языковых форм» [14, с. 16].

Когнитивный подход к понятию языковой игры основан на теории интертекстуальности. При когнитивном подходе подчеркиваются такие проявления языковой игры, как использование прецедентных феноменов (прецедентных имен, прецедентных высказываний, прецедентных текстов и прецедентных ситуаций) для создания различных аллюзий и реминисценций, посредством которых автор апеллирует к экзистенциальной, лингвистической и логической пресуппозициям адресата [15; 16; 17; 18].

В рамках **функционального** подхода языковая игра трактуется как лингвокреативная деятельность, отражающая коммуникативные потребности личности, «осуществление определенных действий, способ достижения цели при формировании значения говорящего. Смысл игрового высказывания формируется под влиянием психологических и социальных факторов и выявляется при анализе пресуппозиций» [14, с. 35].

Перечисленные концепции объединяет восприятие языковой игры как лингвокреативной деятельности, использующей возможности языковой системы для достижения определенных коммуникативно-прагматических эффектов.

Механизм языковой игры реализуется с помощью разнообразных средств и игровых приемов, цели использования которых особенно ярко выявляются в дискурсивном тематическом контексте [3; 18; 19; 20; 21].

Языковая игра – это проявление творческого мышления «человека играющего». Следует отметить, что лингвокреативное мышление должно быть

присуще не только создателю языковой игры, но и его собеседнику, иначе прагматические цели говорящего не будут достигнуты [20, с. 11].

Т.А. Гридина, говоря о речевой природе эффекта языковой игры, выделяет ее основные **признаки**: 1) творческое использование языковых ресурсов, 2) окказиональность факта языковой игры, поскольку «языковая игра порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой формы»; 3) «осознанное воспроизведение, продуцирование эффекта, порождаемого ошибочным использованием языковых единиц в речи»; 4) наличие непосредственного контакта между участниками коммуникативного акта для достижения эффекта языковой игры; 4) использование различных приемов лексической актуализации [9, с. 7].

В монографии «Русская разговорная речь» выявлены четыре основные **функции** языковой игры [15, с. 172–214].

1. «Игровая» функция языка определяется как одна из разновидностей поэтической функции. Выражением данной функции чаще всего является использование метафоры. Например: **Знание – это пища ума** [4, с. 123]; **Невежество – это ночь** нашего разума, причем **ночь беззвездная и безлунная** [4, с. 215].

2. Функция создания комизма. Например: **Распродажа – это вещь, которая вам не нужна за цену, перед которой вы не смогли устоять** [4, с. 362].

3. Языковая игра определяется как репрезентация экспрессивной речевой функции. Ее цель – выразить отношение адресата к сообщаемой информации. Например: **Кто много говорит, тот часто терпит неудачу** [6, с. 251]; **Ненависть – это месть труса** за испытанный им страх [5, с. 228]. Данные афоризмы демонстрируют, в первом случае, неприятие болтунов, а во втором случае, – презрение к слабости трусов.

4. Языковая игра может выполнять функцию «смягчения» речи. Например: **Смерть – это мост, соединяющий друга с другом** [4, с. 411]. Использование языковой игры в данном случае «устраняет серьезность тона, ослабляя тем самым содержание сообщения» [8, с. 173-174].

Теоретический анализ литературы показывает, что в философии сложилась концепция языковой игры как формы человеческой деятельности (Витгенштейн), в лингвистике языковая игра рассматривается в первую очередь как проявление творческого мышления «человека играющего» – явление речи, имеющее основу в системе языка.

2. Методология и результаты исследования

При разработке классификации приёмов создания языковой игры в афоризмах мы опирались на работу В.З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры» [10], где игровые приемы разделены в соответствии с языковыми уровнями.

На **фонемном языковом уровне** актуализируется наименьшее количество приёмов языковой игры. Мы выявили следующие.

1. Аллитерация, то есть повторение согласных звуков. Например: *Музыка – это мыслящий шум* [5, с. 212].

2. Ассонанс, то есть повторение гласных звуков. Например: *Море – пространство разочарования и страха* [5, с. 209]. Ассонанс на гласный [а] передает бесконечность морской стихии.

3. «Растяжка» гласных. Например: *Крааль – это африканское поселение, жители которого пасут скоот* [5, с. 171]. Двойная буква «о» использована для достижения «зеркального» эффекта, в соответствии с написанием слова «крааль».

4. Рифма. Рифма придает афористическому высказыванию поэтическую форму и повышает его экспрессию. Например: *Сила – уму могила* [5, с. 326].

На **морфемном уровне** языковая игра создается на основе применения следующих приемов.

1. Комическое переосмысливание частей слова. Например: *Неискренность – это когда на лице озверилась улыбка* [4, с. 274]. Замена морфемы (Ср.: *лицо озарилась улыбкой*) придает саркастический смысл афоризму.

2. «Нагнетение» слов с общей морфемой. Например: *Компьютер – это собутыльник, соратник и сообщник* [5, с. 166]; *Рай – это место, где нет будильников, понедельников и начальников* [4, с. 84]. Употребление слов с повторяющимися морфемами усиливает экспрессивность афоризма.

3. Использование иноязычных аффиксов в целях создания контраста. Например: *Чемпион – это кандидат в экс-чемпионы* [5, с. 412]; *Революции – это контр-революции* [5, с. 307]. Иноязычные приставки **экс-** и **контр-** придают предельную лаконичность афоризму.

4. Образование неологизмов. Например: *Цитатчик – это человек, употребляющий чужие слова для подтверждения чужой мысли* [5, с. 407]. При помощи окказионализма и повтора создается иронический подтекст.

5. Актуализация в слове этимологических связей. Например: *Свойство – это слишком общее понятие, в котором каждый различает мойство, твойство и*

егойство [5, с. 323]. Одноструктурные окказионализмы с суффиксом -ств- «оживляют» утраченную словообразовательную структуру слова свойство и в то же время верно отражают особенности семантики возвратного местоимения свой.

6. Ироническое обыгрывание аббревиатур. Например: **ИТД** – сокращение, которое заставляет верить, будто вы знаете гораздо больше, чем на самом деле [5, с. 131].

На **лексическом уровне** языковая игра реализуется наиболее разнообразно.

1. Синонимия. Например: **Жизнь** – это **развитие, рост и движение** [4, с. 188]. В словах-синонимах объединяются самые важные признаки определяемого понятия.

2. Тавтология. Например: **Любовь** – это **жизнь жизни** [5, с. 187]. Тавтологическая конструкция построена по типу генитивной метафоры, где слово в именительном падеже имеет метафорическое, более отвлеченное значение. См. также: **Сновидение** – это **сердце** нашего **сердца** [5, с. 339]. **Сердце сердца** – это наше подсознание, которое раскрывается во время сна.

3. Антонимия. Например: **Женищина** – это **неудавшийся мужчина** [5, с. 109]. Определяемое понятие и компонент предиката находятся в отношениях контраста. Контраст может быть представлен и в оксюморе. Например: **Неграмотный** – это **зрячий слепец** [4, с. 336]. Контраст является обязательным компонентом создания парадоксальности. Антонимия также может наблюдаться на уровне сложных предложений. Например: **Гласность** – это не когда **много говорят, а когда ни о чем не умалчивают** [5, с. 73].

4. Омонимия. Например: **Ссора** – это парад душевного **сора** [5, с. 350]. Достижение комического эффекта опирается на созвучие слов «ссора» и «сора».

5. Метафора. Например: **Книга** – это **памятник** ушедшим в вечность **умам** [5, с. 161]. С целью художественного преувеличения, усиления впечатления, повышения экспрессивности и образности высказывания используется гиперболизированная метафора. Например: **Слёзы** – это **летний ливень** для души [5, с. 332]; **Пачка сигарет** – это **двадцать снарядов** по человеческому организму [5, с. 257].

6. Олицетворение. Например: **Эпоха** – это **время, обнимающее** живых и мертвых [5, с. 426]; **Общественное мнение** – это **бой-баба**, которая никому не позволит изнасиловать себя [5, с. 240]. Перенесение свойств живого существа на неживые предметы или понятия указывает на значимость определяемого явления. Понятия «эпоха», «общественное мнение» приобретают антропоморфные черты.

7. Обыгрывание фразеологизмов. Например: *Чайник – это кастрюля, которую **оставили с носом** [5, с. 408]; Хирург – человек, заранее **умывающий руки** [5, с. 399].* Комический эффект основан на буквализации значения отдельных компонентов, входящих в состав фразеологической единицы.

8. Нагнетение местоимений. Например: *Время – это **то**, благодаря **чему** **ничего** на свете не происходит одновременно [4, с. 21]; Польза – это **что-то**, содействующее **чему-то** с **чьей-то** точки зрения [5, с. 281].* В приведенных примерах обыгрывается типичная черта афоризмов: генерализованность и отвлеченность их смысла [См. об этом: 20]. Нагнетение местоимений отмечено в статье И. А. Маринченко как яркая особенность «черномырдинок», придающая им известную комичность [19].

9. Обыгрывание определяемого слова с помощью использования слова той же лексико-семантической группы, то есть согипонима. Например: ***Индюк** – это **утка** с **бантиком** [5, с. 140]; **Сорока** – это **ворона** в полутрауре [5, с. 346].* Парадоксальность такого рода определений усиливается указанием на дополнительный признак в предикате.

Синтаксический уровень. В афоризмах используются следующие приёмы.

1. Сравнение. Наиболее выразительно такое сравнение, в котором субъект и объект относятся к разным семантическим сферам. Например: ***Родные** – словно **горный пейзаж**: лучше всего смотрятся издалека [4, с. 382].*

2. Нагнетение однородных членов предложения. Например: ***Сатана** – это враг веры, вор жизни, источник зла, корень пороков, поставщик горестей [5, с. 320].* Однородные сказуемые с пейоративной оценкой повышают напряженность речи. ***Рыдание** – это звуки, издаваемые женщинами, детьми, тенорами, модными священниками и пьяницами [5, с. 316].* В данном примере цель использования однородных членов заключается в том, чтобы внести оттенок сарказма в определение. Сарказм возникает вследствие нелогичности объединения объектов по характеризующему признаку.

3. Использование междометий. Например: *Новости – это всё то, что заставляет воскликнуть женщину: «**О Господи!**» [4, с. 232].* Междометие позволяет лаконично передать весь спектр эмоций, характеризующих указанную в левой части афоризма ситуацию.

4. Использование грубых слов. Например: *Судьба – это вымышленная персона, на которую сваливают ошибки **идиотов** [4, с. 330].* Наличие в

высказывании грубой, просторечной, нецензурной лексики усиливает эмоциональное воздействие афоризма.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что активное использование средств и приемов языковой игры в афоризмах обусловлено такими особенностями их формы, как лаконичность, выразительность и парадоксальность. Нами выявлены наиболее продуктивные способы использования языковой игры в парадоксальных определениях. На фонемном языковом уровне это аллитерация, ассонанс, «растяжка» гласных, рифма. На морфемном уровне – комическое переосмысливание частей слов, нагнетение слов с общей морфемой, использование иноязычных аффиксов в целях создания контраста, образование окказионализмов, актуализация в слове этимологических связей, обыгрывание аббревиатур. На лексическом уровне – синонимия, тавтология, антонимия, омонимия, метафора, олицетворение, обыгрывание фразеологизмов, нагнетение местоимений, обыгрывание определяемого слова с помощью согипонима. На синтаксическом уровне – сравнение, нагнетение однородных членов предложения, использование междометий и грубых слов.

Список литературы

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 328с.
2. Дмитриева О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): дисс. ... канд. филол. н. Волгоград, 1997. 189 с.
3. Маринченко И.А. Структурно-семантические особенности афоризмов с местоимением «ничто» [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 3. С. 117-121. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26602854> (дата обращения: 20. 04. 2020).
4. Душенко К.В. Афористикон, или Самый толковый словарь: Афоризмы. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 400 с.
5. Кротов В.Г. Словарь парадоксальных определений. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. 480 с.
6. Малкин Г.Е. Не падай духом где попало: Золотые афоризмы. М.: РИПОЛ классик. 2011. в 3-х т. Т. 2. 480 с.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Аст, 2019. 384 с.
8. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1983. С. 172-214.
9. Гридина Т.А. Языковая игра: Стереотип и творчество [Электронный ресурс]. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1996. 215 с. URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01001743174> (дата обращения: 20. 04. 2020).
10. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянских культур, 2011. 542 с.
11. Белецкая А.Ю., Тавилова Ю.И. Языковая игра как способ создания комического эффекта в романе Н. Геймана и Т. Пратчетта «Благие намерения»

- [Электронный ресурс] // Филологический аспект: междунар. научно-практ. журнал. 2020. № 03 (59). URL: <https://scipress.ru/philology/article/igra-kak-sposob-sozdaniya-komicheskogo-effecta-v-romane-n-gejmana-i-t-pratchetta-blagie-namereniya.html> (дата обращения: 01. 05. 2020).
12. Капкова С.Ю. Языковая игра как способ реализации комического // Universum: филология и искусствоведение. 2014. № 2 (4). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1008> (дата обращения: 01. 05. 2020).
 13. Цикушева И.В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс]. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. № 90. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-igry-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya#ixzz4dt8zKjgO> (дата обращения: 20. 04. 2020).
 14. Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: Изд.-во ВГУЭС, 2008. 196 с.
 15. Колокольцева Т.Н., Туровская О.Д. Языковая игра с использованием прецедентных феноменов в разговорной речи // Грани познания. Волгоград: Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т, 2015 № 8 (42). С. 153-157.
 16. Ремчукова Е.Н., Страхова А.В. Рекламное «зазеркалье» России и Франции. Лингвокреативный и гендерный аспекты. М.: Едиториал УРРС. 2016. 216 с.
 17. Маринченко И.А., Васильева Е.В. Приемы языковой игры в интернет-отзывах о парфюмерии [Электронный ресурс] // Язык и национальная сознание. Вып. 24. Воронеж: Ритм, 2018. С. 26-32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32257930> (дата обращения: 20. 04. 2020).
 18. Маринченко И.А., Новикова И.В. Политическая афористика М.С. Горбачева [Электронный ресурс] // Филологические открытия: сб. науч. ст. Владивосток: ДВФУ, 2015. С. 117-124. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24953901> (дата обращения: 20. 04. 2020).
 19. Маринченко И.А. Прагматические особенности использования местоимений в речи В.С. Черномырдина // Литература и культура Дальнего Востока и Восточного зарубежья: ст. уч. VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. Владивосток: ДВФУ, 2016. С. 99-104.
 20. Маринченко И.А., Васильева Е.В. Источники прецедентности в языковой игре авторов интернет-отзывов о парфюмерии [Электронный ресурс] // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья: мат. VIII Всерос. науч.-практ. конф. 16 февраля 2018 года. Владивосток: ДВФУ, 2018. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35346071> (дата обращения: 20. 04. 2020).
 21. Маринченко И.А., Васильева Е.В. Приемы трансформации формальной структуры прецедентных высказываний в интернет-отзывах о парфюмерии [Электронный ресурс] // Филологические открытия: сб. науч. ст. Владивосток: ДВФУ, 2018. С. 162-173. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35590078> (дата обращения: 20. 04. 2020).

УДК 81, 373. 72: 81,246.2

Дихотомия «слушать-быть глухим» в русской, английской и немецкой языковой картине мира

Таджибова Зайнаб Тагировна

к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков, факультет иностранных языков
Дагестанский государственный университет народного хозяйства
г. Махачкала, Россия
sainab@mail.ru

The dichotomy "listen-to-be deaf" in the Russian, English and German language picture of the world

Tadzhibova Zainab Tagirovna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Foreign Languages
Faculty of Foreign Languages, Dagestan State University of National Economy
Makhachkala, Russia

Аннотация. Статья посвящена изучению концепта «слушать-быть глухим» в пословичной картине мира разносистемных языков. Материалом исследования послужили пословицы и поговорки русского, английского и немецкого языков, относящиеся к тематической группе «слушать-быть глухим». Выбор пословиц и поговорок в качестве материала для исследования обусловлен недостаточной изученностью паремий исследуемых языков с точки зрения выявления семантики лексических компонентов, экспрессивно-оценочной и выразительных средств, а также образной основы данных единиц. Целью исследования является выявление общих и разных составляющих концепта «слушать-быть глухим» в русской и английской лингвокультурах. Методика исследования основана на сравнительно-сопоставительном семантическом анализе, методе сплошной выборки и лингвокультурном анализе.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, лингвокультура, пословицы, поговорки.

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of "listen-to-be deaf" in the proverbial picture of the world of multisystem languages. The material of the study was the proverbs and sayings of the Russian, English and German languages relating to the subject group "listen-to-be deaf". The choice of proverbs and sayings as the material for the study is due to the insufficient study of the paramerias of the studied languages in terms of identifying the semantics of lexical components, expressive-evaluative and expressive means, as well as the figurative basis of these units. The aim of the study is to identify common and different components of the concept of "listen-to-be deaf" in Russian and English linguistic cultures. The research methodology is based on comparative semantic analysis, continuous sampling method and linguocultural analysis.

Keywords: linguistic picture of the world, concept, linguistic culture, proverbs, sayings.

В настоящее время вектор языкознания сместился в сторону антропоцентрической парадигмы. Одним из основных объектов исследования является языковая личность. Языковая личность как объект лингвистического изучения представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных особенностей, поведенческих реакций, знаний, установок, традиций. Ценности в структуре языковой личности занимают особое место и пронизывают все сферы жизни того или иного социума. Они представляются наиболее фундаментальными характеристиками культуры, основными ориентирами поведения человека. Кроме того, ценностям общества, которые являются сгустками смыслов (концептами), принадлежит определяющая роль в культуре. «Ценностная ориентация является материалом, на основании которого формируется та или иная этническая культура». [1, с. 74].

Выделяют разнообразные типы ценностей - индивидуальные, микро групповые, макро групповые, этнические, общечеловеческие и т. д. С лингвистической точки зрения наибольший интерес представляют те явления, которые «зафиксированы в языке, а именно в значениях лексических и фразеологических единиц, в паремиологическом фонде, в прецедентных текстах, этикетных формулах и т. п.» [2, с. 23]. С целью комплексного осмысления ценностей в языке можно предложить модель ценностной картины мира, которая объективно существует наряду с языковой картиной мира (в качестве одного из ее аспектов).

Исходя из того, что ценности являются сгустками смыслов или концептами, сама методика изучения ценностей в языке базируется на понятии “концепт”. Выделяются различные понимания концептов: «концепт как некое мысленное образование» [3, с. 53]; «концепт как понятие практической философии, возникающие в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология» [4, с. 48]; «концепт как многомерное культурно-значимое социо-психическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме» [5, с. 92]. Таким образом, исследование и выявление концептов языковой картины мира языка позволяет понять и анализировать ценности этого народа. Язык, как живой организм, хранит в себе эти ценности и в то же время формирует их в сознании народа. Наиболее ярким хранителем народной мудрости являются пословицы и поговорки. Исследование паремиологической картины мира представляет особый интерес для лингвистов, так как раскрывает не только языковые явления, но и культурные ценности народа. Сопоставительное исследование паремий различных языков помогает выявить

уникальные языковые единицы, найти общее в исследуемых культурах и лучше понять культуру разных народов.

Материалом исследования послужили пословицы и поговорки русского, английского и немецкого языков, относящиеся к тематической группе «слушать-быть глухим». Выбор пословиц и поговорок в качестве материала для исследования обусловлен недостаточной изученностью паремий исследуемых языков с точки зрения выявления семантики лексических компонентов, экспрессивно-оценочной и выразительных средств, а также образной основы данных единиц. Целью исследования является выявление общих и разных составляющих концепта «слушать-быть глухим» в русской, английской и немецкой лингвокультурах. Методика исследования основана на сравнительно-сопоставительном семантическом анализе, методе сплошной выборки и лингвокультурном анализе.

В сопоставительном исследовании тематической группы «слушать-быть глухим» можно выделить три группы взаимодействия компонентных значений.

В первую группу включены паремии, в которых обнаруживается взаимосвязь между способностью слушать и окружением человека. Эти пословицы и поговорки носят рекомендательный характер и в своей внутренней форме содержат метонимичный перенос значения с предмета на его содержимое. Например, пословицы - *У стен есть уши* - в русском языке, *Walls have ears* – в английском языке, *Die Wände haben Ohren* – в немецком языке являются полными эквивалентами. В структурном плане пословицы можно назвать идентичными, они представляют собой простое повествовательное предложение, но следует сделать оговорку и учитывать особенности каждого исследуемого языка в грамматическом плане.

В следующую группу включены паремии, в которых указывается на взаимосвязь между способностью слушать и сытостью. Безусловно, под словом «слышать» подразумевается не только физическая способность слышать, но и общая способность воспринимать информацию, получать новые знания. И русские, и англичане, и немцы солидарны в этом вопросе, что находит отражение в народной мудрости. Например, в русском языке – *У голодного брюха, нет уха, Слушай ухом, а не брюхом*; в немецком языке - *Ein voller Bauch studiert nicht gern* (букв. «Полный живот учится неохотно»); в английском языке – *Hungry bellies have no ears* (букв. «У голодных желудков нет ушей»), *An empty belly hears nobody* (букв. «Пустое брюхо никого не слышит»).

Наибольшая по количеству паремий это группа, в которой обнаруживается противопоставление *ухо-язык/ ears-tongue/ Ohr-Zunge; уши-глаза/ ears-eyes/ Ohren-*

Augen; слушать-говорить / hear-speak/ zuhören-sprechen. Например, соотношение «слушать-говорить» реализуется в следующих пословицах и поговорках. В английском языке - *Hear much, speak little* - Слушай много, говори мало, *Keep your mouth shut and your ears open.* - Держи рот закрытым, а уши – открытыми; *Hear twice before you speak.* - Выслушай два раза, прежде чем один раз сказать; в немецком - *Hören Sie viel zu, sprechen Sie ein wenig* – Слушай много, говори мало; *Liebe es zu reden - liebe und höre zu* – Любишь говорить – люби и слушать; в русском языке - *Больше слушай, меньше говори; Не тебе бы говорить, да не мне бы слушать; Спроста сказано, да не спроста слушано; Кто говорит, ничего не узнает – кто слушает узнает много; Кто говорит, тот сеет, кто слушает, тот пожинает (собирает).*

Соотношение коннотаций «слушать-смотреть» реализуется в следующих паремиях: в немецком языке - *Man glaubt einem Auge mehr als zwei Ohren* (букв. «Одному глазу верят больше, чем обоим ушам»), в русском - *Лучше один раз своими глазами увидеть, чем сто раз услышать*; в английском – *It is better to trust the eye than the ear* (букв. «Лучше верить глазу, чем уху»). Эти пословицы являются эквивалентами, основная структура пословиц – это предложение сравнительной конструкции, где в русском употребляется сравнительный союз «чем», в английском «*than*», а в немецком «*als*». Также в этих примерах присутствуют числительные, где единице противопоставляются два в английском и немецком языках и сто – в русском языке. Также обнаружены примеры в русском - *Слух в ушах, а зрение в очах Не верь глазам, верь ушам* и английском языках - *Seeing is believing.* (букв. «Увидеть – значит поверить»).

Некоторые паремии исследуемой тематической группы содержат числительные. Например, в русском языке - *Бог дал два уха, а один язык*; в немецком - *Gott gab zwei Ohren und eine Zunge*; в английском - *Nature has given us two ears, two eyes, but one tongue; to the end we should hear and see more than we speak* (букв. «Природа дала нам два уха, два глаза и только один язык, поэтому мы должны больше слушать и смотреть, а не говорить»). В данном случае присутствует совпадение в плане содержания пословиц, но план выражения отличается во всех исследуемых языках, причем в английском языке структура предложения является сложной.

То же можно сказать и о пословицах *Собака лает, ветер носит* – в русском языке, *The dogs bark, but the caravan goes on* (букв. «Собака лает, караван идет») – в английском и немецкое соответствие *Was der dumme Esel spricht, hören meine Ohren nicht* (букв. «Что говорит глупый осёл, мои уши не слышат»). Структура пословиц представляет сложное предложение во всех исследуемых языках.

Сходство паремий исследуемых языков можно объяснить их общим библейским происхождением. Так, например, немецкая поговорка *Was die Kinder hören im Haus, plaudern sie auf der Gasse aus* (букв. «Что дети услышат дома, то они и выболтают на улице») имеет библейское происхождение. В русском языке она существует в строго «регламентированном» виде: «Устами младенца глаголет истина». В английском - вариативно, но чаще всего в виде *out of the mouths of babes* (букв. «из уст младенцев»)

Компонентный анализ паремий со значением «слушать-быть глухим» показал, что наиболее часто встречаются оппозиции *ухо-язык/ ears-tongue*, *уши-глаза/ ears-eyes*, а также лексемы *стены/ walls*, *брюхо/живот/ bellies*. Совпадения в компонентном составе паремий исследуемых языков говорит о том, что все нации мыслят одинаковыми концептами и категоризируют окружающий мир общечеловеческими принципами.

Проведя исследование в данной тематической группе, мы пришли к выводу о том, что большинство пословиц и поговорок русского и английского языков совпадают по своему значению, но различаются по структуре. Это можно объяснить тем, что исследуемые языки являются разносистемными.

Список литературы

1. Дамман Е. А. Концепт «поведение человека» в английской языковой картине мира / Е. А. Дамман // Международный научно-исследовательский журнал. — 2012. — №5 (5). — С. 74—76.
2. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. — Волгоград, 1996.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН. Сер лит. и яз. Т. 52. — 1993. — №1.
4. Арутюнова Н.Д. Введение// Логический анализ языка. Ментальные действия / Н.Д. Арутюнова. — М, 1993.
5. Ляпин С.Х. Факт в пространстве бытия / С.Х. Ляпин — Архангельск, 1996.
6. Тарханова Т.В., Филиппенко, Е.А. Англо-русский словарь-справочник лексики с социокультурным компонентом значения / Т.В. Тарханова, Е.А. Филиппенко — Челябинск, 2003.
7. Иванова А.Г., 1000 русских и английских пословиц и поговорок: АСТ, Сова; 2010.
8. Лиске Н. В. Сравнительный анализ английских и русских пословиц и поговорок // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). — СПб.: Свое издательство, 2016. — С. 7-13. — <http://moluch.ru/conf/phil/archive/233/11356/>
9. Хе А. В. Сравнительный анализ русских и английских пословиц, поговорок // Юный ученый. — 2018. — № 1.1 (15.1). — С. 91-94. — URL: <https://moluch.ru/young/archive/15/1177/>
10. Розе Т.В. - Большой толковый словарь пословиц и поговорок. - Издательство: Абрис/ОЛМА, 2018.

11. Margulis A. - Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. - Bilingual edition. – 2008.
12. Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, 2015.
13. Walter Harry, Komorowska Ewa, Mokienko Valerij. Ethik in Sprichwörtern. Deutsch-Russisches Wörterbuch mit europäischen Parallelen. Red. A. Krzanowska / Greifswald-Szczecin: VOLUMINA Daniel Krzanowski, Szczecin, 2016.

УДК 81.1

Дифференциация понятий, выражающих негативную реакцию на акт речевого воздействия

Ткачева Юлия Сергеевна

аспирант кафедры лингвистики и иностранных языков, ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», РФ, г. Калуга
tk-yu26@mail.ru

Differentiation of concepts expressing a negative reaction to the act of speech exposure

Tkacheva Julia Sergeevna

postgraduate student at the Department of linguistics and foreign languages
Kaluga State University, Russia, Kaluga

Аннотация. В статье предпринята попытка уточнения значения понятий «несогласие», «отказ», «отрицание», «опровержение», «возражение», «расхождение», «противоречие», «спор», «протест» с целью установления различий между семантически близкими словами. Рассмотрены иерархическая организация сем в рамках дифференциального подхода к значению слова с точки зрения его компонентного состава и методика проведения минимального компонентного анализа. Проведен минимальный компонентный анализ понятий, принадлежащих к одной и той же лексико-семантической группе. В результате анализа были выделены наборы семантических компонентов, уникальных для каждого слова рассматриваемой группы. В качестве конкретизации выявленных различий в значении приведены некоторые примеры коммуникативных ситуаций из художественной литературы, демонстрирующие проявление негативной реакции на речевой акт воздействия адресанта.

Ключевые слова: речевое воздействие, негативная реакция, лексико-семантическая группа, компонентный анализ, архисемы и дифференциальные семы, словарные дефиниции, набор семантических компонентов.

Abstract. The article presents an attempt to clarify the concepts of disagreement, refusal, denial, disproof, objection, discrepancy, contradiction, dispute, protest in order to identify differences between semantically related words. It touches upon hierarchical organization of semes in the framework of the differential approach to the meaning of a word in terms of its component composition and minimal componential analysis method. A minimal componential analysis of the concepts belonging to the same lexical-semantic group

has been carried out. As a result of the analysis sets of semantic components unique to each word have been identified. Some examples of communicative situations from fiction that demonstrate a negative reaction to the act of speech exposure are given to specify the identified differences in the meaning.

Keywords: speech exposure, negative reaction lexical-semantic group, componential analysis, archisemes and differential semes, vocabulary definitions, set of semantic components.

Каждый день люди оказываются в ситуациях межличностного общения и подвергаются речевому воздействию. В широком смысле речевое воздействие – это любой речевой акт, при котором сообщение передается вербальными (реже невербальными) средствами и оказывает влияние на адресата [1, 10]. Оно может проходить в условиях пассивности реципиента, когда он осознает это воздействие и подчиняется ему; когда реципиент его не осознает; когда реципиент осознает воздействие, но может противиться ему [2, с.5]. Последняя ситуация характеризуется возникновением негативной реакции на речевой акт воздействия адресанта. Но такая реакция может проявляться по-разному. Человек может выразить несогласие, отказ, отрицать или опровергать высказывание оппонента, возражать оппоненту, расходиться с ним во мнениях, в результате речевого акта может возникнуть спор или противоречие, акт может вылиться в протест. Коммуниканты часто не видят различия между этими схожими явлениями. Если неправильно интерпретировать реакцию оппонента, может возникнуть недопонимание, что зачастую приводит к коммуникативной неудаче или конфликту. В связи с этим считаем целесообразным уточнить схожие понятия, выделив их характерные содержательные признаки.

Для решения этой задачи используем метод компонентного анализа. Компонентный анализ (далее – КА) – техника выявления семантических микрокомпонентов [3, с.23]. В настоящее время существует два подхода к значению слова с точки зрения его компонентного состава: дифференциальный и интегральный. В своей работе мы будем ориентироваться на дифференциальный подход. Согласно данному подходу, значение понимается как совокупность определенного числа микрокомпонентов – сем.

По одной из типологий семы могут быть организованы иерархически. Разновидностями сем являются архисема и дифференциальная сема. Архисемами (по терминологии В.Г. Гака) или интегральными семами являются общие семы родового значения слова, семы, объединяющие группы слов, отражающие общие категориальные признаки единиц определенного класса. Например: 'предмет

мебели', 'средство передвижения', 'один из родителей', 'небесное светило, 'разрушение' и т.п.

Архисемам подчинены дифференциальные, менее общие семы, которые уточняют, конкретизируют их, создают индивидуальность слов, дифференцируют их.

В своем анализе мы ориентировались на модель минимального компонентного анализа, предложенного З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. Цель минимального компонентного анализа – разграничить значения небольшой группы семантически близких слов [4, с.128].

Для анализа были взяты следующие понятия: *отказ, отрицание, опровержение, возражение, расхождение, противоречие, спор, протест и несогласие.*

Минимальный компонентный анализ осуществляется, как правило, на основе языковой интуиции, хотя обращение к толковым словарям не исключается. В связи с тем, что количество дифференциальных сем в значении, как правило, больше одной, а также вследствие того, что минимальный компонентный анализ проводится лишь до разграничения значений, разные исследователи могут получить в результате анализа одной и той же группы слов разные наборы дифференциальных сем, причем во всех случаях анализ может быть правильным [4, с.129].

На первом этапе нашего КА составлен список словарных дефиниций анализируемых слов. Для осуществления более точного анализа мы обратились к нескольким толковым словарям. Но, сопоставив определения слов из данных словарей, мы пришли к выводу, что в целом они схожи и не имеют принципиальных различий. Поэтому за основу были взяты словарные статьи из Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и Толкового словаря русского языка под редакцией профессора Д.Н. Ушакова. Некоторые определения содержали несколько дефиниций, различающихся своими лексическими значениями (лексико-семантические варианты). Для анализа были взяты дефиниции лексико-семантических вариантов слов, которые принадлежат к одной лексико-семантической группе (далее ЛСГ).

Далее мы придерживались алгоритма, предложенного З.Д. Поповой и И.А. Стерниным для минимального компонентного анализа:

1. Составили общий список сем, встретившихся в дефинициях слов данной лексико-семантической группы. Отметим, что название сем не должно совпадать ни с одним из анализируемых слов.

2. Выделили интегральную сему.

3. Построили таблицу семного состава слов анализируемой группы.

4. Отметили в таблице знаком «плюс» наличие интегральной и дифференциальных сем в каждом анализируемом значении. Проверили наличие или отсутствие этих дифференциальных сем во всех остальных значениях. В случае отсутствия (то есть если значения по этим признакам не характеризуются) ставили знак 0.

5. Продолжали сопоставление анализируемых слов до тех пор, пока каждое не было представлено отличающимся друг от друга набором сем [4, с.128-129].

В список сем вошли следующие: «отсутствие единомыслия», «отрицательный ответ», «отрицательный ответ на просьбу», «отклонение от себя», «доказательство ошибочности», «довод против», «мнение против», «противоположность интересов», «взаимное словесное пререкание», «доказательство своей правоты», «категорическое заявление о нежелании чего-либо», «несовместимая мысль».

При анализе мы выявили, что архисемой для всех слов является сема «отсутствие единомыслия». Одни и те же дифференциальные семы наблюдались у ряда понятий, но в результате анализа был получен набор семантических компонентов, уникальных для каждого слова рассматриваемой ЛСГ:

Несогласие = отсутствие единомыслия + отрицательный ответ + несовместимая мысль.

Отказ = отсутствие единомыслия + отрицательный ответ + отрицательный ответ на просьбу + отклонение чего-либо от себя + категорическое заявление о нежелании чего-либо.

Отрицание = отсутствие единомыслия + отрицательный ответ + отклонение чего-либо от себя + мнение против.

Опровержение = отсутствие единомыслия + довод против + доказательство ошибочности.

Возражение = отсутствие единомыслия + отрицательный ответ + довод против + мнение против.

Расхождение = отсутствие единомыслия + противоположность интересов + несовместимая мысль.

Противоречие = отсутствие единомыслия + довод против + противоположность интересов + несовместимая мысль.

Спор = отсутствие единомыслия + мнение против + взаимное словесное пререкание + доказательство своей правоты.

Протест = отсутствие единомыслия + отрицательный ответ + мнение против + категорическое заявление о нежелании чего-либо.

Чтобы проиллюстрировать данные различия, приведем некоторые примеры коммуникативных ситуаций из художественной литературы, демонстрирующие проявление негативной реакции на речевой акт воздействия адресанта.

— Но ведь эта учительница — мисс Скетчерд — так несправедлива к тебе.

— Несправедлива? Нисколько. Она просто строгая: она указывает мне на мои недостатки.

— А я бы на твоём месте её возненавидела; я бы ни за что не покорилась. Посмела бы она только тронуть меня! Я бы вырвала розги у неё из рук, я бы изломала их у неё перед носом.

— А по-моему, ничего бы ты не сделала, а если бы и сделала — мистер Брокльхерст тебя живо исключил бы из школы. А сколько горя это доставило бы твоим родным! Так не лучше ли терпеливо снести обиду, от которой никто не страдает, кроме тебя самой, чем совершить необдуманный поступок, который будет ударом для твоих близких? Да и Библия учит нас отвечать добром за зло.

— Но ведь это унижительно, когда тебя секут или ставят посреди комнаты, где столько народу. И ведь ты уже большая девочка! Я гораздо моложе тебя, а я бы этого не вынесла.

— И все-таки твой долг — все вынести, раз это неизбежно; только глупые и безвольные говорят: «Я не могу вынести», если это их крест, предназначенный им судьбой [6, с.69].

В данном примере, помимо очевидного отсутствия единомыслия, мы также можем видеть в большом количестве эмоциональных реплик взаимное пререкание двух коммуникантов. Каждый из них выражает свое мнение против и они пытаются доказать свою правоту в вопросе о необходимости смирения. Данные компоненты характерны для спора.

В нижеприведенном примере можно наблюдать протест:

— Не насилем можно победить ненависть и уж, конечно, не мщением загладить несправедливость.

— А чем же тогда?

— Почитай Новый завет и обрати внимание на то, что говорит Христос и как он поступает.

— Что же он говорит?

— Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, творите добро ненавидящим и презиравшим вас.

— Тогда, значит, я должна была бы любить миссис Рид, — а я не могу! Я должна была бы благословлять ее сына Джона, — а это совершенно невозможно! [6, с.72]

В последней реплике диалога один из оппонентов дает отрицательный ответ на предложение руководствоваться принципами, которых придерживался второй участник коммуникации, и категорически заявляет о нежелании следовать им, выражая свое мнение против.

А в следующей ситуации мы сталкиваемся с отказом:

— А вы прекрасно вальсируете, капитан Батлер. Знаете, у рослых мужчин это редко получается. И подумать только, что пройдут годы, прежде чем мне можно будет снова потанцевать.

— Не годы, а всего несколько минут. Я намерен пригласить вас на следующую кадрили. А также и на следующую и еще.

— О нет! Я не могу! Вы не должны меня приглашать. Моя репутация погибнет [7, с.185].

В данной ситуации дама дает отрицательный ответ на просьбу о следующем танце, отклоняя от себя саму возможность принятия данного приглашения.

Речевой акт негативной реакции в рамках коммуникативной лингвистики представляет собой акт реактивного типа, который выражает отрицательное отношение к тому или иному явлению [5, 115]. В работе мы рассмотрели различные проявления отрицательного отношения, и наборы семантических компонентов, которые были получены в результате проведенной работы, могут пригодиться при различении коммуникативных намерений участников речевой ситуации. Это даст возможность продуктивно вести коммуникацию, позволит адресату адекватно воспринимать негативную реакцию и самому отреагировать соответственно ситуации.

Список литературы

1. Навасартян Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции Информацией в сми (на материале российских газет): дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01/Л.Г. Навасартян. — Саратов, 2017. — 172 с.
2. Васильев Л.Г. Проблема речевого воздействия: отечественные и зарубежные подходы / Монография. — Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2016. — 152 с.
3. Кузьмина Н.А. Современный русский язык. Лексикология: теория, тренинг, контроль [Текст]: учеб. пособие. — Омск, 2010. — 195 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка [Текст]: учеб. пособие. — М.:URSS, Книжный дом «Либроком», 2009. — 172 с.

5. Бирюк И. Б., Потемкин А. Н. Прагматический анализ речевых актов негативной реакции/ И. Б. Бирюк, А. Н.Потемкин // Веснік МДУ імя А.А.Куляшова. – 2018. - №2(52). – С. 112-116.

Список источников

6. Бронте Ш. Джен Эйр: Пер. с англ. В.Станевич/Предисл. З. Гражданской; Ил. А. Озеревской и А. Яковлева. – М.: Правда, 1988. – 512 с.
7. Митчелл М. Унесенные ветром: Роман. Т.1/Пер. с англ. Т. Озерской; Вступ. Ст. П. Палиевского. – М.: Худож.лит., 1991. – 461 с.

УДК 811.161.1

Особенности языковых средств выражения эмоционального состояния смеха с позиций мимики

Товкайло Юлия Анатольевна

Аспирант кафедры, Волгоградский государственный университет, РФ, г. Волгоград
ulia_rua@mail.ru

Features of linguistic means of expressing the emotional state of laughter from the position of facial expressions

Tovkaylo Julia Anatolevna

Graduate student of the department, Volgograd State University, RF, Volgograd

Аннотация. Определено место мимики в различных ситуациях смеха, представлена характеристика репрезентации мимического отражения смеха как социально-гендерного и психолингвистического феномена. Предложен способ классификации основных номинаций частей лица с учетом их участия в мимическом отражении эмоций, а также проанализированы особенности их употребления в контексте.

Ключевые слова: эмоции, мимика, лицо, смех

Abstract. The place of facial expressions in various situations of laughter is determined, the characteristic of the representation of the mimic reflection of laughter as a socio-gender and psycholinguistic phenomenon is presented. A method is proposed for classifying the main nominations of the facial parts, taking into account their participation in the mimic reflection of emotions, and the features of their use in the context are analyzed.

Keywords: emotions, facial expressions, face, laughter

Невербальное поведение, мимика и жесты неоднократно становилось объектом изучения лингвистов, однако кинетические единицы с позиции когнитивных исследований стали изучаться сравнительно недавно. К таким исследованиям можно отнести труды Л.В. Бабиной [1], Д.А. Герасимовой [2], Е.В. Николаевой [3], М.В. Нестеровой [4], И.Е. Папулиновой и Ю.В. Голубевой [5], О.Д. Проскурнич [6] и др.

Ситуации смеха сложно представить без характерной мимики субъекта. Ознакомившись с различными направлениями изучения языковой репрезентации невербального поведения, мы приходим к выводу, что мимическое отражение проявления эмоционального состояния смеха остается недостаточно раскрытым вопросом. Построение когнитивных сценариев смеха невозможно без учета объективации языковыми единицами мимических движений и жестов как способов отражения эмоций и эмоциональных состояний.

О.Д. Проскурнич, рассматривая содержание концептов русского и английского языков *мимика* / *facial expression* на примере концептуализации мимики носа, отмечает, что при характеристике субъекта смеха распространенным является описание движение его носа в процессе выражения эмоционального состояния [7, с. 26]. Л.В. Бабина, в свою очередь, рассматривает языковые единицы английского языка, репрезентирующие движения нижней части лица [8]. Мы остановимся на описании мимических движений лба, бровей, глаз, носа, щек, скул, рта/губ, зубов и подбородка в ситуации смеха с целью поиска универсалий в концептуализации смеха в соответствии с направлением нашего исследования.

Мы исходим из идеи универсальности эмоционального состояния и мимических проявлений смеха для человека, поэтому объектом исследования станут универсальные номинации частей лица, участвующих в мимическом отражении смеха.

С целью дальнейшего анализа разделим номинации частей лица субъекта в ситуациях смеха на три области и представим их в виде таблицы:

Таблица 1. Классификация номинаций частей лица, участвующих в мимическом отражении эмоций и эмоциональных состояний

Верхняя зона/ upper area	лоб и брови
Средняя зона / middle area	глаза, нос, щеки, скулы
Нижняя зона / lower area	рот, губы, зубы, подбородок

С точки зрения коммуникации представим то или иное эмоциональное состояние в трех аспектах: само внутреннее эмоциональное состояние (emotional condition), его мимическое отражение (facial expression), реакция других участников коммуникации (reaction). Если рассматривать смех в рамках когнитивного сценария, то мимическое отражение эмоционального состояния смеха относится к предикату, а именно к его невербальной форме реализации. В процессе общения люди разговаривают, смеются и плачут, считывают информацию, заложенную в мимике и жестах собеседника, учитывают возможную реакцию на то или иное эмоциональное

поведение. При этом с точки зрения социального значения смех связан не только с дружелюбным, но и с агрессивным поведением (игровое, но со скрытой угрозой), плач оказывается в большей степени гендерно детерминированным, чем большинство других эмоциональных состояний.

Ф.М. Достоевский так высказывался о том, как выглядят смеющийся и плачущий человек: «<...> В большинстве случаев на него становится противно смотреть. Чаще всего в смехе людей обнаруживается нечто пошлое, нечто как бы унижающее смеющегося, хотя сам смеющийся почти всегда ничего не знает о впечатлении, которое производит. <...> Плачущий ребёнок для меня отвратителен, а смеющийся и веселящийся - это луч из рая <...>» (Ф. М. Достоевский «Подросток»). Несмотря на неоднозначные представления, писатель ясно уловил часто возникающее противоречие между отражением эмоций субъекта, его внутренним видением (представлением) реакции окружающих и непосредственно самой реакцией, которая может быть в максимальной степени отрицательной.

Различные виды смеха репрезентируются схожим образом, за исключением насмешки как особого типа смеха. Проанализировав определения, представленные в словарях русского языка, мы приходим к выводу, что неотъемлемыми составляющими смеха являются характерные звуки и произвольные движения *мышц лица* и тела. Несмотря на возможную спорность отнесения щек к способам мимического отражения эмоциональных состояний, мы их тоже учитываем, т.к. в рамках ситуаций смеха возможны описательные характеристики с их участием (*щеки заболели от смеха*). К тому же, именно на них расположена так называемая мышца смеха (*musculus risorius*), именно она растягивает рот во время смеха.

Мимические движения могут быть осуществлены только мышцами, т.е. подвижными частями лица, поэтому при рассмотрении мимики носа в ситуации смеха мы будем говорить о его подвижных местах, т.е. о ноздрах, например: «Странная усмешка слегка подергивала её брови, ноздри и губы; полудерзко, полувесело щурились тёмные глаза» (Тургенев И.А. Ася).

При характеристике мимического отражения смеха следует учитывать метафорический перенос значения на неодушевленный субъект (олицетворение), в этом случае, например, *лицо* или его часть выступает как активный субъект: «В ней было нечто уродливое, как будто смеялось лицо, посеченное шрамами» (Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней); «Иван склонился к самому

лицу ее, и глаза его расширились, ноздри затрепетали, губы задержались в нехорошей усмешке» (Алтаев А. Гроза на Москве).

В русской культуре принято воспринимать глаза как зеркало души, поэтому в ситуации смеха они часто противопоставляются остальной части лица: «*Лицо его было печально и серьезно, а глаза смеялись*» (Гроссман В. Жизнь и судьба); «*Опять же засмеялись одни зеленые глаза – смеялись отдельно от губ*» (Горченко Л. Аплодисменты).

Особое место в русском языке отведено описаниям мимики насмешки, связанным с демонстрацией зубов: «*Сами же вы попадете на зубок* (прим. станете предметом насмешки), *и над вами могут даже скалить зубы* (прим. насмехаться)» (Чехов А.П. Три сестры). При этом зубы могут быть видны и при невербальных типах смеха, однако репрезентируются они тем же оскалом, который закреплен в сознании говорящего за улыбкой и насмешкой: «*Он смеялся, громко смеялся, широко и пьяно скалил длинные зубы, смех походил на клекот. Машина содрогалась. Ее подбрасывало переменой скорости*» (Буданцев С. Ф. Саранча). Анализ фактического материала свидетельствует о том, что остальные номинации частей лица при репрезентации смеха не представлены.

Таким образом, номинации частей лица, участвующих в мимическом отражении смеха группируются следующим образом.

Таблица 2. Классификация номинаций частей лица, участвующих в мимическом отражении смеха

Верхняя зона/ upper area	брови
Средняя зона / middle area	глаза, ноздри, щеки
Нижняя зона / lower area	рот, губы, зубы

Мы приходим к выводу, что смех, выражающий широкий спектр эмоций, тем не менее, имеет ограниченный набор способов мимического отражения и частей лица, отвечающих за них, при этом внутренние переживания человека считаются с лица и интерпретируются по-разному, собеседник может отмечать не только типовые модели мимического отражения (например, оскал), но и противоречия в мимическом отражении (оппозиция глаз и других репрезентаторов эмоций).

Список литературы

1. Бабина Л.В. Концептуализация мимических движений нижней зоны лица в английском языке: доминантные смыслы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №10-2 (88). – С. 276-282.
2. Герасимова Д.А. Концепт EYES в английской языковой картине мира: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Иркутск, 2009. – 23 с.

3. Николаева Н.В. Лингвострановедческая интерпретация невербальных средств коммуникации в иностранной аудитории: На материале произведений А.П. Чехова: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2005. – 227 с.
4. Нестерова М.В. Вербализация концептосферы HUMAN FACE в американской языковой картине мира: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Владивосток, 2007. – 29 с.
5. Голубева Ю.В. Активация фрейма «жестикуляция» речевыми средствами вербализации жестовых кинем // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы междунар. науч. конф. (г. Белгород, 11-13 апреля 2006 г.) / под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Вып. 9: в 2-х ч. Ч. 1. – С. 105-109.
6. Проскурнич О.Д. Концептуализация мимики носа в языке // Неофилология, 2017. – № 4 (12). – С. 24-29.
7. Козинцев А.Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора // Смех: истоки и функции. – СПб.: Наука, 2002. – С. 5-43.
8. Синельников Р.Д., Синельников Я.Р. Мышцы головы // Атлас анатомии человека. – 2-е изд. – М.: Медицина, 1996. – Т. 1. – С. 241. – 344 с.

УДК 81'37

**Функционально-семантическая зона оптативности
в семантико-синтаксической реализации**

Шашкова Валентина Николаевна

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Россия, г. Орёл
valentina.shash@mail.ru

The functional-semantic zone of the optative in its semantic and syntactic realization

Shashkova Valentina Nikolaevna

Cand. Sci. (Philology), associate professor, assistant professor of the Chair of foreign and Russian languages, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Russia, Orel

Аннотация. Статья посвящена проблеме отражения феномена желания в языке, а именно: функционально-семантической категории оптативности, предназначение которой состоит в реализации семантики желательности. Четыре функционально-семантических типа высказываний выделены в качестве семантико-синтаксических средств выражения оптативности: собственно оптативные высказывания, констативные высказывания со значением желания, директивные высказывания и вопросительные высказывания. На материале жанра мотивационной литературы выявлены три подтипа высказываний, актуализирующих оптативность: дезидеративы, констативные высказывания, в которых желание является обусловленным, директивы, а также вопросительные высказывания со значением

желания речевого субъекта касательно осуществления субъектом волеизъявления указанных действий.

Ключевые слова: оптативность, функционально-семантический тип высказываний, оптативные высказывания, констативные высказывания, выражающие желания, директивы, вопросительные высказывания.

Abstract. The article is devoted to the problem of ways of expressing wishes in the language, namely the functional-semantic category of the optative the aim of which is to express the semantics of advisability. Four functional-semantic types of utterances are pointed out with regard to expressing the general meaning of the optative: optative utterances per se, constative utterances expressing wishes, directive utterances and interrogative utterances. As exemplified by the genre of motivational literature the three functional-semantic subtypes of optative utterances are desideratives, constative utterances rendering conditional desire, directive utterances and interrogatives expressing the desire of the speech subject regarding the performance of the denoted actions by the subject of the will.

Key words: optative, functional-semantic type of utterances, optative utterances, constative utterances expressing wishes, directives, interrogative utterances.

Оптатив как наклонение и оптативность как некоторое категориальное значение желательности, реализуемое соответствующим коммуникативным актом, напрямую взаимосвязаны с универсальной категорией модальности, так как оптативные высказывания могут рассматриваться или как форма выражения соответствующего модального значения желания или желательности, или как элемент коммуникативно-целевой специфики сообщения, который напрямую взаимосвязан с реализацией предложением-высказыванием определённых модальных значений. В этой связи мы рассматриваем оптативность в рамках теории модальности как особый тип функционально-семантической категории, реализующейся в оптативных высказываниях и всегда сопряжённой с модальным значением желательности реализации ситуации, обозначенной в пропозиции [1, с. 127].

Термин «зона оптативности» использован для того, чтобы показать, что категориальная семантика желательности по формам и средствам выражения значительно шире, чем коммуникативный акт выражения лицом своего желания относительно реализации некоторой ситуации.

Также следует отметить, что функционально-семантическое поле (далее – ФСП) категории оптативности бинарно: его категориальные признаки распределены между двумя показателями – «желанием» и «волей» [2], [3]. Семантика желания / желательности располагается в центральной зоне поля, а воля и волеизъявление добавляются на периферийных участках рассматриваемого поля. Иными словами, чем дальше от центра поля, тем более категорическую форму принимает

высказывание, переходя в разряд косвенных императивов, а затем – прямых директивов.

При рассмотрении структуры микрополей «желание» и «воля» в составе ФСП оптативности важными оказываются следующие параметры:

1. Семантика оптативной конструкции в целом и её отдельных компонентов при внимании к способам языкового оформления. Так, наиболее адекватно передающими оптативность считаются лексические способы, т.к. в них лексическое значение превалирует над грамматическим (точнее – синтаксическим); среди грамматических способов выражения оптативности предпочтение отдаётся тем из них, в состав которых входят лексические единицы с семантикой желания/воли.

2. Речеактовое наполнение рассматриваемых оптативных конструкций. Так, речь в зависимости от ситуации общения может идти о выражении определённого психологического состояния говорящего в связи с существующим положением дел, например, желания, воли, благопожелания, проклятия. Также мы учитываем, что оптативное высказывание может служить выражению косвенного речевого акта и быть средством для достижения других коммуникативных целей. Речь в этом случае идёт о периферии ФСП оптативности или его пересечении с другими полями.

3. Частотность употребления конкретных средств выражения различных подзначений оптативности при внимании к дискурсивному типу текста, в которых различные подзначения функционируют.

При составлении семантической классификации оптативных высказываний в данной работе, мы опирались на точку зрения Е.Е. Корди и предложенную ею номенклатуру [4, с. 170-185], основанием которой является категориальное значение желания, модальное по своей природе:

1) собственно желание, для которого характерны перспективность и гипотетичность реализации желаемого действия;

2) желание, сопряжённое с побуждением (адресованное желание);

3) неосуществимое желание, обращённое к прошлому – в этом случае оптативное высказывание приобретает эмоциональную окраску сожаления о не реализовавшемся действии в прошлом;

4) значение желания, сопряжённого со значениями условия, цели, сравнения которые появляются у оптативного предложения в семантико-синтаксическом комплексе с другими значениями и поэтому это значение находится на периферии оптативности;

5) значение пожелания, также имеющее периферийное положение.

Согласно данной классификации, все оптативные высказывания можно дифференцировать по выражаемому значению желания на следующие функционально-семантические типы высказываний, в которых актуализуются:

- 1) собственно желание;
- 2) неосуществимое желание, обращённое к прошлому;
- 3) значение желания, сопряжённого со значениями а) условия; б) цели; в) сравнения.
- 4) значение пожелания.

Полученная классификация, выглядит следующим образом:

1. Собственно оптативные высказывания:

- 1) высказывания со значением желания, относящегося к настоящему или актуальному будущему;
- 2) высказывания со значением нереализованного желания, относящегося к прошлому;
- 3) высказывания со значением желания, относящегося к будущему в широком понимании.

2. Констативные высказывания со значением желания, сопряжённого с побуждением что-либо сделать:

- 1) высказывания, имеющие прямую направленность на адресата;
- 2) констативные высказывания, в которых получают выражение желание не адресанта сообщения (т.е. не коммуникативного субъекта), а так называемого референтного субъекта (ср. дезидеративы в терминологии В.А. Плунгяна [5, с. 316-317]);
- 3) констативные высказывания, в которых находит выражение значение пожелания, адресованного реципиенту;
- 4) констативные высказывания, в которых находит выражение значение желания, сопряжённого со значениями условия, цели, сравнения.

3. Директивные высказывания:

- 1) собственно императивные высказывания, в которых побуждение адресата к действию всегда сопряжено с желанием адресанта относительно реализации этого действия;
- 2) неглагольные команды (предложения).

4. Вопросительные высказывания со значением желания:

1) вопросительные высказывания, в которых вопрос выражает желание речевого субъекта касательно осуществления субъектом волеизъявления указанных действий;

2) вопросительные высказывания, в которых вопрос относится к наличию желания референтного субъекта, а не коммуникативного.

Таким образом, предложенная классификация оптативных высказываний учитывает возможные семантические модификации значения желательности с учётом прагматических факторов контекста, а также варианты синтаксической реализации рассматриваемого значения.

Далее мы обратились к практической части исследования, основной задачей которого было показать некоторые тенденции реализации оптативности в текстах определённого дискурсивного типа. В качестве объекта исследования был выбран жанр мотивационной литературы, так как именно этот жанр позволяет выявить характерные способы вербального воплощения желаний и пожеланий. Материалом исследования послужил аудиотекст «100 Ways To Motivate Yourself: Change Your Life Forever» Стива Чендлера [6]. Стив Чендлер предлагает план действий, чтобы воплотить в жизнь своё созидательное видение мира, а также избавиться от пессимистических мыслей, которые мешают людям реализовать свои цели и мечты.

Собственно оптативных высказываний ни одного из подтипов в тексте выявлено не было. Этот показатель явно свидетельствует о том, что общая тенденция реализации значения желательности – косвенный коммуникативный акт, который позволяет говорящему скромнее изложить свои стремления.

Максимальную представленность в анализируемом тексте из всех функционально-смысловых типов высказываний, служащих реализации оптативности, имеют констативные высказывания, в которых выражено не желание адресанта сообщения, а желание референтного субъекта пропозиции: «Most people are surprised to learn that the reason they are not getting *what they want in life* is because their major goals are too small, and too vague» [6, 6*]. Причём в большинстве случаев, как и в приведённом примере, констатация желания не входит в ассертивный компонент высказывания, а является частью его импликации. Статистический анализ показал, что доля высказываний такого типа, реализующих значение оптативности, составляет 53,7 % от общего числа выявленных случаев актуализации значения желательности.

«*If you want to be happy, find the happiest song you know and sing it*» [6, 13]. Этот пример иллюстрирует высказывания, в которых находит выражение значение

желания, сопряжённого со значением условия. При этом необходимо прокомментировать сочетание модальных значений, реализованных в этом примере. В придаточном предложении условия актуализируется значение потенциальности, сопряжённое со значением предположения по шкале вероятности: коммуникативный субъект предполагает, что слушатель хочет быть счастливым. Главное предложение – это односоставное глагольное предложение, осложнённое однородными главными членами, выраженными императивами глагола. В этом случае речь идёт о периферии выражения оптативности посредством директивного типа высказываний, в которых сочетаются модальные значения обусловленного желания, потенциальности и вероятности. В структуре этого предложения-высказывания оптативность реализуется в обеих частях: в придаточной посредством констатирующего сообщения о желании, сопряжённого со значением условия, а также в главной посредством директивов. Количественный анализ выявил 14,2% констативных высказываний, в которых значение желательности коррелирует со значением условия. Случаев актуализации значений цели или сравнения совместно со значением желательности в анализируемом тексте выявлено не было. Численность директивных высказываний, служащих средством реализации категории оптативности, составила 31,1 % от общего числа выявленных оптативных высказываний.

Вопросительные высказывания как средство реализации оптативности представлены в анализируемом тексте в наименьшем количестве. Например: «If you are watching too much television and you know it, you might find it useful to ask this question: *Which side of the glass do I want to live on* [6, 14]?» или «*What is there still to be done?* [6, 36]». Фактически даже при полной элиминации адресанта из структуры высказывания, что имеет место в обоих примерах, мы говорим об одном и том же функционально-смысловом типе высказываний, а именно: вопросительных высказываниях, в которых вопрос выражает желание речевого субъекта касательно осуществления субъектом волеизъявления указанных действий. Таких высказываний было обнаружено немного, всего лишь 1% от общего числа выявленных оптативных высказываний. При этом сам факт их наличия свидетельствует о том, что дискурсивный тип текста допускает актуализацию этой семантико-синтаксической структуры для реализации значения оптативности.

Конечно, для обоснованных заключений необходимо крупномасштабное исследование на материале текстов разных дискурсивных профилей, но уже первичное приближение к проблеме актуализации значения оптативности

различными функционально-семантическими типами высказываний позволяет сделать заключение о том, что коммуникативно-целевая семантика, обусловленная сферой деятельности и участниками коммуникации с учётом их практических и коммуникативных целей, обуславливает избирательность тех типов высказываний, которые реализуют оптативность.

Примечание:

* После номера источника мы указываем номер аудиофрагмента, в котором содержится цитата.

Список литературы

1. Алтабаева Е.В. Оптативность как функционально-семантическая категория // Когнитивные исследования языка. – Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2010. – С. 126-134.
2. Бернова Д.В., Гехтляр С.Я. Периферия микрополя оптативности и побудительная модальность // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск: изд-во Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, 2015. – С. 240-243.
3. Бондарко А.В. Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – с.72-79.
4. Корди Е.Е. Оптативность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 170 -185.
5. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. – М.: Наука, 2000. – 384 с.
6. Chandler S. 100 Ways to Motivate Yourself: Change Your Life Forever: audiobook. Highbridge Audio. 2001.

УДК 81=111

Репрезентация аспекта «размытость гендерной идентичности» в русскоязычных прецедентных текстах юмористических жанров

Шиповская Анна Анатольевна

к.филол.н., доцент, Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С.В. Рахманинова», РФ, Тамбов
shelska@yandex.ru

Циленко Любовь Петровна

к.пед.н., доцент, Московский политехнический университет, РФ, Москва
Tsilenko.LP@yandex.ru

Тишкина Ирина Александровна

к.пед.н., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Тамбовский филиал, РФ, Тамбов
tishkinyii@mail.ru

Болтнева Наталия Алексеевна

к.фил.н., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Тамбовский филиал, РФ, Тамбов
alla-050174@yandex.ru

Representation of the Aspect "Gender Identity Blending" in Russian Comic Precedent Texts

Shipovskaya Anna Anatol'evna

Ph. D. in Philology, Associate Professor, Tambov State Music and Pedagogical Institute named after S.V. Rachmaninov, Russia, Tambov

Tsilenko Lyubov' Petrovna

Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor, Moscow Polytechnic University, Russia, Moscow

Tishkina Irina Aleksandrovna

Ph. D. in Pedagogy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Tambov, Russia, Tambov

Boltneva Nataliya Alekseevna

Ph. D. in Philology, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Tambov, Russia, Tambov

Аннотация. Данная статья посвящена раскрытию особенностей трансформации гендерных концептов на языковом уровне. В статье на материале русскоязычных прецедентных текстов юмористических жанров впервые рассматривается репрезентация нарушения гендерной идентичности. Целью статьи является выяснить, какие признаки концептов «мужчина» и «женщина» на современном этапе не согласуются с устоявшимися стереотипами феминности и маскулинности. В ходе исследования авторы фокусируются на способности концептов к различным преобразованиям. В результате анализа авторам удалось обнаружить в

содержании концептов «женщина» и «мужчина» новые признаки, выявить их коннотацию и раскрыть социальные детерминанты, стоящие за концептуальными модификациями.

Ключевые слова: когнция, гендерный концепт, прецедентный текст, анекдот, национальная культура

Abstract. The article is devoted to the analysis of gender concepts transformation on the language level. For the first time much attention is given to the representation of gender identity changes in the Russian precedent texts of the comedic genres. The purpose of the article is to find out features of the modern «man» and «woman» concepts that do not agree with the established stereotypes of femininity and masculinity. The authors focus on the ability of the concepts to various transformations. The detailed analysis of the Russian precedent texts of the comedic genres made it possible to find new features in the content of the concepts «woman» and «man», to reveal their connotation and social processes that influence the conceptual modifications.

Keywords: cognition, gender concept, precedent text, anecdote, national culture

Как отмечают исследователи, на протяжении столетий сфера деятельности женщин ограничивалась домашними заботами, в то время как все, что имело отношение к внешнему миру, брал на себя мужчина. Технический прогресс способствовал кардинальному изменению жизненного уклада, и, как следствие, дал женщинам возможности получать образование наравне с мужчинами, работать в разных областях, голосовать на выборах, участвовать в общественной жизни.

Психологи и социологи отмечают, что борьба женщин за свои экономические, политические и профессиональные права повлияла на изменения в мировоззрении, распределении ролей в семье, отношениях между мужчинами и женщинами.

Актуальность представленной работы продиктована необходимостью выявления изменений содержания концептов «мужчина» и «женщина» потому, что это позволит понять глубинные процессы, происходящие в общественном сознании.

Новизна состоит в том, что, несмотря на множество исследований по проблеме вербализации образов мужчины и женщины такой аспект, как «размытие гендерной идентичности», остался не затронут вниманием лингвистов.

Целью проводимых научных изысканий является выявить признаки концептов «мужчина» и «женщина» стереотипно им не свойственные. Достижение этой цели осуществляется с помощью решения ряда задач, а именно: суммировать опыт других ученых в исследовании составляющего стереотипов «мужчина» и «женщина»; а также на основе анализа прецедентных текстов юмористических жанров выявить признаки гендерных концептов, противоречащие сложившемуся стереотипу о мужчинах и женщинах.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть учтены при выборе эффективных стратегий в области социального регулирования; а также использованы для демонстрации изменений, происходящих в общественном сознании в процессе преподавания лингвистики, социолингвистики и культурологии.

Основным методом исследования является концептуальный анализ, направленный на раскрытие содержания концептов, находящих отражение в языке.

Согласно А. П. Бабушкину, концептом следует считать «любую дискретную содержательную единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира, хранимого в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата» [3, с.29]. Соответственно гендерный концепт – это единица коллективного сознания в виде обобщенного представления о мужчинах и женщинах.

При описании результатов анализа мы также довольно часто обращаемся к термину «стереотип», понимая под ним разновидность концепта, чьи признаки репрезентируются в различных культурных источниках на протяжении долгого периода времени и относительно которых у большей части общества сформировалось единое мнение [19].

Например, обобщая опыт исследования лингвистов, психологов и социологов можно заключить, что феминности стереотипно приписывают эмоциональность, «домовитость», физическую слабость, ориентацию на семью и рождение детей, стремление нравиться мужчине, скромность. Стереотипу маскулинности, напротив, характерны такие черты, как: желание обрести власть над женщинами, культ физической силы, склонность к агрессии, эмоциональная сдержанность, потребность к достижению социального успеха, высокая соревновательность [5, 6, 8, 13, 15].

Важно отметить, что концепты не являются застывшими сущностями им свойственна способность к развитию и взаимовлиянию [2].

Изменения в различных областях жизни, которые мы наблюдаем последнее столетие, пошатнули многовековые устои и, как следствие, стереотипы.

Отмечая, что отход от «архаичных» полоролевых моделей поведения и мышления является на сегодняшний момент единственным возможным вариантом способствующим адаптации в современном мире [20], ученые, тем не менее, при таком развитии сценария склоняются к мысли о возможности частичной утраты гендерной идентичности. В нашем исследовании под данным термином мы понимаем базовую структуру социальной идентичности, которая формируется в результате интериоризации мужских и женских черт в процессе социализации [9].

Таким образом, если представить концепты «мужчина» и «женщина» как противоположные полюса, то на концептуальном уровне размытие гендерной идентичности представляет собой возникновение у концепта признаков ранее свойственных другому гендерному полюсу.

Для описания содержания концептов «мужчина» и «женщина» мы обращаемся к таким прецедентным текстам юмористических жанров, как анекдоты, байки, афоризмы и т.д.

Благодаря краткости, цитируемости и широкой употребительности эти произведения по праву считаются яркой разновидностью лингвокультурных текстов. Рассказанные «на злобу дня», широко известные и упоминаемые в различных источниках информации они подтверждают значимость идей затронутых в них и тем самым представляют собой ценный материал для исследования культурно-обусловленных представлений [16].

Далее обратимся непосредственно к анализу репрезентации концептов «мужчина» и «женщина» в произведениях юмористических жанров и попытаемся выявить признаки традиционно соотносимые с противоположным гендером.

Изучение прецедентных текстов позволило обнаружить тенденцию к демонстрации женщинами элементов поведения ранее формально считавшихся мужскими. Например.

1) Сидит девочка в песочнице, к ней подходит мужик:

— Девочка, хочешь конфетку?

— Иди на фиг!

— А по попе ладошкой?

— А по морде лопаткой?!

2) Никогда нельзя забывать, что в первую очередь ты — сильный мужик, а потом уже маленькая слабая девочка!

В первом примере, представлен диалог между взрослым мужчиной и маленькой девочкой. Юмористический эффект достигается несоответствием ожиданий мужчины от коммуникации с юной барышней. К феминному поведению относят вежливость, стеснительность, мягкость и тактичность [8, 18]. Неудивительно, что мужчина был ошарашен, услышав грубый ответ от девочки. Ситуация приобретает еще более комичный окрас когда на угрозу физического воздействия (*А по попе ладошкой?*) мужчина получает от испугавшейся маленькой девочки еще более грубый и отчаянный отпор (*А по морде лопаткой?!).* Читателя может удивлять и смешить описываемая ситуация. Однако повторяемость в произведениях

юмористического жанра звучащей в ней темы позволяет с большой долей уверенности предположить тенденцию к перениманию ряда черт маскулинного поведения женщинами.

Данный аспект также отчетливо прослеживается во втором примере, где при выборе между мужской и женской моделью социального поведения, звучит предписание для ребенка женского пола отдать предпочтение более эффективной мужской (*первую очередь ты — сильный мужик, а потом уже маленькая слабая девочка*).

Таким образом, можно заключить, что в концепт «женщина» входят признаки: *склонность перенимать маскулинные модели поведения, прямолинейность, стремление иметь сильный характер*.

Современные ученые в области психологии и социологии отмечают, что девочек перестали воспитывать маленькими феями. Сам окружающий социум подталкивает девушек быть равноправными членами общества, быть готовыми к вероятной конкуренции на работе и социальной жизни. В ходе исследования Л.П. Шустова обнаружила, что родные и близкие с раннего возраста внушают им, что прежде чем посвящать себя браку, нужно прочно стоять на ногах и быть независимой в финансовом плане. Апеллируя к чувству самосохранения, родители убеждают девочек, что если муж покинет семью, женщина должна быть готова взять на себя ответственность за благополучие своих детей [18]. В результате, по мнению современных женщин, им необходимо быть умными, энергичными, предприимчивыми, т.е. обладать мужскими качествами [4, 7, 11].

Исторически, в российской культуре роль женщины в семье ограничивалась домашними обязанностями, как: уход за детьми, приготовление пищи, уборка. Значимыми качествами женщины считались терпеливость и послушность. В задачи мужчины входило материальное обеспечение, защита и руководство семьей [4, 6, 7, 8, 12].

Важно отметить, что социальные изменения коснулись не только женщин, но и мужчин, пошатнув веками формировавшиеся представления о том, какие мужчины, что им свойственно думать, как себя вести и что для них хорошо, а что неприемлемо.

Рассмотрим примеры.

1) — *Только жалкие подкаблучники слушают женщин! Настоящий мужик сам знает, когда не идти бухать с друзьями и когда посуду помыть. Да, любимая?*

2) Утверждение, что джентльменов не встретишь в наше время, несправедливо! Сегодня я, например, видела, как мужчина держал зонт над женой, пока та меняла колесо.

3) Я считаю, что готовить должен мужчина. Во-первых, это красиво. Во-вторых, я ленивая.

Как можно заметить, в содержание концепта мужчина входят признаки, стереотипно составляющие представление о женской модели поведения, а именно: подчинение (Да, любимая?), уборка (когда посуду помыть), приготовление пищи для семьи (готовить должен мужчина, я ленивая), отказ от участия в разрешении проблем технического характера (мужчина держал зонт над женой, пока та меняла колесо).

Как можно заметить, все указанные выше признаки ранее входили исключительно в стереотип «женщина».

Рассматривая данные произведения применительно к репрезентации концепта «женщина», можно заключить, что в содержание концепта входит *техническая грамотность* (та меняла колесо), и *стремление доминировать* (Да, любимая?; Я считаю, что готовить должен мужчина; я ленивая).

Ученые не раз отмечали, что подобные признаки стереотипно относятся к концепту «мужчина» [6, 7, 8, 14, 17]. Наличие их у концепта «женщина» в очередной раз указывает на гендерную размытость современного феминного образа.

В русскоязычных произведениях фольклорных жанров (пословицах, поговорках, сказках и т.д.) существует оправдание культуры женской виктимности. Например, «жена не стекло – можно побить», «бей жену больней, будут щи вкусней», «милого побои недолго болят» и т.д.

Как отмечают историки, физическое насилие по отношению к женщине до относительно недавнего времени воспринималось как нечто само собой разумеющееся, также как и беспрекословная подчиненность мужчине [1, 6, 10].

Однако, во многих современных анекдотах именно мужчина предстает жертвой психологического и физического насилия со стороны женщин.

Рассмотрим примеры.

1) — Что бы делали женщины, если бы на свете не было мужиков? — Стали бы дрессировать каких-нибудь других животных.

2) Шрамы укрощают мужчину.

3) — Ты где был? Почему так поздно пришел?

— Я хозяин в доме! Когда хочу, тогда и прихожу!

Жена бьет его сковородкой по голове, муж падает без сознания. Тут выбегает свекровь.

— *Ой, а че тут мой сынок лежит?*

— *Он хозяин!!! Где хочет, там и лежит!*

Как демонстрируется в данных примерах, в содержание концепта «мужчина» входит признак *объект абьюзивных отношений*. Так, в первом примере содержится упоминание психологического давления (*дрессировать каких-нибудь других животных*). Во втором и третьем примерах имеется намек на прямое физическое воздействие (*Шрамы укрощают мужчину; Жена бьет его сковородкой по голове*).

Нападавшим в данных примерах выступает женщина (*женщины стали бы дрессировать; Жена бьет его; укрощают мужчину*) из чего можно сделать вывод о существовании маскулинного признака *агрессия* в содержании концепта «женщина».

Социальные опросы, проведенные различными исследовательскими группами, подтверждают, что российских мужчин, подвергающихся насилию со стороны женщин довольно много [12]. Наиболее распространенной формой агрессии со стороны женщин является вербальная (насмешки, подозрения и оскорбления). Но и случаи физического воздействия становятся нередки [12].

Принято считать, что излишняя эмоциональность в принятии решений, негативность мышления, ранимость и незащищенность перед проблемами более присущи представлению о женщинах [5, 6, 8, 12, 14].

Тем не менее, зачастую мы встречаем массу произведений, где данные черты сопутствуют мужскому поведению. Рассмотрим примеры.

1) *Психиатр — пациенту-мужчине:*

— *А это сознание собственной неполноценности пришло к вам внезапно или развивалось нормально в связи с женитьбой и отцовством?*

2) *Из-за плохой жизни мужчина прыгнул с шестого этажа. Жизнь наладилась в районе третьего, но было уже поздно.*

Как можно заметить, в первом примере упоминается психологическая проблема низкой самооценки (*сознание собственной неполноценности*), во втором примере делается акцент на совершении самоубийства (*мужчина прыгнул с шестого этажа*). Следует сделать вывод, что в данных анекдотах раскрывается такой признак концепта «мужчина», как *склонность к депрессиям и суицидальному поведению*.

Важно отметить, что тенденция мужчин и женщин перенимать определенные аспекты поведения друг друга имеет частотную вербализацию и несет, как правило, негативную коннотацию. Например,

1) — Дорогая! Тебе хотелось бы быть мужчиной?

— А тебе, милый?

2) Чем отличается сильный мужчина от слабого? Когда тебе плохо, сильный поможет, а слабый сделает вид, что ему еще хуже... .

3) Сильная и независимая женщина просыпается ночью и переворачивает подушку незаплаканной стороной

4) — Я сильная, независимая и всего добилась сама.

— Но ты же неуравновешенная психопатка с кучей проблем и полным отсутствием личной жизни!

— Зато сама.

В первых двух примерах сквозит сомнение в мужественности партнера (Тебе хотелось бы быть мужчиной? — А тебе, милый?; сделает вид, что ему еще хуже) и его способности оказать поддержку.

В третьем и в четвертом анекдоте независимость женщины воспринимается с негативной стороны. Рисуемый в них образ отличается крайней непривлекательностью: одинокая (с полным отсутствием личной жизни), эмоционально нестабильная (неуравновешенная психопатка), несчастная (переворачивает подушку незаплаканной стороной), неблагополучная (с кучей проблем) и при этом довольная собой (зато сама).

Как отмечают Т.К. Ростовская и Я.В. Шимановская, отход от традиционной модели часто приводит к недопониманию и грозит общественным осуждением [15], замечательными примерами которого могут служить приведенные произведения.

Суммируя изложенные наблюдения, можно сделать вывод, что в прецедентных текстах юмористических жанров аспект «размытие границ гендерной идентичности» ярко проявляется в озвучивании тенденции обоих полов перенимать модели поведения друг друга. Проведенный анализ позволил обнаружить, что в концепт «женщина» на современном этапе входят признаки *прямолинейность, стремление иметь сильный характер, техническая компетентность, доминирование в отношениях, агрессивность*. Данные признаки противоречат традиционному содержанию концепта «женщина», а ранее принадлежали исключительно концепту «мужчина».

В содержание концепта «мужчина», согласно исследованию современных юмористических произведений, входят такие признаки, как *склонность к подчинению, уборка, приготовление пищи в семье, минимальное участие в*

разрешении проблем технического характера, объект абьюзивных отношений, склонность к депрессиям и суицидальному поведению.

В ходе исследования также удалось обнаружить, что воспроизведение мужчинами и женщинами шаблонов поведения, присущих другому полу, имеет ярко выраженную отрицательную оценку.

Список литературы

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). - М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.
2. Бабина Л.В. Изучение творческого начала человека в языке (на материале двухкомпонентных сложных существительных) // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. С. 369-374.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Воронеж, 1996. 104 с.
4. Бендас Т. В. Гендерная психология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
5. Ворошилова О. Н. Образ женщины в современном мире (по материалам современных российских женских журналов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 5(67) С. 54-57.
6. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии : учебное пособие / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
7. Кабайкина О.В., Сущенко О.А. Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 3 С. 140 -155.
8. Кирилина А.В. Гендерные стереотипы в языке // Словарь гендерных терминов. М.: Информация – XXI век, 2002. С. 66-67.
9. Клецина И. С. Гендерная социализация СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 92 с.
10. Меринова Е. А. Концепт «Женщина» в русской и американской картинах мира // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 37. С. 112–114
11. Мороз В.А. Аверкина Т.О. Социальные роли современной женщины в представлении студентов// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11 (часть 4). С. 726-731
12. Морозова И. А. Концепты «Мужчина» и «Женщина» как отражение гендерных стереотипов в русской лингвокультуре // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика, 2010. №21 (197). С.94-97.
13. Петрова Р. Г. Гендерология и феминология / Р. Г. Петрова. М. : Дашков и К°, 2007. 232 с.
14. Простотина Ю.В. Гендерные стереотипы: формирование и детерминанты. // Социодинамика. 2017. № 3. С. 1 - 9.
15. Ростовская Т. К., Шимановская Я. В. Социальные роли мужчины в современном обществе // Вопросы управления. 2018. №2 (32). С.135-140.
16. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

17. Сухушина Е. В., Абрамова М. О., Рыкун А. Ю. Современные образы маскулинности // Векторы благополучия: экономика и социум. 2017. №4 (27). С. 168 – 179.
18. Шустова Л.П. Особенности процесса гендерной социализации детей в дошкольном возрасте // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 4. С. 173-180.
19. Ashmore R. D., Del Boca F. K., Wohlers A. J. Gender Stereotypes // The Social Psychology of Female-Male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts/ed. By R.D. Ashmore, F.K. Del Boca. N. Y., 1986. 120 p.
20. Bem S.L. Sex role adaptability – one consequence of psychological androgyny // J. of Pers. and Soc. Psychology. 1975. №31. P.634-643.

Список источников

21. Анекдот №769073. Анекдоты из России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anekdot.ru/id/769073/> (дата обращения: 21.03.2020).
22. Анекдот: Психиатр - пациенту-мужчине... Все шуточки [Электронный ресурс]. URL: <https://vse-shutochki.ru/anekdot/117569> (дата обращения: 21.03.2020).
23. Анекдот: Утверждение, что джентльменов не встретишь в наше время... Анекдоты смешные. scanvord.net [Электронный ресурс]. URL: <https://scanvord.net/anekdoty/anekdot.php?raz=16&an=562> (дата обращения: 21.03.2020).
24. Анекдоты. anekdotig.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anekdotig.ru/anekdot/17554> (дата обращения: 21.03.2020).
25. Анекдоты: свежие, смешные, прикольные анекдоты. Прикол. [Электронный ресурс]. URL: <https://prikol.i.ua/user/2469002/anekdot/?p=232> (дата обращения: 21.03.2020).
26. Когда тебе плохо сильный мужчина поможет, а слабый сделает ... humor.rin.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://humor.rin.ru/cgi-bin/show.pl?razdel=0&anekdot=77737> (дата обращения: 21.03.2020).
27. Прикольные анекдоты про мужиков. Мир анекдотов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anekdotovmir.ru/anekdoty-pro/anekdoty-pro-muzhikov/prikolnye-anekdoty-pro-muzhikov/> (дата обращения: 21.03.2020).
28. Сидит девочка в песочнице... humor.rin.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://humor.rin.ru/cgi-bin/show.pl?razdel=0&anekdot=58714> (дата обращения: 21.03.2020).

УДК 81.373.43

**«Ковидолы» против «ковидиотов»:
английские неологизмы, порождённые коронавирусом**

Шукунда Сергей Захарьевич

кандидат истор. наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков
факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, РФ, Москва
iambad2017@yandex.ru

**"Covidols" versus "covidiot":
English neologisms generated by the coronavirus**

Shukunda Sergey Zakharyevich

Cand. Sc. History, Associate Professor, Department of The Theory of Foreign Language
Teaching, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies
M. Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена появлению в английском языке целого ряда неологизмов, связанных с эпидемией коронавируса. Автор изучает данные неологизмы с точки зрения частотности способов их образования. Наиболее продуктивным способом оказалось слияние. Поскольку таким способом неологизмы часто создаются при участии языковой игры и передают ироничное отношение к номинируемому объекту, а юмор является защитной реакцией организма, помогающей справиться со страхом перед опасной ситуацией, автор делает вывод, что это стало одной из причин того, что большинство «коронеологизмов» образовано с помощью слияния.

Ключевые слова: английский язык, словообразование, неологизмы, способы образования неологизмов, коронавирус, пандемия

Abstract. The article is devoted to the emergence of a number of English neologisms associated with the epidemic of coronavirus. The author studies these neologisms in terms of the frequency of the ways of their formation. The most productive way appears to be blending. Creation of neologisms through blending often involves language game. These words often convey an ironic attitude to the nominated object. Since humor is a defensive psychological reaction that helps a person to cope with fear of a dangerous situation, the author concludes that this might be one of the reasons why most "coroneologisms" were formed through blending.

Key words: English language, word formation, neologisms, ways of forming neologisms, coronavirus, pandemic

С появлением новых вещей, технологий или общественных явлений появляются новые лексические единицы для их описания. Неологизмы - это новообразованные термины, разговорные слова или фразы, используемые в письменной и разговорной речи, но еще не ставшие привычными наименованиями соответствующих предметов и понятий. Со временем некоторые новые слова становятся общеупотребительными и прочно закрепляются в языке повседневного

общения (входят в активный словарный запас). Изучением неологизмов занимается раздел лингвистики - неология.

В российской лингвистической науке имеется ряд определений неологизмов, сформулированных ведущими отечественными лингвистами. Согласно определению В.С. Виноградова, «неологизмы – это закрепляющиеся в языке новые слова или значения, которые называют новые предметы мысли». [2, с. 121]

В определении В.И. Заботкиной «неологизм есть новое слово (устойчивое сочетание слов), новое либо по форме, либо по содержанию (и по форме, и по содержанию)». [4, с. 7]

«Словарь литературоведческих терминов» определяет неологизм как «новообразованное (или нововведенное в язык) слово или выражение, отражающее появление в жизни людей новых понятий, явлений или усиливающее выразительность речи». [7]

Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», неологизмы – это «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз («оказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи». [5]

Неологизмы напоминают нам, что язык - это постоянно изменяющаяся и пополняющаяся знаковая система. Неологизмы отражают способность языка развиваться параллельно с развитием общества, его культуры и технологий.

Глобальная эпидемия коронавируса 2020 года унесла жизни сотен тысяч людей и нанесла мощный удар по экономике многих стран. Эта же эпидемия послужила поводом для создания целого ряда оригинальных неологизмов в английском языке. Новое заболевание получило название COVID-19, что является сокращённой формой coronavirus disease 2019.

В СМИ, социальных сетях (Facebook) и онлайн-словарях (Urban Dictionary, Merriam Webster) мы обнаружили тридцать пять неологизмов, связанных с коронавирусом.

Современный английский язык располагает многими способами словообразования, к числу которых относятся, в частности, аффиксация, конверсия, словосложение, слияние, сокращение и другие. Не все из этих способов используются в одинаковой степени, и удельный вес каждого из них в словообразовательном процессе не одинаков.

Проанализировав найденные нами неологизмы с точки зрения способов словообразования, мы увидели, что большинство из них образовано путём слияния -

соединения усеченных основ двух или более лексических единиц. Л.А. Липилина называет слияние «одним из самых неординарных и сложных словообразовательных процессов». [6] Также она отмечает, что свежесть, неожиданность и благозвучие «слов-слитков», а также стремление коммуникантов к сжатости, но при этом высокой информативности высказывания, объясняют большую популярность использования единиц данного типа в СМИ, рекламе и разговорной речи. Неологизмы, образованные способом слияния, иллюстрируют проявления принципа экономии языковых усилий.

Рассмотрим примеры таких неологизмов:

Coronapocalypse (coronavirus+apocalypse): конец света, вызванный эпидемией Covid-19.

Coronaphobia (coronavirus+phobia): страх перед коронавирусом.

Coronallennial (coronavirus+millennial): поколение детей, зачатых в период самоизоляции.

Coronawashing (coronavirus+whitewashing): продажа с целью прибыли обычных товаров как помогающих предотвратить заражение коронавирусом или излечить от него.

Coronancellations (coronavirus+cancellations): отмена спортивных мероприятий, театральных представлений, выходов в ресторан, свадеб и т.д. в связи с коронавирусом.

Coronaclosed (coronavirus+close): закрытый (бизнес) по причине коронавируса.

Coronavoid (coronavirus+void): улицы, опустевшие по причине коронавируса.

Coronortunity (coronavirus+opportunity): созданная пандемией возможность заняться домом, отоспаться или сделать что-то, на что обычно не хватает времени.

Coronavacation (quarantine+vacation): пребывание в самоизоляции по причине эпидемии коронавируса.

Coronaroaders (coronavirus+roaders): эгоистичные типы, пренебрегающие правилами самоизоляции.

Covidiot (Covid-19+idiot): тот, кто либо излишне беспечен, либо поддается панике в гипертрофированной форме из-за коронавируса. Такие люди закупают сотни рулонов туалетной бумаги или облизывают поручни в общественном

транспорте или сиденья унитаза, демонстрируя пренебрежительное отношение к опасности заразиться.

Covidol (Covid-19+idol): образцовый гражданин, соблюдающий социальное дистанцирование, покупающий разумное количество туалетной бумаги, антисептических средств и продуктов длительного хранения. Тип противоположный «ковидиоту».

Quaranteam (quarantine+team): 1) люди, с которыми вы решили жить во время карантина; 2) общий чат, в котором обсуждаются вопросы, связанные с пандемией; 3) групповой «захват» напр. туалетной бумаги в магазине.

Quarantech (quarantine+technologies): гаджеты и приложения, помогающие убить время в самоизоляции.

Quarantrends (quarantine+trends): занятия, ставшие модными у людей, находящихся в самоизоляции.

Quarantips (quarantine+tips): советы по вопросам одежды, еды и стилю жизни, которые даются людям, находящимся в самоизоляции.

Quarantrolls (quarantine+trolls): люди, нагоняющие в соцсетях тоску своими рассказами о том, как им тяжело в самоизоляции.

Quarantimes (quarantine+times): период эпидемии коронавируса.

Corona-uber (quarantine+Uber): люди, которые не принимают коронавирус всерьёз, выходят на улицы и распространяют заразу подобно приложению Uber.

Quaranteens (quarantine+teens): дети, родившиеся между 2001 и 2007 гг., которые становятся тинэйджерами в период коронавируса 2020 г.

Isobeard (isolation+beard): борода, отросшая за время пребывания в самоизоляции.

Словосложение является одним из наиболее традиционных, универсальных и распространенных способов словообразования, который основан на соположении двух основ. Словосложением образуются сложные слова-неологизмы, которые пишутся слитно или через дефис, и словосочетания (комплексы), которые пишутся раздельно. [1] Мы обнаружили следующие неологизмы-словосочетания:

Quarantine shaming (по аналогии с body shaming): показательная критика людей, которые нарушают карантин и выходят из дома. Цель карантин-шейминга - повышать осведомленность о коронавирусе и правилах по выживанию в условиях эпидемии.

Boomer remover: альтернативное название коронавируса, поражающего преимущественно поколение беби-бумеров - лиц, родившихся между 1946 и 1964 гг.

Trump flu: ещё одно альтернативное название коронавируса. Обычно используется как реакция на употребление кем-то термина Chinese Flu.

Wuhan Clan: выходцы из азиатских стран, к которым американцы и европейцы боятся приближаться.

Coronavirus baby: ребенок зачатый во время карантина.

Другим продуктивным способом образования неологизмов являются сокращения, которые, также как и слияния, отражают тенденцию к экономии языковых усилий. Из четырех видов сокращений (аббревиатуры, акронимы, усечения, слияния) преобладают усечённые слова. Особенностью усечений является их использование в рамках разговорной речи. Так слово “quarantine” многие носители английского языка сокращают до слова “quar”, выражение “in isolation” сокращается до “in iso”, а слово “coronavirus” сократилось до “rona” или “the Rona”. [8]

Ещё одним способом образования новых слов в английском языке является аффиксация (префиксация и суффиксация). Мы обнаружили неологизмы, образованные таким способом:

Coronator (суффикс –or. Буква t добавлена, чтобы сделать слово похожим на terminator): *сущ.*, человек, победивший **коронавирусом**.

Coronic (суффикс –ic): *прил.*, инфицированный **коронавирусом**.

CoViddy (суффикс –y): *прил.*, демонстрирующий необычное поведение, вызванное страхом перед **коронавирусом**.

Некоторые неологизмы образованы способом конверсии. Конверсией называется переход слова из одной части речи в другую. Конверсия как способ создания новых слов уступает другим видам словообразования. Мы обнаружили три примера употребления существительного coronavirus как герундия или глагола:

Coronavirusing: пребывание дома в страхе перед **коронавирусом**.

To be coroned: быть инфицированным **коронавирусом**. [9]

To self-quarantine: избегать контактов с другими людьми.

Таким образом, мы видим, как быстро английский язык реагирует на новые социальные явления созданием новых слов для их описания. Мы также можем наблюдать частотное распределение неологизмов по способу их образования. Наиболее продуктивным способом оказалось слияние.

Следует отметить, что «слова-слитки» часто создаются при участии языковой игры и передают шутливое и ироничное отношение к номинируемому объекту. [3] Из психологии известно, что юмор является защитной реакцией организма, помогающей справиться со страхом перед опасной ситуацией или сложной проблемой. Можно

предположить, что это стало одной из причин того, что большинство английских «коронеологизмов» образовано с помощью слияния.

Список литературы

1. Акопянц, А.М. Языковые инновации в современном английском языке. Режим доступа: http://pgu.ru/upload/iblock/b0f/uch_2010_iii_00001.pdf (Дата обращения: 05.04.2020)
2. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/vinogradovdoc.shtml (Дата обращения: 05.04.2020)
3. Горшунов Ю. В., Сафиуллин Р. Э. Популярные неологизмы английского языка в свете словообразования и языковой игры // IN SITU. Филологические науки. 2016. № 1-2. с. 40. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/populyarnye-neologizmy-angliyskogo-yazyka-v-svete-slovoobrazovaniya-i-yazykovoy-igry> (Дата обращения: 07.04.2020)
4. Заботкина, В.И. Новая лексика современного английского языка [Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов]. М., Высшая школа, 1989. Режим доступа: <http://nachali.narod.ru/zabotkina.pdf> (Дата обращения: 07.04.2020)
5. Лингвистический энциклопедический словарь. Коллектив авторов; гл. ред. В. Н. Ярцева. М., «Советская энциклопедия», 1990. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/331b.html> (Дата обращения: 09.04.2020)
6. Липилина, Л.А. Лексические слияния в современном английском языке. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sliyaniya-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (Дата обращения: 10.04.2020)
7. Словарь литературоведческих терминов. Ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев, М., «Просвещение», 2012. Режим доступа: <https://slovar.cc/lit/term/2145234.html> (Дата обращения: 10.04.2020)
8. Urban Dictionary. Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Rona> (Дата обращения: 10.04.2020)
9. Urban Dictionary. Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Coroned> (Дата обращения: 11.04.2020)

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111-26

Лексические трансформации при переводе научных статей по авиационной тематике

Тазетдинова Раиса Ринатовна

канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка, Башкирский Государственный
Педагогический Университет им. М. Акмуллы, РФ, г. Уфа
adremr@rambler.ru

Немкова Эдита Альбертовна

Магистрант кафедры английского языка, Башкирский Государственный
Педагогический Университет им. М. Акмуллы, РФ, г. Уфа
editochka86@mail.ru

Lexical transformations in aviation discourse

Tazetdinova Raisa Rinatovna

Cand. Sci. (Philology.), assistant professor Of English language department
Bashkir State Pedagogical University named After M. Akmullah, Russia, Ufa

Nemkova Edita Albertovna

Undergraduate student of English language department
Bashkir State Pedagogical University named After M. Akmullah, Russia, Ufa

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ лексических трансформаций при переводе научных терминов авиационной тематики с английского на русский. Рассматриваются определения переводческих трансформаций – лексических (конкретизация, генерализация, смысловое развитие), грамматических и комбинированных (антонимические трансформации, компенсация). Приводятся примеры использования конкретных видов лексической трансформации. Делаются выводы о частотности их применения в авиационном дискурсе. Исследование проводилось на материале современных научных журналов.

Ключевые слова: научный дискурс, лексические трансформации, комбинированные трансформации, конкретизация, генерализация, смысловое развитие, перевод, эквивалентность, адекватность перевода.

Abstract. The article deals with the use of lexical transformations in translation of scientific aviation terms from English into Russian. The definitions of the following transformations are considered: lexical (specification, generalization, sense development), grammatical and combined (antonymic transformations, compensation). A variety of purely lexical transformations are analyzed. Conclusions are drawn about the frequency of their use in aviation discourse. The translation techniques described above were applied to language material from modern scientific journals.

Keywords: scientific discourse, lexical transformations, combined transformations, specification, generalization, sense development, translation, equivalence, adequacy of translation.

Интенсификация авиационных контактов в различных странах влечет за собой большой спрос на перевод в данной области. Авиационная тематика является обширной и комплексной в научно-техническом переводе, так как данный вид перевода затрагивает и технические термины, и научные понятия из физики, химии и биологии. Переведенные тексты должны содержать точные определения, актуальные для переводимого языка, так как неточность в переводе термина может привести к непониманию содержания текста, что, в свою очередь, может привести к грубейшей профессиональной ошибке. Поэтому адекватность и точность перевода в этой области особенно важны.

Одним из способов достижения адекватности и точности перевода является использование лексических трансформаций. Целью данного исследования является анализ лексических трансформаций, применяемых при переводе английских научных статей по авиационной тематике.

Термин «трансформация» давно встречается во многих научных исследованиях по теории перевода: Л.С. Бархударова (1975), В.Н. Комиссарова (1982), Л.К. Латышева (2005), Р-К. Миньяр-Белоручева (1980), Я.И. Рецкера (1974), А.М. Фитерман и Т.Р. Левицкой (1973), А.Д. Швейцера (1988) и других. Однако большинство авторов определяет переводческие трансформации как преобразования, осуществляемые с целью достижения переводческой эквивалентности, что является главной целью перевода. В общем виде, ученые подразумевают под переводческими трансформациями изменения в лексической, грамматической или стилистической структуре предложения. Ученый Л.С. Бархударов утверждает, что «переводческие трансформации – это те многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [Бархударов 2019:189].

Однако изменения в лексическом плане предложения не могут не затрагивать изменений в его грамматической структуре, поэтому существуют различные классификации трансформаций. Так, В. Н. Комиссаров подразделяет все трансформации на лексические, грамматические и комплексные лексико-грамматические. Он утверждает, что «лексические трансформации описывают

формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе» [Комиссаров 2011:165]. К основным приемам лексических трансформаций (далее – ЛТ) он относит переводческую транскрипцию/транслитерацию, переводческое калькирование, также выделяет лексико-семантические замены, применение которых связано с модификацией значений лексических единиц (конкретизация, генерализация и модуляция). Под грамматическими трансформациями данный ученый подразумевает «переход от оригинала к переводу с помощью различных грамматических замен» [Комиссаров 2011:167]. Замене может подвергаться грамматическая категория, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. К лексико-грамматическим трансформациям В. Н. Комиссаров относит прием антонимического перевода, прием описательного перевода и прием компенсации [Комиссаров 2011:170].

В данной работе мы принимаем определение Л.С. Бархударова, который считает, что ЛТ – это «замены отдельных лексических единиц (слов и устойчивых словосочетаний) языка оригинала лексическими единицами языка перевода, которые не являются их словарными эквивалентами и, т.е., которые имеют иное значение, нежели передаваемые ими в переводе единицы языка оригинала» [Бархударов 2005:190].

Среди чисто лексических трансформаций при обзоре практического материала мы опирались на классификацию ЛТ, предложенную Р.Р. Тазетдиновой:

1) Конкретизация значения – это замена исходного языка лексическими единицами с широким общим или абстрактным значением лексической единицей языка, на который делается перевод с узким и конкретным значением.

2) Генерализация значения – это лексическая трансформация, противоположная конкретизации значения. Лексема исходного языка с узким и конкретным значением заменяется составляющей языка, на который делается перевод с общим или абстрактным значением.

3) Смысловое развитие – это техника перевода, когда единица исходного языка отображается не по корреляции словаря, а с помощью другой связанной логически с контекстом другой единицы [Тазетдинова 2012:69].

Также она выделяет комплексные, или комбинированные трансформации:

1) Антонимические трансформации – рассматриваются как чисто лексические, когда единица исходного языка заменяется его антонимом на языке, на который делается перевод без структурных изменений в высказывании.

2) Компенсация – это лексическая трансформация, при которой лексема заменяется на другую единицу в языке перевода с примерно одинаковым денотатом, но различающаяся по коннотативному смыслу [Тазетдинова 2012:72].

На материале английского авиационного дискурса приведем примеры использования различных ЛТ.

Рассмотрим лексическую единицу **aircraft**. В словарях даются следующие определения данной единице:

aircraft ['eəkrɑ:ft] *сущ.* самолёт, воздушное судно, летательный аппарат [ABBYY Lingvo];

aircraft ['eəkrɑ:ft] *n (pl без измен)* самолёт [Мюллер 2016];

aircraft летательный аппарат [Девнина 2011];

aircraft летательный аппарат, ЛА; самолет (ы) ; вертолет(ы) ; авиация; авиационный; бортовой (об оборудовании ЛА); [Англо-русский военный словарь 2016];

Приведем примеры перевода предложений:

*The wake vortex of lifting surfaces such as wind turbine blades or fixed-wing **aircraft** can heavily affect the blade aerodynamics of rotorcraft* [Berend G. van der Wall 2019:1374].

*Вихревой след от подъемных поверхностей, таких как лопасти ветряных турбин или **вертолетов** с неподвижным крылом, может сильно влиять на аэродинамику лопастей летательного аппарата с несущим винтом.*

*However, due to the weight penalties, electric propulsion systems require a modification of the **aircraft** architecture* [Hendrik Gesell and others 2019:1616].

*Тем не менее, из-за веса штрафов, электрические двигательные установки требуют модификации строения **летательного аппарата**.*

В зависимости от контекста, одна и та же единица “aircraft” может иметь в русском переводе множество значений, несмотря на основное словарное значение «самолёт». В обоих случаях была использована конкретизация значения, то есть при переводе, произведена замена значения на более узкое понятие.

Еще яркий пример часто встречающейся лексической единицы в данной области - “runway”. Рассмотрим варианты ее переводов в различных словарях:

runway ['rʌnweɪ] *сущ.* авиа взлётно-посадочная полоса, ВПП, спуск для гидросамолётов, *спорт.* дорожка разбега, тропа, проложенная животными, *тех.* подкрановый путь, *тех.* Паз, *ж.-д.* подъездной путь, *театр.* узкая платформа,

помост, соединяющий сцену с залом, подиум, ложе, русло реки, загончик, огороженное место (для домашней птицы и т. п.) [ABBYY Lingvo];

runway n 1 ав взлётно-посадочная полоса 2 спорт дорожка для разбега [Мюллер 2016];

runway взлетно-посадочная полоса, ВПП [Англо-русский военный словарь 1987];

Приведем примеры перевода предложений в статьях:

*They then buried the crated aircraft thirty feet under the ground, at the end of the **runways** at Mingaladon, Meiktila and Myitkyina Airfields* [Jane M. Ferguson 2019].

Затем они спрятали военный самолёт в тридцати футах под землей в конце **взлетно-посадочных полос** на аэродромах Мингаладон, Мейктила и Мьиткыина.

*... and the foreign teams seemed to act as though their quest was more important than the country's use of an active **runway*** [Jane M. Ferguson 2019].

...и иностранные команды, казалось, действовали как будто их поиски были более важными, чем использование в стране действующей **взлетно-посадочной полосы**.

В данных примерах лексическая единица также претерпевает ЛТ, а именно конкретизацию значения.

Рассмотрим еще один пример применения ЛТ при переводе. Согласно словарям:

rotor ['rəʊtə] *суц. тех.* ротор ав. несущий винт вертолёта [ABBYY Lingvo];

rotor n 1 ротор 2 несущий винт (вертолёта) [Мюллер 2016].

Рассмотрим предложение, в котором происходит сразу три лексические трансформации с конкретизацией значения:

*The **rotor** controls required to mitigate the WT vortex impact on **rotor trim**, and the **rotor blade** flapping that will develop without pilot reaction were recently elaborated analytically* [Berend G. van der Wall 2019:1374].

Ротор вертолёта управляет необходимым для смягчения воздействием вихря WT на **ротор ветротурбины**, и колебания **лопасти несущего винта** будут раскрываться без реакции пилота, что недавно было теоретически разработано.

Очевидно, что в данном предложении лексическая единица «rotor» имеет различные значения при переводе и проходит через различные ЛТ, а именно конкретизацию значения (“rotor”, “rotor blade flapping”) и смысловое развитие (“rotor

trim”). Таким образом, в одном предложении, мы наблюдаем сразу несколько видов лексических трансформаций, и без них перевод через калькирование нарушил бы понимание оригинального текста.

Рассмотрим еще один пример применения конкретизации при ЛТ.

Слово “registry” согласно словарю имеет множество значений:

registry ['redʒɪstri] *сущ.* Регистратура, канцелярия, отдел записей актов гражданского состояния, *уст.* бюро найма (особенно прислуги), регистрация, регистрирование, журнал записей, учёта, реестр, регистрационная запись, *информ.* системный реестр; база конфигурации системы, блок регистров [ABBY Lingvo].

registry n 1 регистратура; канцелярия 2 отдел записей актов гражданского состояния; 3 (регистрационная) запись [Мюллер 2016];

Приведем примеры:

*The **registry** of the aircraft came into question...* [Jane M. Ferguson 2019].

***Реестр** самолетов встал под вопросом...*

Так как данная лексическая единица используется в контексте авиационной тематики, то ее значение определяется при помощи логически связанной с контекстом другой единицы.

Примером применения смыслового развития как ЛТ является лексическая единица “*The Few*”:

*It was because of this phrase that the RAF pilots who fought in the Battle of Britain later came to be known as “**The Few**”* [Jane M. Ferguson 2019].

*Именно из-за этой фразы пилоты RAF, которые участвовали в Битве за Британию, стали известны как «**Избранные**».*

Согласно словарям:

few [fju:] *прил.* мало, немногие, немного;

a / the few некоторые, несколько; *сущ.;* *употр. с гл. во мн.* незначительное число, немногие, несколько, некоторые [ABBY Lingvo].

В сочетании с определенным артиклем *the* единица *few* в английском языке образует субстантивизированное прилагательное, которое обозначает группу людей и выступает в роли подлежащего или дополнения.

В данной статье речь идет о небольшой группе военных Королевских военно-воздушных сил Великобритании, которые участвовали в известной «Битве за Британию» во времена Второй мировой войны. Перед переводчиком стоит задача адекватно перевести данную единицу, поэтому значение лексической единицы «*the*

Few» претерпевает смысловое развитие и переводится не прямым значением «небольшое количество», а как «избранные».

В данной статье мы рассмотрели применение различных видов чисто ЛТ в научных статьях по авиационной тематике. По результатам исследования пришли к выводу, что наиболее часто встречающийся вид ЛТ – конкретизация значения. Применительно к рассмотренным примерам, это связано с тем, что в английском языке есть конкретные двусоставные названия для частей летальных аппаратов, тогда как в русском языке используются атрибутивные группы для описания какой-либо детали или понятия. В свою очередь, комбинированные трансформации являются единичными случаями в научных статьях, с которыми мы не столкнулись в данном исследовании. На наш взгляд, лексические комплексные трансформации чаще встречаются в художественных текстах, чем в научных или околонаучных текстах.

Список литературы

1. Англо-русский военный словарь: около 70 000 терминов/ Г. А. Судзиловский, В. М. Полюхин, В. Н. Шевчук и др.- 3-е изд. перераб. и доп.- М.: Воениздат, 1987.- 655 с.
2. Англо-русский словарь общей лексики (ABBYY Lingvo) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/en-ru>
3. Бархударов, Л.С. Язык и перевод. (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. - М.: 2019. - 240 с.
4. Девнина Е.Н. Большой англо-русский и русско-английский авиационный словарь. Свыше 100 000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений. С транскрипцией/ Под ред. акад. И. И. Павловца.- М.: Живой язык, 2011.-512с.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. — М.: ЭТС. — 2011.-192 с.
6. Мюллер В.К. Самый полный англо-русский русско-английский словарь с современной транскрипцией: около 500000 слов. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 800 с.
7. Тазедтинова, Р.Р. Курс Перевода / Р.Р. Тазедтинова. -М., Изд-во БГПУ, 2012. — 378 с.
8. Berend G. van der Wall. Wind turbine wake vortex influence on safety of small rotorcraft" [Text] // The aeronautical journal - Vol.123 (No 1267) – September 2019. - p.1374-1395.
9. Hendrik Gesell, Florian Wolters and Martin Plohr. "System analysis of turbo-electric and hybrid-electric propulsion systems on a regional aircraft" [Text] // The aeronautical journal - Vol.123 (No 1268) – October 2019. - p.1602-1617.
10. Jane M. Ferguson. "Spitfires Sprouting in the Burmese Spring: The Real-life Quest for Historic Fantasy Aircraft in Contemporary Myanmar" // TRaNS: Trans -Regional and - National Studies of Southeast Asia - Vol.1-12 – 2019. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/terms>. <https://doi.org/10.1017/trn.2019.11>

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'33

Гендерная специфика средств воздействия в современных русскоязычных журналах

Аксенова Дарья Алексеевна

старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ»
им. Д. Ф. Устинова, РФ, Санкт-Петербург
axenovadasha@mail.ru

Gender specifics of persuasive means in modern magazines in Russian

Aksenova Daria Alekseevna

Senior Lecturer of Department of Theoretical and Applied Linguistics
Baltic State Technical University Voenmeh, Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. Исследование посвящено средствам, используемым авторами в заголовках статей с целью воздействия на потенциального читателя журнала. Цель данной статьи заключается в освещении основных коммуникативных стратегий заголовков журналов с точки зрения гендерно-ориентированного подхода. Эмпирическую базу данного исследования составили выпуски русскоязычных мужских и женских журналов: «*Men's Health RU*», «*GQ RU*», «*Cosmopolitan RU*» и «*Glamour RU*» за 2018-2020 гг. Демонстрируются характерные лингвистические и экстралингвистические особенности мужских и женских журналов с учетом оказания воздействия на адресата. В результате исследования были выявлены специфические особенности функционирования различных коммуникативных стратегий и тактик в зависимости от гендерно-обусловленных характеристик коммуникативного пространства журналов.

Ключевые слова: дискурс, медиадискурс, языковая игра, гендер, гендерно-ориентированный журнал

Abstract. The study deals with the means used by authors in the titles of articles to influence the potential reader of the journal. The purpose of this article is to highlight the selection of communication strategies for headings from a gender perspective. The analysis is based on the issues of 2018-2020 magazines for men and women in Russian: "*Men's Health RU*", "*GQ RU*", "*Cosmopolitan RU*" and "*Glamour RU*". The specific linguistic and extra-linguistic factors are taken into consideration regarding the impact on the addressee. The specific features of functioning of various communicative strategies and tactics were revealed regarding gender-oriented characteristics of the magazines' communicative field.

Keywords: discourse, media discourse, language game, gender perspective magazine

В XXI веке гендерно-ориентированные журналы становятся все более востребованы среди читателей, что подтверждается появлением новых изданий данного типа. Такие исследователи гендерной языковой проблематики, как

Т. В. Чернышова, М. В. Борзова и Е. Ю. Коломийцева, отмечают специфику речевого поведения и интерпретации текста мужчинами и женщинами в силу несовпадения в гендерно-обусловленном видении мира. О гендерной направленности научных исследований заговорил в начале 1970-х гг. американский учёный Р. Столлер. На конгрессе психоаналитиков в Стокгольме ученый впервые упомянул такое явление, как социальный пол, или, иными словами, гендерное самосознание. Р. Столлер заявил о разделении биологического и культурного и обозначил, что изучать пол должны биология и физиология, а гендер – психология и социология [1, с. 60 - 61]. Со временем гендерно-ориентированный подход стал проникать в различные сферы науки и постепенно стал одним из ведущих направлений современной лингвистики.

Эмпирическую базу данного исследования составили выпуски русскоязычных журналов: «Men's Health RU», «GQ RU», «Cosmopolitan RU» и «Glamour RU» за 2018-2020 гг.

Цель данного исследования заключается в освещении основных коммуникативных стратегий заголовков статей журналов с точки зрения гендерно-ориентированного подхода. В качестве объекта следует обозначить фонографические, морфологические и лексические единицы заголовков статей в мужских и женских журналах. Предметом исследования являются коммуникативные стратегии, используемые в русскоязычных журналах с целью воздействия на адресата.

Образ адресата играет главенствующую роль при создании контента как в гендерно-ориентированных, так и в гендерно-нейтральных журналах. Реципиента текста можно представить в виде комплекса характеристик целевой аудитории: пол, возраст, уровень образования, национальность, наличие в тексте оппозиции «свой – чужой», элементы, описывающие картину мира адресата, его стиль жизни и социальный статус и другие характеристики [2].

Таким образом, при создании контента гендерно-ориентированных журналов не последнее значение имеют гендерные стереотипы. «Гендерные стереотипы — это социально конструируемые категории “маскулинность” и “фемининность”, которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов; и которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально желаемой манере и ощущать свою целостность, непротиворечивость» [3, с. 3].

В гендерно-ориентированных изданиях используются определённые лингвистические и экстралингвистические способы отображения информации с целью воздействия на реципиента. Исходя из образа адресата и гендерных

стереотипов, целевая аудитория делится на мужскую и женскую, для каждой из которых существует линейка гендерно-ориентированных журналов. Выбор коммуникативных стратегий как в гендерных рекламных текстах, так и в любом другом печатном издании, предопределяется особенностями ключевых образов, реализуемых создателями для достижения поставленной цели.

Целевую аудиторию гендерно-ориентированных журналов составляют мужчины и женщины соответственно. Гендерно-ориентированные издания представляют собой иллюстрированные журналы, в которых материалы затрагивают сферы женской или мужской жизни: сексуальные взаимоотношения, мода, путешествия, карьера, красота и другие сферы. Дифференциация мужских и женских стереотипов в рекламных текстах, оценка социального статуса мужчины и женщины с различных точек зрения обусловлены прежде всего целевыми установками рекламодателя, особенностями восприятия рекламируемого товара или услуги и соответствием избранного образа реципиента содержательной характеристике товара или услуги.

Коммуникативное пространство журнала - это взаимодействие нескольких независимых тематических, субкультурных, интерперсональных дискурсивных образований, определяющих роли участников коммуникации. В этом отношении дискурс журналов достаточно специфичен, так как он имеет свои собственные форматы, стили, коды, коммуникативные задачи и целевую аудиторию [4, с. 83 – 84].

На сегодняшний день для лингвистов актуальным является анализ медиадискурса в целом, особый интерес уделяется изучению механизма речевого воздействия. С точки зрения лингвистического анализа значимыми составляющими в данной связи являются вербальные средства, приемы и способы, с помощью которых осуществляется то или иное воздействие на реципиента. В рамках современной медиалингвистики актуальным является исследование актуализации коммуникативных стратегий, которые используются журналистами для достижения определенной реакции со стороны адресата.

В проанализированных выпусках русскоязычных мужских и женских журналов стратегия побуждения к действию выражается с помощью императива в грамматической форме первого лица единственного числа, например: «квась и мочи», «найди», «сделай», «побывай», «спроси», «раздевайся и ложись». В отличие от императивов в грамматической форме второго лица единственного числа императивы в представленной грамматической форме позволяют сократить

дистанцию между автором статьи и адресатом и создать дружественную доверительную коммуникативную ситуацию.

В качестве лингвистических средств, способствующих вербализации стратегии побуждения к действию как в мужских, так и в женских русскоязычных журналах, используются глаголы чувственного восприятия («почувствуй», «прочитай»), глаголы умственной деятельности («узнай», «убедись», «учись»); глаголы движения («двигай»). В ходе исследования также было выявлено, что преобладают глаголы активного действия («спроси», «найди», «бери», «ответь»). Кроме того, в проанализированных примерах заголовков встречаются приглашения к активным действиям, выраженные через аналитические формы императива глагола («Давай поговорим!»).

Сравнительный анализ заголовков в мужских и женских журналах на предмет использования стратегии побуждения к действию свидетельствует о том, что данная стратегия более актуальна в условиях коммуникации с адресатом женского пола. Также следует отметить, что актуализации стратегии побуждения к действию в русскоязычных мужских и женских журналах осуществляется посредством одинаковых групп глаголов и императивов первого лица единственного числа.

В результате анализа заголовков русскоязычных мужских и женских журналах было выявлено 48 заголовков, в которых используется стратегия побуждения к действию: 2 заголовка в журнале «Men's Health», 0 заголовков в журнале «GQ», 45 заголовков в журнале «Cosmopolitan», 1 заголовок в журнале «Glamour». Данная коммуникативная стратегия распределяется в проанализированных мужских и женских журналах в следующем процентном соотношении: 4,2% к 95,8% соответственно. Исходя из полученных данных, можно утверждать, что данная стратегия более перспективна с точки зрения воздействия на женскую целевую аудиторию. Результаты анализа иллюстрирует рисунок 1.

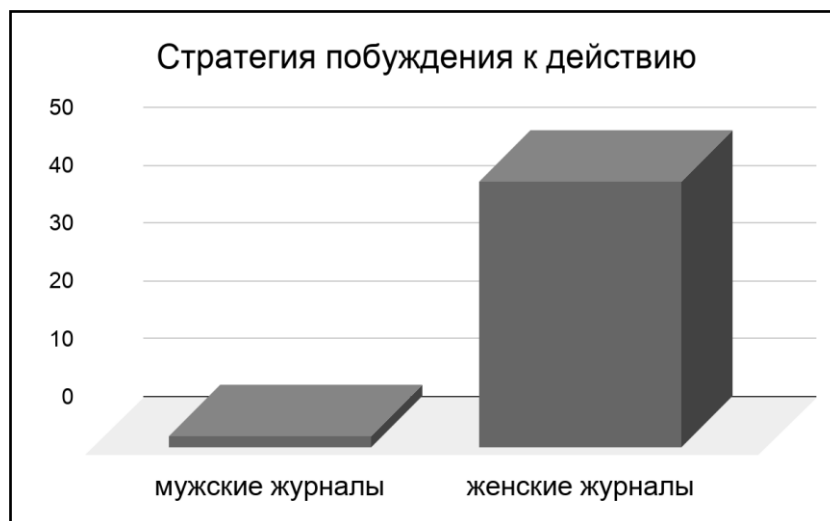

Рисунок 1. Соотношение стратегии побуждения к действию в заголовках мужских и женских русскоязычных журналов

Стратегия воздействия на адресата является одной из ключевых для составления заголовка и журнальной статьи в целом, поскольку она позволяет оказывать влияние на физическое и интеллектуальное поведение, мнение и интенции адресата. Результат воздействия определяет дальнейшие действия адресата и степень его заинтересованности в ознакомлении с предлагаемым текстом. Эффективное функционирование данной стратегии достигается посредством сочетания следующих стратегий и тактик: стратегия побуждения к действию (в качестве вспомогательной стратегии), тактика обращения к авторитетному мнению и тактика языковой игры. В связи с тем, что стратегия побуждения к действию была рассмотрена выше, в дальнейшем будет приведен анализ заголовков на предмет использования тактики обращения к авторитетному мнению и тактики языковой игры.

Тактика обращения к авторитетному мнению предполагает отсылку к эксперту в определенной сфере с целью получения профессионального мнения по конкретному вопросу. Авторитетное мнение обычно приписывается отечественным и зарубежным представителям театра и кино, деятелям культуры, искусства, моды, а также спорта и киберспорта, бизнесменам, представителям СМИ и интернет-изданий, политическим деятелям, медицинским работникам и экспертам в других областях. В проанализированных русскоязычных мужских и женских журналах было выявлено 343 заголовка, использующих данную тактику. В ходе исследования методом сплошной выборки было выявлено 26 заголовков с тактикой обращения к авторитетному мнению в выпусках журнала «Men's Health», 133 заголовка - в выпусках журнала «GQ», 61 заголовков - в выпусках журнала «Cosmopolitan», 123

заголовка - в выпусках журнала «Glamour». Распределение использования тактики обращения к авторитетному мнению в мужских и женских журналах представлено следующим процентным соотношением: 53,6% и 46,4% соответственно. Процентное соотношение использования тактики обращения к авторитетному мнению для достижения коммуникативной стратегии воздействия на адресата в заголовках русскоязычных журналов иллюстрирует рисунок 2.

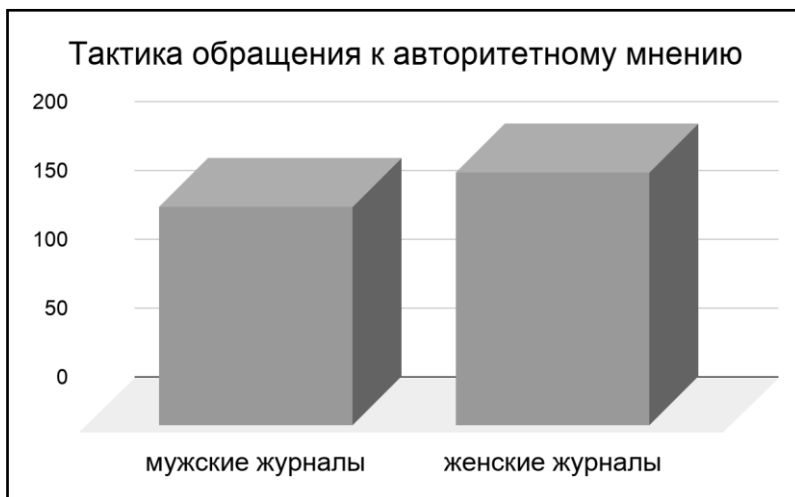

Рисунок 2. Соотношение тактики обращения к авторитетному мнению в заголовках мужских и женских русскоязычных журналов

Примерами тактики обращения к авторитетному мнению могут послужить нижеприведенные заголовки, которые начинаются с фамилий известных и уважаемых людей в различных сферах деятельности: «Орландо Блум. О супергероях и серьезном отношении к женщинам», «Максим Виторган. Откровения после тренировки», «Джонни Депп о тяжелом детстве, краже и любви к двоим одновременно». Кроме того, было установлено, что фамилия известной личности может фигурировать в подзаголовке: «История отшельника. Майкл Финкель и его «Я ем тишину ложками», «История одного чувства. История любви Джейми Дорнана и Биргит Кос, срежиссированная Дрейком Доримусом».

Тактика языковой игры служит для привлечения внимания адресата к заголовку и журнальной статье и воздействия на него с целью ознакомления со статьей. Данная тактика также может выступать в качестве способа оригинальной подачи материала, содержащегося в статье. По мнению А.П. Сковородникова «...языковая игра – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / стилистической / речеповеденческой / логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [3, с. 802].

Для актуализации тактики языковой игры могут использоваться различные коммуникативные ходы. На каждом из языковых уровней используются определенные средства воздействия. На фонографическом уровне такими средствами оказываются использование рифмы, ассонанса и аллитерации. На морфологическом уровне отмечают воздействие на реципиента посредством включения в графический облик слов элементов других знаковых систем, использования орфографических соседей, то есть результата добавления, удаления, перемещения или замены одних букв в слове на другие [5]. На лексическом уровне воздействие на потенциального читателя может оказывать использование прецедентных текстов и других лексических средств выразительности.

Средства воздействия на адресата на фонографическом уровне можно проиллюстрировать следующими примерами использования рифмы и аллитерации в заголовках: «Шпион, выйди вон»; «Галопом по Европам», «Кубок рубок»; «Штурм шторма», «И грянула Грэм».

На морфологическом уровне авторы статей, как было указано выше, могут сочетать элементы различных знаковых систем, например, латиницы и кириллицы: «beauty-продукт», «sex-драйв». Также для внесения дополнительных семантических значений возможно внедрение орфографических соседей, о чем свидетельствуют нижеприведенные примеры заголовков: «Стильная мира сего» (ср.: «Сильная мира сего»), «До чего докатались» (ср.: «До чего мы докатились»), «Нежное подчеркнуть» (ср.: «Нужное подчеркнуть»), «Наступает новый кот» (ср.: «Наступает новый год»), «Что посеешь, то и пожмешь» (ср.: «Что посеешь, то и пожнешь»).

На лексическом уровне авторы проанализированных статей прибегают к такому коммуникативному ходу, как внедрение прецедентного текста. Прецедентный текст в рамках данного исследования трактуется как «любая характеризующая цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы» [6, с. 28]. На основе проанализированных заголовков были выявлены следующие прецедентные тексты, характерные для мужских и женских журналов: фразеологизмы, пословицы и поговорки, афоризмы, название и цитаты из фильмов, названия и цитаты из телепередач, названия и цитаты из книг, названия и цитаты из песен, названия произведений искусств. В качестве наиболее ярких примеров воздействия на адресата посредством прецедентного текста можно привести следующие заголовки: «В чужой монастырь», «Резать к чертовой матери» – цитата из фильма «Покровские ворота», «Сэм себе режиссер» – отсылка к телепередаче «Сам себе режиссер», «Как денди

лондонский одет» – цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Пикник на обочине» – отсылка к повести Братьев Стругацких, «Выхода нет» – цитата из одноименной песни группы «Сплин», «Опять двойка» – отсылка к одноименной картине Ф.П. Решетникова. Отдельно стоит обозначить, что автор статьи может использовать трансформированный прецедентный текст: «Работа и волк» вместо «Работа не волк», «Али-баба и сорок таможенников» вместо «Али-баба и сорок разбойников», «Через тернии в отпуск» вместо «Через тернии к звездам». Также в исследуемых мужских и женских журналах была выявлена группа заголовков с определенной схемой построения. Выявленный принцип создания заголовка выделяет их среди других. Для мужского журнала «Men's Health» характерно использование следующей модели: «Как + ситуация, требующей разрешения...». В качестве примеров реализации описанной модели можно привести следующие заголовки: «Как побороть семь мужских страхов», «Как правильно защитить печень», «Как удержать тестостерон в норме», «Как поладить с феминисткой». Обсуждаемые ситуации можно причислить к тем проблемам, с которыми сталкивается в своей жизни каждый потенциальный адресат мужского журнала. С помощью такого заголовка автор статей создает у реципиента впечатление, что в этом выпуске журнала будет предложен конкретный вариант решения той или иной актуальной проблемы.

Среди женских журналов «Cosmopolitan» и «Glamour» была выявлена иная характерная модель построения заголовков, нацеленных на аналогичный результат воздействия: «N необходимых действий для достижения успеха». Ключевым в таких заголовках является число способов, шагов или типов личностей. Можно выделить три подгруппы внутри данной схемы: 1) последовательное выполнение обязательных для успеха действий, 2) выбор доступных или понравившихся способов для достижения цели и 3) перечисление имеющихся вариантов, предлагаемых как данность.

Примером схемы первой подгруппы могут служить такие заголовки: «7 шагов к полной перезагрузке в Израиле». К схеме второй подгруппы можно отнести следующие примеры: «135 платьев, подарков, идей для новогоднего макияжа», «На свежую голову. 4 варианта дерзкого макияжа в сочетании со стрижкой наголо». Схему третьей подгруппы иллюстрируют следующие примеры: «16 типов личности. Определи себя и найди идеальную пару», «8 женщин, которые повлияли на Дженнифер Лоуренс», «8 вопросов к... декоратору Марии Герман», «В чем сила, Пратт? 9 фактов о голливудском актере». Вышеперечисленные способы

формирования заголовков являются примерами применения коммуникативной стратегии.

Проведенный анализ русскоязычных мужских и женских журналов позволил выявить 353 заголовка, построенных с помощью тактики языковой игры: 71 заголовок в выпусках журнала «Men's Health», 128 заголовков в выпусках журнала «GQ», 85 заголовков в выпусках журнала «Cosmopolitan», 76 заголовков в журналах «Glamour». В результате анализа было выявлено следующее процентное соотношение количества заголовков с данной тактикой в мужских и женских журналах: 55,3% к 44,7% соответственно. Вышеизложенные выводы иллюстрирует рисунок 3.

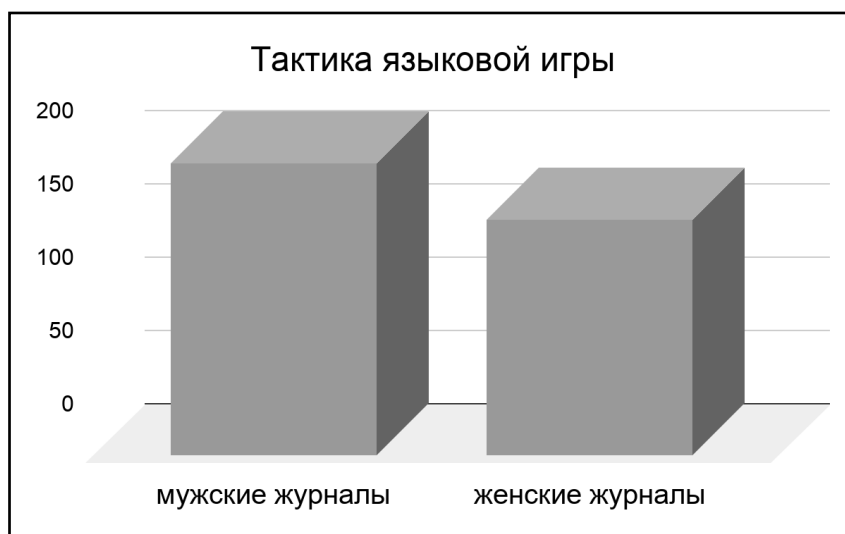

Рисунок 3. Соотношение тактики языковой игры в заголовках мужских и женских русскоязычных журналов

Рассматривая соотношение коммуникативной стратегии воздействия на адресата как сочетание тактик обращения к авторитетному мнению и языковой игры, можно сказать, что в русскоязычных печатных СМИ данная стратегия преобладает в заголовках мужских журналах: 50,9% и 49,1% соответственно (рис. 4).

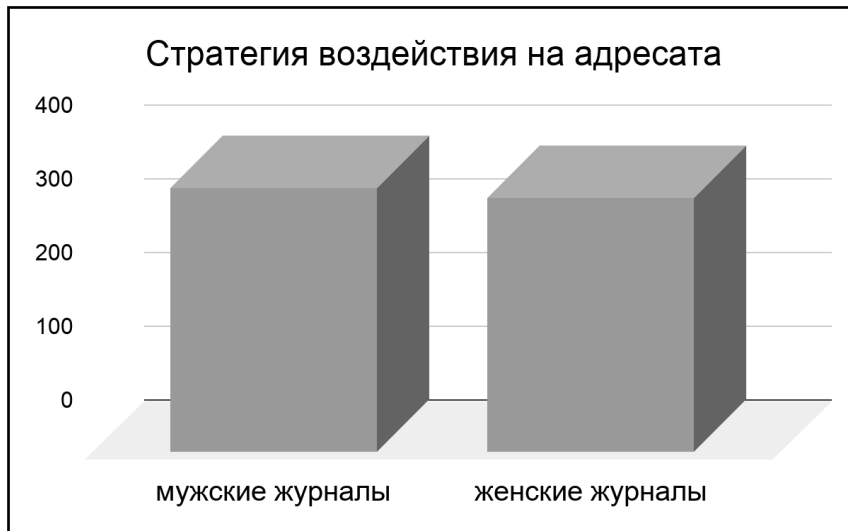

Рисунок 4. Схема распределения стратегии воздействия на адресата в мужских и женских журналах

Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что русскоязычные мужские журналы в сравнении с женскими чаще прибегают к тактике языковой игры. При этом следует отметить различие источников прецедентных текстов в зависимости от гендерно-обусловленных коммуникативных задач. Русскоязычные мужские журналы характеризуются более высокой частотностью реализации тактики обращения к авторитетному мнению. Также проведенный анализ заголовков статей свидетельствует о том, что коммуникативная стратегия воздействия на адресата более востребована в условиях взаимодействия с адресатом мужского пола. Также было выявлено, что коммуникативная стратегия побуждения к действию наиболее популярна среди женских журналов. Данные выводы иллюстрирует диаграмма, представленная на рисунке 5.

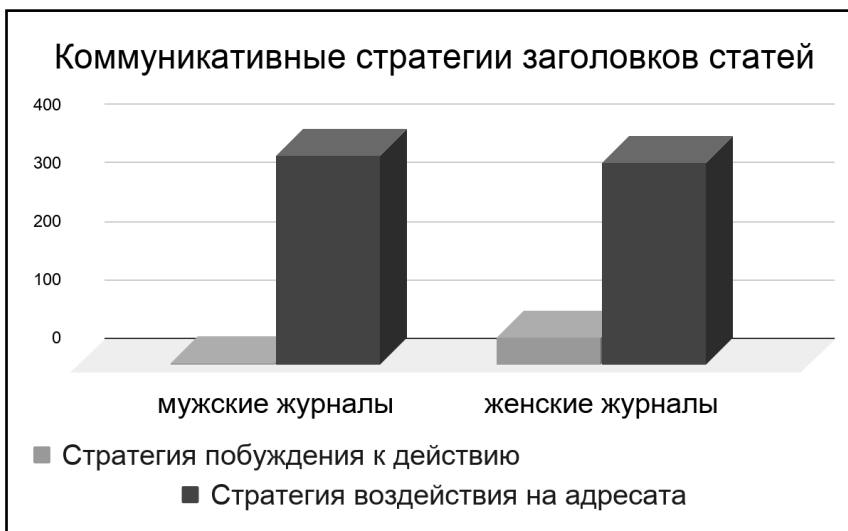

Рисунок 5. Схема распределения коммуникативных стратегий в мужских и женских русскоязычных журналах

Список литературы

1. Бريدко Т.В., Казакова Е.В. Репрезентация категории гендера в рекламных текстах англоязычных журналов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68). – № 2-1. – С. 59 – 65.
2. Каминская Т.Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: дис. ... докт. филол. наук: 10.01.10 / Т.Л. Каминская. – СПб, 2009. – 284 с.
3. Сковородников А.П. Языковая игра / А.П. Сковородников // Культура русской речи: энцикл. словарь-справ. / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 796 – 803.
4. Новинкина Е.А. Языковая объективация феминности на страницах глянцевого журналов // Медиалингвистика. – 2016. – № 1 (11). – С. 82-90.
5. Слюсарь Н.А. Орфографические соседи: база данных и эксперимент, направленный на изучение морфологической декомпозиции / С.В. Алексеева, Н.А. Слюсарь. – М.: Вопросы психолингвистики, 2017. – № 32(2). – С. 12 – 27.
6. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М., 2000. – 130 с.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82-121

М. Цветаева и «комедьянты»: взаимоотношения поэтессы с театральным искусством

Верховых Ирина Александровна

кандидат филологических наук, доцент Московский Политехнический университет
Москва, Россия
verkhovykh.irina@yandex.ru

M. Tsvetaeva and "comedians": relationship of the poetess with theatrical art

Verkhovykh Irina Aleksandrovna

PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Department of Humanities
Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимоотношений Цветаевой с театральным миром, актерами, процесса выкристаллизовывания образа «комедьянта» в ее творчестве. Автор отмечает, что Цветаева была способна преклоняться перед актерской профессией, однако не могла осознать истоки этого преклонения. Ей мешала присущая ей ироничность, отсутствие кокетства, неоднозначность мировосприятия, собственная артистичность. В статье прослеживаются взаимоотношения Цветаевой с Юрием Завадским, Александром Чабровым, Львом Эллис-Кобылинским, Павлом Антокольским. Автор делает вывод о том, что театральный мир оказал влияние на поэтическое творчество Цветаевой, понимавшей высокую роль и взаимосвязь поэтического и театрального искусства.

Ключевые слова: театр, актер, дар, творчество, артистичность, талант.

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between Tsveltaeva and the theater world, actors, the process of crystallization of the comedian image in her work. The author notes that Tsveltaeva was able to admire the acting profession, but could not understand the origins of this admiration. She was hampered by her inherent irony, lack of coquetry, ambiguity of world perception, her own artistry. The article traces the relations between Tsveltaeva, Yuri Zavatsky, Alexander Chabrov, Lev Ellis-Kobylinsky, Pavel Antokolsky. The author concludes that the theatrical world had an impact on Tsveltaeva's poetic creativity, which understood the high role and interrelation of poetic and theatrical art.

Keywords: theater, actor, gift, creativity, artistry, talent.

Для того чтобы искусство переживания рождало сценическое создание, свободное от фальши, необходимо раз и навсегда самому освободиться от иллюзий обмана, уметь посмотреть на регрессивный процесс материализации того, что овеществлению не подлежит с высоты своего поэтического гения, вмещавшего, по мнению Цветаевой, и поэтический дар, и личность поэта. В статье «Искусство при свете совести» (1932) она писала: «Большим поэтом может быть всякий – большой поэт. Для большого поэта самого большого поэтического дара – мало, нужен равноценный дар личности: ума, души, воли и устремления этого целого и определённой цели...» [4]. Что происходит, когда дар и личность не соответствуют друг другу, когда личность не способна использовать свой дар, данный ему свыше, направить свой талант в нужное русло, Цветаева с гениальной точностью описала в стихотворении «На концерте» (без даты). Приведем его целиком:

Странный звук издавала в тот вечер старинная скрипка:

Человеческим горем – и женским! – звучал ее плач.

Улыбался скрипач.

Без конца к утомленным губам возвращалась улыбка.

Странный взгляд посылала к эстраде из сумрачной ложи

Незнакомая дама в уборе лиловых камней.

Взгляд картин и теней!

Неразгаданный взгляд, на рыдание скрипки похожий.

*К инструменту летел он стремительно-властно и прямо.
Стон аккорда, – и вдруг оборвался томительный плач...
Улыбался скрипач,
Но глядела в партер – безучастно и весело – дама [4].*

Улыбка скрипача никак не вязалась с настроением, которое дарила мелодия, с той за душу хватающей музыкой, которую дарила плачущая скрипка. Сначала незнакомая дама из ложи поддалась настроению рыдающей скрипки, музыка оказывала должное эстетическое воздействие, зрительница почти приблизилась к состоянию катарсиса, взгляд «летел», но возбуждение сложной игры чувств не достигло высшей точки сопереживания: скрипач «улыбался». Как следствие, эмоциональная, эстетическая и духовная составляющие чувственного мира дамы были «вдруг» сведены на нет: она стала глядеть «в партер» (не на сцену) «безучастно и весело».

Сегодня мы говорим о гениальности цветаевского творчества в том числе и потому, что оно явилось результатом созидательного труда, противопоставленного быту и времени. Еще в стихотворении «Мое убежище от диких орд», написанном 16 августа 1918 года, Цветаева так высказалась о значении в ее жизни поэтического творчества:

*Мое убежище от диких орд,
Мой щит и панцирь, мой последний форт
От злобы добрых и от злобы злых –
Ты – в самых ребрах мне засевший стих! [4]*

Стихотворение было написано в год, когда Сергей Эфрон уехал, примкнув к Белым, и Марина осталась одна с двумя дочерьми. С театральным миром, по свидетельству Ариадны Эфрон, ее познакомил совсем юный тогда поэт Павел Григорьевич Антокольский (1896-1978). С 1915 года Павел, или юный Павлик, как называет его Ариадна в своих воспоминаниях, работал в драматической студии, а затем в театре имени Евгения Вахтангова.

Антокольский так вспоминал первое посещение квартиры Марины в двухэтажном доме недалеко от Арбата: «Марина ввела меня в свою комнату. Это была крохотная мансарда с низким потолком. Здесь и днём было темно, так как единственное окно всегда было плотно занавешено. Марина была ночной птицей и

день превратила в ночь. Мебель была старая, дедовских времен, дворянская. Какой-то секретер, какие-то амбирные канделябры, чучело орла на стене, маленькие французские книжки начала прошлого века, широкая тахта, покрытая ковром, – да мало ли в Москве странных человеческих берлог, ещё и поныне дышащих прошлым, мрачно говорящих о чьём-то чудаческом одиночестве! Я перевидал их многое множество на своём веку, но комнаты Марины не забуду никогда. Она была воплощением неблагополучия, неустройства, полного презрения к хозяйству, к быту. Всё вверх дном, в беспорядке, в забросе, как будто это старая корабельная каюта, пережившая двенадцатибалльный шторм» [1].

Антокольский отмечал горячую любовь Марины к своему и «чужому слову», ее «пушкинскую “внутреннюю” свободу», пристрастность в оценках и бескорыстную любовь к чужой славе. «Все её дружбы – это короткие, но очень пылкие и восторженные привязанности. Они возникали внезапно и исчезали без следа. Впрочем, след всегда оставался в стихах. Марина зачеркивала не стихи, а предмет своего увлечения <...>. Она возводила случайных проходимцев в бог знает какой сан, делала это наивно, в силу свойственной ей ребяческой игры в мир, в любовь, в таинственно важные отношения между всеми нами», – вспоминал Павел Григорьевич [1].

На наш взгляд, самое важное, что следует вычленить из его воспоминаний о Марине Ивановне, это слова: «Дружа с нею, я понял, что воистину не боги горшки обжигают, что искусство можно делать голыми руками» [1]. Это напрямую перекликается с позицией Цветаевой относительно реализации поэтического дара, наличие которого вовсе не свидетельствует о том, что этот дар пробудит новые чувства и новое мирозерцание. Важна роль личности, важен сам человек, его душа, способность сначала пропустить эти чувства через себя, а потом донести их до окружающих. Марина Ивановна и дня не могла прожить без поэзии, ее рифмы рождались в нищенской обстановке, в табачном дыму («непроветренные рифмы» – Антокольский), ее поэтический дневник велся ежедневно...

Это Антокольский привел к Марине своего друга Юрия Завадского – актера, любимца женщин, избалованного неотразимого красавца, которому Цветаева посвятила цикл из 25 стихотворений «Комедьянт». Толчком к созданию цикла стала постановка Вахтанговым 13 ноября 1921 года драмы **Метерлинка «Чудо Святого Антония»**. Этот день традиционно считается днем открытия театра имени Евгения Вахтангова. Антония – ангела, сошедшего с небес, чтобы воскрешать людей из мертвых, сыграл Завадский (он же – художник спектакля).

Роль главного героя пьесы Метерлинка и облик актера слились в воображении поэтессы воедино. С одной стороны, ангельская внешность (в то время Юрий Завадский был очень красив, обаятелен, высок и строен, обладал глубоким голосом, мягкими, плавными движениями), с другой – отмеченная Цветаевой внутренняя пустота, лапидарность, слишком резкий контраст между Добром и Злом. Так у Марины Ивановны выкристаллизовывался образ «комедьянта» – обаятельного бесплотного ангела. Святой Антоний – человек-призрак, человек-мираж. Режиссер ставил задачи соединения изящной театральной формы с праздничностью и легкостью сценического представления. Ко всему этому Цветаева относилась иронично. Кокетство, флирт, фарс были чужды глубокой поэтической натуре Цветаевой. Но ее увлеченность вихрем подхватывала эту театральную игру, вовлекала в нее и рождала строки:

*Скучают после кутежа.
А я как веселюсь – не чаешь.
Ты господин – я госпожа,
А главное – как ты, такая ж! [4]*

Завадский поразил Цветаеву высоким ростом и статью, элегантностью, золотыми кудрями с падавшей на лоб седой прядью, огромными синими глазами. Конечно, она увлеклась ярким молодым актером, возвращая ему свои чувства талантливыми стихотворными строчками. Помимо «Комедьянта» великому актеру, родившемуся, по словам Раневской, «в енотовой шубе», посвящены циклы стихов поэтессы «Братья» (1918, вместе с П. Антокольским), стихотворения «Beau tenebreux» (1918), «Я Вас люблю всю жизнь и каждый день...» (1918). Под именем «Юра 3.» он выведен в «Повести о Сонечке» (1937). Марина Цветаева называла его «памятнейшим из всех» и «лицедеем» [2].

В декабре 1918 года Цветаева написала стихотворение, посвященное актеру, начинающееся и заканчивающееся одинаково: «Ваш нежный рот – сплошное целованье...». Стихотворение является своеобразным обоснованием поэтической множественности личности Цветаевой. Во второй строке поэтесса говорит от лица мужчины, в третьей вопрошает: «Единая?».

О мужеподобности Цветаевой написано много. Так, Антокольский вспоминал: «Марина была рослая, некрасивая женщина с открытым, скуластым русским лицом, стриженная по-курсистски, с ровной чёлкой на лбу. Она шагала по улице широкими

мужскими шагами. Через плечо у неё висел охотничий патронташ, набитый папиросами» [1]. Однако в этой способности говорить одновременно от лица женского и мужского, в умении менять маски видится какое-то тяготение к греческой драматизации и понимании роли живого актера в драматическом диалоге.

«Завоеванием» «тыщи» называет триумф Завадского Марина Ивановна. Она пытается осмыслить такое свое преклонение перед талантом великого актера XX века, однако не может понять его истоки:

*Любовь ли это – или любованье,
Пера причуда – иль первопричина,
Томленье ли по ангельскому чину –
Иль чуточку притворства – по призванью [6].*

Как противоречива поэтическая сущность Цветаевой, как неоднозначна она в своих оценках, в своем мировосприятии! Подобно тысячам и тысячам зрителей она преклоняется перед человеком «с ни одной страстью, кроме тщеславия». Думается, такое непостоянство свидетельствует о цветаевской артистичности. Заложенная генетически, она стала развиваться после знакомства с Эллисом (литературный псевдоним Льва Эллис-Кобылинского). «Один из самых страстных ранних символистов, разбросанный поэт, гениальный человек», – писала Марина Ивановна о нем [3].

Валерия Ивановна Цветаева (1883-1966), дочь И. В. Цветаева от первого брака, так охарактеризовала появление Эллиса в Трехпрудном переулке: «Отец благоволил Эллису, как человеку одаренному, образованному. Для Марины и Аси Эллис стал просто Чародеем. Артистичностью своей природы, искренностью, блеском таланта он подчинил души обеих сестер: вдохновенные экспромты его вели их в манящий мир бурной фантастики, приучили чувствовать пульс поэтического творчества. Удивительна была его способность мгновенного перевоплощения, и его мимические импровизации, точность жеста, от смешного до страшного, были неотразимы для каждого видевшего их. Под звуки музыки он преображался, с головы до ног совсем другой. То клоун цирка, то ученый с бородой на стариковский лад <...>» [5]. Действительно, Марина Ивановна называла Эллиса «Чародеем». Тот сделал ей предложение, а ответом на него явилось стихотворение «Ошибка» (год написания предположительно 1911), ключевыми словами которого стали:

*Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках! [4]*

И в этом вся Марина того времени, мятущаяся, неуравновешенная, порывистая, восторженная.

В 1920-х гг. она познакомилась с Александром Александровичем Чабровым (настоящая фамилия – Подгаевский) – музыкантом, актером Камерного театра, и посвятила ему свою поэму-сказку «Переулочки» (апрель 1922) и стихотворение «Не ревновать и не класть». В начале поэмы написано: «Алексею Александровичу Подгаецкому-Чаброву на память о нашей последней Москве».

Ариадна Эфрон так пишет о времени знакомства с Чабровым: «Среди завязавшихся в те годы отношений длительнее всех оказались приятельские связи Марины и Сережи с талантливым актером и музыкантом А. Подгаецким-Чабровым, незабываемым Арлекином из “Покрывала Пьеретты“, человеком мятущимся, восторженным, неуравновешенным. Ему Марина посвятила в 20-е годы свою поэму „Переулочки“, за негасимость его смятенности и за то, что в такое бесподарочное время он – однажды – подарил ей розу» [8]. Стихотворение «Не ревновать и не класть» поэтизирует дружбу между двумя одаренными личностями:

*Не ревновать и не клясть,
В грудь призывая – все стрелы!
Дружба! – Последняя страсть
Недосожженного тела [7].*

Ариадна Эфрон писала о матери: «Так или иначе, ее голос не слился с голосами студийцев, ее слово не прозвучало из их уст. Жаль. Это глубокое человеческое и творческое разочарование Марины ее рукой вывело –эпиграфом к изданному в 1922 году последнему действию „Феникса“ – слова Гейне: „Театр не благоприятен для Поэта и Поэт неблагоприятен для Театра“» [8].

Понимая, насколько противоречивой и неоднозначной была натура Марины Ивановны Цветаевой, проанализировав ее взаимоотношения с миром театра, актерами и поэтами, можно сделать обратный вывод: театр, вне всяких сомнений, оказал влияние на поэтическое творчество Цветаевой. Театральный мир, встреча с актерами, посещение спектаклей послужили толчком для создания целого ряда стихотворений и поэм, демонстрирующих высоту духа поэтессы, чувство жертвенной

любви к предмету своего обожания, а – главное – осознанию сущности и роли театрального и поэтического искусства.

Список литературы

1. Антокольский П. Мои записки // Автобиографическая повесть. Часть 2.2.: О М. И. Цветаевой. 1953 г. URL: <http://www.antokolsky.com/index.php/ru/literature/memoirs/zvetaeva> (дата обращения 15.01.2020).
2. Бенуа С. Галина Уланова. Одинокая богиня балета. URL: <http://ogrik2.ru/b/sofya-benua/galina-ulanova-odinokaya-boginya-baleta/29325/glava-13-yurij-zavadskij-strannyj-brak-dlinoyu-v-zhizn/14> (дата обращения 10.02.2020).
3. Марина Цветаева и Лев Эллис-Кобылинский. URL: <https://krapan-5.livejournal.com/599285.html> (дата обращения 21.01.2020).
4. Наследие Марины Цветаевой. URL: <http://www.tsvetayeva.com> (дата обращения 22.01.2020).
5. Цветаева В. Воспоминания о Марине Цветаевой. URL: http://www.ereading.club/bookreader.php/95886/Vospominaniya_o_Marine_Cvetaevoyii.html (дата обращения 09.01.2020).
6. Цветаева М. И. Поклонись Москве...: Поэзия. Проза. Дневники. Письма. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 528 с.
7. Цветаева М.И. Стихотворения; Поэмы; Драматические произведения. – М.: Худож. лит., 1990. – 398 с.
8. Эфрон А. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/95840/Efron_-_O_Marine_Cvetaevoyii._Vospominaniya_docheri.html (дата обращения 01.02.2020).

УДК 821.161.1

Диалогическая форма и семантика эссе И.А. Бродского «Письмо Горацию»

Малашенко Владимир Владимирович

канд. филол. наук, доцент Института гуманитарных наук
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, РФ, г. Калининград
vladmalkbg@yandex.ru

The dialogue form and semantics of I.A. Brodsky's "Letter to Horace"

Malashchenko Vladimir Vladimirovich

candidate of philological sciences, Associate professor of Institute of Human Sciences
Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественной формы и смысла эссе И.А. Бродского «Письмо Горацию». При помощи структурно-семантического анализа исследуются знаковые категории произведения – жанровая и идейно-тематическая. В эссе выделены и рассмотрены мотивная структура (эротические мотивы, мотивы сновидения, зеркала, отражения, двойничества) и ключевые темы:

диалогичности, поэта и поэзии, языка, памяти, поэтического бессмертия в контексте доминантной авторской идеи поэтической преемственности и метемпсихоза, метаморфозы, перевоплощения. Доказывается, что на эксплицитном уровне поэтику эссе определяет синтез трагического и иронического модусов художественности.

Ключевые слова: И. Бродский, Гораций, жанр послания, тематика, диалог, сновидение, метемпсихоз.

Abstract. The article is devoted to the study of the art form and meaning of I.A. Brodsky's "Letter to Horace". Structural-semantic analysis is used to study the iconic categories of a work - genre and ideological-thematic. In the essay, the motive structure (erotic motifs, dream motifs, mirrors, reflections, duality) and key topics: dialogue, poet and poetry, language, memory, poetic immortality in the context of the dominant author's idea of poetic continuity and metempsychosis, metamorphosis, reincarnation are highlighted and considered. It is proved that at an explicit level the poetics of the essay determines the synthesis of the tragic and ironic modes of artistry.

Keywords: I. Brodsky, Horace, message genre, subjects, dialogue, dream, metempsychosis.

Знаковое, центральное место в творчестве И.А. Бродского отведено теме физической смерти и поэтического бессмертия. В стихотворении «Письма римскому другу» (1972) эта тема раскрывается через продолжение жизни после ухода из нее лирического героя стихотворения. Подзаголовок, имя Марциала, предваряющее стихотворение, подключает в сознание реципиента мощный культурный пласт античного мира. Центром гравитации этого мира выступают культовые фигуры римского классицизма эпохи Августа Октавиана – Вергилий, Гораций и Овидий. Сравнивая стихотворение Бродского с одой Горация «К Постуму», Лев Лосев очень точно отмечает, что «со знаменитой одой Горация “Письма римскому другу” роднит не только тема быстротечности жизни, но и то, что оба произведения кончаются картиной жизни, продолжающейся за вычетом автора (лирического героя)» [1, с. 273].

Поэзия и смерть, смерть и поэтическое бессмертие – к этой теме поэт обращается не только в стихах, но и в прозе. Она становится определяющей в эссе И. Бродского «Letter to Horace», которое было впервые опубликовано поэтом в США в сборнике эссе «On Grief and Reason» в 1995 году.

Спустя три года в России вышел сборник поэта «Письмо Горацию», содержание которого составили переводы с английского языка одиннадцати эссе И. Бродского, посвященные поэзии и выдающимся поэтам, как отечественным (О. Мандельштам, М. Цветаева), так и зарубежным (К. Кавафис, Э. Монтале, У. Оден, Р. Фрост, Р. Рильке, Гораций и др.). Практически все эссе, за исключением первого – «Как читать книгу» – это диалог И. Бродского, порой заочный, с собратьями по ремеслу, по духовной

общности, вне зависимости от того, живы или нет адресаты. Высокохудожественный перевод эссе на русский язык выполнен отечественной переводчицей Е. Касаткиной.

«Письмо Горацию» логически и тематически завершает сборник эссе, как бы стягивая воедино и декодируя все его смыслы и, как нам представляется, является программным для поэта. О важности этого эссе для самого поэта говорит и тот факт, что его заглавие определило название и тематику всего сборника. Письмо написано в форме обращения к конкретному адресату, Квинту Горацию Флакку, одному из создателей римского классицизма наряду с Вергилием и Овидием. Подчеркнем, что имена двух последних поэтов неоднократно упоминаются в «Письме», но главный адресат – Гораций. Всего на протяжении эссе Бродский апеллирует к Горацию 33 раза, из них 28 – обращается к поэту по-дружески, по имени – Флакк. Подобное дружеское обращение создает особую доверительно-искреннюю атмосферу, неприхотливость разговора, динамику и свободную смену тем, константно присущую как эпистолярному жанру, так и жанру эссе, а само обращение создает «основное движение в диалоге» [2, с. 111].

Понятие диалога, диалогичности в отечественной науке наиболее полно разработано М.М. Бахтиным. Диалог у Бахтина есть основа познания, коммуникации человека с миром, диалог со-бытием, он – базовая онтолого-экзистенциальная, гносеологическая категория. По мысли ученого «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть *глубочайшее общение*. *Быть* – значит *общаться*. Абсолютная смерть (небытие) есть неслышанность, непризнанность, невоспомянута (Ипполит). Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит *в глаза другому* или *глазами другого*» [3, с. 312].

Бродский обращается к Горацию как к своему поэтическому предшественнику, Мастеру, учителю, другу, единомышленнику. Он пишет о литературной преемственности, поскольку «каждый автор развивает – даже посредством отрицания – постулаты, идиоматику, эстетику своих предшественников» [4]. Предшественниками Горация являются греческие поэты архаического периода и, что интересно, в знаменитой 30-й оде третьей книги од «К Мельпомене» Гораций главным поэтическим достижением считает то, что именно он был первым, кто «эолийский напев в песнь италийскую» [5, с. 148] перелил. Как отмечает С.С. Аверинцев, поэт хвалится «только этим – и ничем другим. В этом римский поэт видит, ни много, ни мало, залог своего бессмертия» [6, с. 9].

Обозначим основные темы и мотивы эссе: тема поэта и поэзии, языка, диалогичности, памяти, бессмертия – как центральные; тема смерти, неумолимого хода времени, одиночества, дружбы, любви; эротические мотивы, мотивы сновидения, а также мотивы зеркала, отражения, двойничества, расширяющие доминантную идею метемпсихоза, метаморфозы, перевоплощения. М. Бахтин, анализируя произведения Ф. Достоевского, очень точно отмечает суть физического и духовного существования человека: «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. <...> Все в романах Достоевского сходится к диалогу, к диалогическому противостоянию как к своему центру. Все – средство, диалог – цель. Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – *minimum* жизни, *minimum* бытия» [7, с. 153].

Сюжетное ядро эссе составляют два тесно сплетенных плана повествования. Первый – эротическое сновидение, второй – последующая рефлексия, попытка понимания и истолкования поэтом смысла сновидения. Поэт засыпает, читая девятую оду второй книги Горация, посвященную другу Горация Гаю Валгию Руфу, в которой упоминается Каспий, дальняя Армения и скифы. Первый план – сон, «густая эротика» [8, с. CCLXXIV], соитие с женщиной, с которой когда-то давно в Риме у Бродского была любовная связь, и лица которой во сне поэт никак не может вспомнить. При пробуждении рядом оказывается лежащая раскрытая книга од Горация.

Второй план составляет основную часть эссе. Ритм любовного соития, в котором «было что-то явно логаядическое» [Там же, с. CCLXXVII], соотносится у Бродского с общим движением стиха Горация. Далее следует цепь символических размышлений-ассоциаций. Поэт никак не может вспомнить лиц Горация, Вергилия, Овидия, Проперция, как в своем эротическом сне не мог увидеть лица своей возлюбленной. Он вспоминает, что в латинском языке «поэзия» – женского рода и приходит к парадоксальному выводу о том, что «корпус латинской поэзии – ее золотого века – стал предметом моей неотступной любви прошлой ночью» [Там же, с. CCXCVI]. Отправной точкой этого рассуждения служит иронически-эротическое начало эссе, свидетельство Светония, не подтвержденное документально, о чем Бродский скажет позже специально еще раз, о спальне Горация, стены которой были увешены зеркалами. Мотив зеркала, отражения объединяет как воспоминание Бродского о спальне Горация и его собственной спальне в Риме, так же украшенной зеркалом, так и фигуры самих поэтов, декларативно кодируя идею метемпсихоза.

Крайне важно, что уже в самом начале «Письма», во втором абзаце, Бродский проводит первую параллель, а затем делает это постоянно, между возрастом и судьбой Горация (Гораций умер в неполные 57 лет) и собственными возрастом (Бродскому – 54 года) и судьбой. В последующих рассуждениях эта общность будет спроецирована писателем и на явную схожесть поэтик двух поэтов – насыщенную поэтическую, порой переходящую в пластику, сгущенную образность, изощренную ритмику, причудливо-искусную смену тем, обилие анжанбеманов, намеренное затрудненное расположение слов в стихе и так далее. Поэтому вряд ли вызовет удивление у читателя мысль Бродского, обращенная к Горацию и высказанная в эссе дважды с зеркальной симметрией: «... через две тысячи лет природа вынуждена повториться. И даже Бог. Поэтому я легко мог бы заявить, что это лицо в зеркале, по сути, *твое, что ты – это я*» [8, с. CCLXXX]. А через несколько страниц пишет: «Я не твой современник: я не он, потому что *я почти что ты*» [8, с. CCXC] (курсив наш. – В.М.).

Вся поэзия Бродского, как и весь сборник эссе «Письмо Горацию, есть не что иное, как непрекращающийся диалог, в том числе и мысленный, с Горацием, всей латинской поэзией золотого века, всей высокой поэзией вообще, как отечественной, так и зарубежной, в том числе и в лице англо-американского поэта XX века Уистена Хью Одена, чьи стихотворные строки о метрическом стихе взяты Бродским эпиграфом к своему эссе. «Так или иначе, я постоянно отвечаю тебе, особенно когда пользуюсь трехстопным ямбом. А теперь я продолжаю этим письмом» [Там же, с. CCLXXX], – пишет Бродский Горацию. И далее продолжает: «На худой конец, мы можем общаться с помощью размеров» [Там же, с. CCXCIX].

В свое время Гораций пришел к закономерному выводу о том, что именно поэзия способна преодолеть время, смерть, «ведь она делает поэта равным богам, даруя ему бессмертие и позволяя обессмертить в песнях друзей и современников» [9, с. 433]. Так, например, Гораций закрепил в веках не только имя своего друга Гая Валгия Руфа, но и его скорбь, связанную с утратой сына Миста, в своей девятой оде второй книги од, которая, в свою очередь, «вызвала» определенный сон и стала точкой отсчета И. Бродского для рассуждений о поэтическом творчестве. Искусство, поэзия, ее размеры, по мнению Бродского, вечны, они выше смерти. Поэзия, язык побеждает небытие, преодолевает время. Этой мыслью, например, поэт заканчивает стихотворение «... и при слове “грядущее” из русского языка» (1975): «От всего человека вам остается часть // речи. Часть речи вообще. Часть речи» [10, с. 327]. Но, по мнению Бродского, у человека есть еще одна возможность победить смерть – при помощи снов, ведь сон «возможно последняя – форма возрождения жизни» [8, с.

ССХС], «моментальная метаморфоза» [Там же, с. ССХСVII], «сон – это самое реальное» [Там же, с. ССХСVIII]. Онейрическая сфера для Бродского равнозначна реальной действительности. И Гораций не менее реален для поэта, чем любой предмет материального мира.

Подчеркнем особо, что диалог с Мастером, с Горацием, есть одновременно, а может быть и в первую очередь, разговор поэта с самим собой. Он свидетельствует об автокоммуникации [11], поскольку маятник диалога в эссе постоянно «открывается» от диады «Я – ТЫ», к диаде «Я – Я». По форме эссе Бродского представляет собой субъективно-обнаженный лирический монолог, успешную попытку проникновения, «вживания», вчувствования в образ другого поэта и, одновременно – серьезный разговор о собственных онтолого-аксиологических представлениях. Последний аспект эссеистики Бродского в свое время очень точно обозначила В. Полухина: «Во всех эссе перед нами предстает прежде всего система ценностей самого Бродского, поэтических и этических» [12].

Следует также отметить маркированность всего эссе иронически-трагической, возвышенной модальностью эстетического завершения, поскольку его основная тема – тема поэзии, бессмертия и, одновременно, тленности человеческой жизни. Иронично рассуждая в эссе о своем переходе в мир иной, Бродский прекрасно понимал, что если его попадание в сонм великих произошло уже при жизни (Нобелевская премия 1987 года), то попадание в элизиум – дело ближайшего будущего, поскольку четыре перенесенных инфаркта не давали повода к сомнению.

В феврале 1995 года «Письмо Горацию» было напечатано. Менее чем через год, в ночь с 27 на 28 января, Бродский умер в возрасте неполных 56 лет, несколько месяцев «не дотянув» до возраста Горация и 4 года – до конца XX века. Совпадение, но Гораций умер в возрасте неполных 57 лет, тоже 27 числа, только ноября месяца 8 г. до н.э., не дожив нескольких лет до окончания тысячелетия. Поневоле можно поверить в перевоплощение, духовное и телесное, о котором иронично и провидчески писал Бродский.

Несмотря на физическую смерть, оба поэта своими произведениями продолжают победоносное шествие через века наперекор беспощадному Хроносу. Интимно-доверительная, дружески-профессиональная, трагически-ироническая атмосфера эссе Бродского не случайна, так как это диалог вопреки смерти сквозь время двух равновеликих поэтов. Это путь в вечное бессмертие через художественное слово. Для истинных поэтов никакая временная дистанция не является преградой для

полноценной встречи с собратом по «цеху», пусть эта встреча и произошла, как в данном эссе, в онейрической сфере.

В подобный диалог на равных с неожиданно трагически ушедшим из жизни поэтом Владимиром Семеновичем Высоцким вступает, понимая неизбежность смерти и катастрофичность потери, Юрий Визбор в стихотворении 1982 года «Письмо» («Пишу тебе, Володя, с Садового кольца»):

*«Мы здесь поодиночке смотрелись в небеса,
Мы скоро соберемся воедино,
И наши в общем хоре сольются голоса,
И Млечный Путь задует в наши спины» [13, с. 380].*

Список литературы

1. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008. 447 с.
2. Бубер М. Диалог // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 94–124.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Бродский И. Поэт и проза. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_poetprosa.txt (Дата обращения: 21.04.2020).
5. Гораций. Собрание сочинений. СПб: Биографический институт «Студия Биографика», 1993. 447 с.
6. Аверинцев С.С. Римский этап античной литературы // Поэтика древнеримской литературы: жанры и стиль. М.: Наука, 1989. С. 5–21.
7. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994. 173 с.
8. Бродский И. Письмо Горацию. М.: Наш дом – L'Age d'Homme, 1998. 304 с.
9. Гаспаров М.Л. Гораций, или Золото середины // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 416–439.
10. Бродский И. Форма времени. Стихотворения, эссе, пьесы: в 2 т. Мн.: Эридан, 1992. Т.1. 480 с.
11. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 23–45.
12. Полухина В. Бродский о своих современниках. URL: <https://magazines.gorky.media/urnov/2000/3/brodskij-o-svoih-sovremennikah.html> (Дата обращения: 22.04.2020).
13. Визбор Ю.И. Ты у меня одна. М.: Локид-Пресс, 2001. 462 с.

УДК 17.82.30

**Составляющие образа автора-повествователя в книге В. Астафьева
«Последний поклон»**

Маукеева Айгуль Орынбасарқызы

магистр педагогических наук, преподаватель
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, Алматы
maukeeva2012@mail.ru

Байгушикова Акбота Мусаевна

старший преподаватель, Казахский национальный университет имени
аль-Фараби Казахстан, Алматы
baygushikova@inbox.ru

**Components of the image of the author-narrator in the book of V. Astafiev "Last
bow"**

Maukeyeva Aigul Orynbasarkyzy

master of pedagogical sciences, teacher al-Farabi Kazakh National University
Kazakhstan, Almaty

Baigushikova Akbota Musayevna

Senior Lecturer, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

Аннотация. В статье говорится об актуальности творчества известного русского писателя В. Астафьева. Цель статьи - раскрыть образ автора-повествователя в рассказах, входящих в различные издания цикла «Последний поклон», показать наиболее важные в рамках темы аспекты, характеризующие образ автора в его «взаимоотношениях» с персонажами. Авторы рассматривают основные константы художественной картины мира В.П.Астафьева, связанные с традиционной крестьянской культурой. В работе отмечается, что из множества работ, созданных в рамках проблемы автора, наибольшее значение для современного литературоведения по-прежнему имеют работы М. М. Бахтина и тех исследователей, которые развивают основные его положения на опыте конкретного творчества, в частности, работы В. Кожина.

Ключевые слова: образ автора, лирико-философская проза, биографическое повествование, мировоззрение автора.

Abstract. The article talks about the relevance of the work of the famous Russian writer V. Astafyev. The purpose of the article is to reveal the image of the author-narrator in the stories included in various editions of the series "The Last Bow", to show the most important aspects of the topic that characterize the image of the author in his "relationship" with the characters. The authors consider the main constants of the artistic picture of the world of V.P. Astafyev. The paper notes that of the many works created within the framework of the author's problem, the most important for modern literary studies are still the works of M. M. Bakhtin and those researchers who develop its main provisions on the experience of specific creativity, in particular, the work of V. Kozhinov.

Keywords: image of the author, lyrical-philosophical prose, biographical narrative, the author's worldview.

Виктор Петрович Астафьев (1924–2001) – из числа тех писателей, которые еще при жизни вошли в плеяду классиков русской литературы второй половины XX века. Творчество писателя обрело широкое читательское признание на рубеже 1960-1970-х годов. Современную русскую словесность уже нельзя представить без его книг «Последний поклон», «Царь-рыба», «Ода русскому огороду», «Пастух и пастушка» и др.

Основой творческого мировоззрения писателя стал поиск смысла жизни, определение сути высших категорий бытия, борьба со злом во всех его проявлениях.

Критики и литературоведы немало писали об Астафьеве. Так, в одной из рецензий критик Ал. Михайлов замечал, что без произведений Астафьева современной прозе «недоставало терпкого духа жилья, густоты красок деревенского, детдомовского, солдатского и народного быта, живой экспрессии крестьянской речи, а более всего – крутоватых, норовистых, народных характеров» [1, с. 34]. Целый пласт народной культуры, отечественной истории, связанный с эпохой коллективизации, войной, послевоенной жизнью, своеобразно преломился через «автобиографию поколения», лирическую исповедь современника в книгах писателя.

Большое значение имеют работы критика А. Н. Макарова, в которых наиболее глубоко и точно подмечены главные черты творческой индивидуальности художника – «по натуре своей он моралист и поэт человечности» [2, с. 89].

Особый интерес, в частности, вызывают проблемы теоретического характера, возникающие при изучении творчества Астафьева позднего периода. Среди них – проблема автобиографизма, соотнесенность образов автора и героев, взаимодействие их «точек зрения», роль рассказчика в организации повествования и др.

Центром творчества В. Астафьева, как отмечалось, стала его собственная жизнь и биография его поколения. «Последний поклон» является своеобразным итогом творчества писателя, в котором отразились основные вехи развития страны.

Почему же Астафьев в своем творчестве обращается к анализу собственного жизненного пути? Потому, что события, пережитые им, были значимы для истории страны: тридцатые и последующие годы, коллективизация и ее последствия, голод и разруха, затем война и ее разрушительные результаты, в том числе, и в духовной сфере.

Рассказывая о замысле книги, ставшей через двадцать лет «Последним поклоном», автор говорит о своем стремлении восстановить конкретную правду о прошлом Сибири в противовес расхожим, отвлеченным представлениям о ней.

Получившее широкое распространение конкретные «олицетворенные» авторские внутритекстовые проявления дают веские основания литературоведам внимательно исследовать образ автора в художественной прозе В. Астафьева, обнаруживать различные формы его присутствия в тексте. Как правило, авторская субъективность отчетливо проявляется в рамочных компонентах текста: заглавии, эпиграфе, начале и концовке основного текста. Чтобы расширить границы рассматриваемой проблемы, обратимся к авторитетному мнению М. М. Бахтина. Внутри автобиографических произведений разного типа М. М. Бахтин выделяет три общих типичных случая отношения автора к герою («внутри каждого возможно множество вариаций», подчеркивает ученый). «Только глазами героя и не может не переживать только изнутри события своей жизни; автор не может найти убедительной и устойчивой ценностной опоры вне героя. В противном случае из-под пера выйдет или философский трактат, или самоотчет-исповедь, или, наконец, данное познавательно-эстетическое напряжение найдет выход в чисто жизненных, этических поступках-действиях», - утверждает М. М. Бахтин. - «... Нужно найти такую позицию по отношению к герою, - при которой все его мировоззрение во всей глубине, с его правотою или неправотою, добром и злом – одинаково стало бы лишь моментом его бытийного целого, нужно не слушать и не соглашаться с героем, а видеть его всего в полноте настоящего и любоваться им» [3, с. 80].

Вторая возможность, выделенная М. М. Бахтиным: автор завладевает героем. Отношение автора к герою становится отчасти отношением к самому себе: «Герой начинает сам себя определять, рефлекс автора влагается в душу или в уста героя». Такой герой бесконечен для автора, то есть все снова и снова возрождается, требуя все новых и новых завершающих форм, которые он сам же и разрушает своим самосознанием.

И, наконец, третье обобщение: автор осмысливает свою собственную жизнь эстетически, как бы играет роль: «Такой герой самодоволен и уверенно завершен». Подчеркивая глубокую ценностную роль в нашем бытии диалога Я и Другого, Бахтин полагал, что автор в своем тексте «должен находиться на границе создаваемого им мира как активный творец его, ибо вторжение его в этот мир разрушает его эстетическую устойчивость». Иными словами, произведение не может состояться как «эстетическое событие», если в нем присутствует либо только автор, либо только его герой: «Эстетическое событие может совершиться лишь при двух участниках, предполагает два несовпадающих сознания. Когда герой и автор совпадают или оказываются рядом друг с другом перед лицом общей ценности или друг против друга

как враги, кончается эстетическое событие и начинается этическое (памфлет, манифест, обвинительная речь, похвальное и благодарственное слово, брань, самоотчет-исповедь и проч.). Когда же героя вовсе нет, даже потенциального – потенциальное событие (трактат, статьи, лекция)». [3, с. 137-141].

Образ автора – это один из образов произведения, созданный реальным автором подобно тому, как он создал и все другие образы, подчеркивал М.Бахтин. Этот образ может выступить как полноценный образ непосредственного героя – участника действия, что чаще характерно для автобиографических повествований. Образ автора может реализоваться и в образе рассказчика, повествователя, хотя образ рассказчика далеко не всегда является образом автора. [4, с. 75].

Автор – создатель художественного произведения. Его присутствие в литературном тексте заметно в разной степени. Он или прямо выражает ту или иную идею произведения, говорит с читателем от собственного имени, или прячет свое «я», как бы самоустраняется из произведения. Такая двойная структура авторского образа всегда объясняется общим замыслом писателя и стилем его произведения. Иногда в художественном произведении автор выступает в качестве вполне самостоятельного образа. Автор-повествователь – автор, который прямо выражает главную идею произведения, говорит с читателем от собственного имени.

В статье «Проблема автора и путь писателя» В. Кожин говорит: «Автор всегда выступает в произведении и как изображающая сила, и как творческий субъект произведения. Сущность этого художественного феномена с особой отчетливостью выявляется именно на материале образа автора. Ведь автор как творческий субъект воплощается и в этом изображении самого себя. И воплощается он уже не в форме образа, а в форме голоса автора – голоса, который проникает всю цельность произведения». Голос автора, как отмечает В. Кожин, реализуется с разной степенью отчетливости и чистоты. Он присутствует не только в повествовании, но и в речи (и тем более в несобственно-прямой речи, во «внутренних монологах») героев произведения. Нередко он целиком вплетается в голос героя или рассказчика, даже как бы растворяется в этих голосах, и его очень трудно уловить и выделить. Воспринимая произведение, неизбежно воспринимаешь и его автора, далеко не всегда отдавая отчет в том, как и откуда он предстает пред нами эстетическим сознанием. «Задача исследователя состоит в том, - размышляет В. Кожин, - чтобы уловить и аналитически выявить голос автора, пронизывающий произведение, и, далее, творчество писателя в целом» [5, с. 47]. Такой анализ имеет первостепенное значение, так как именно в голосе автора объективно воплощены видение, понимание

и оценка созданного в произведении художественного мира и составляющих его отдельных образов, в том числе и образа самого автора, если он имеется в произведении.

Таким образом, проблематика, связанная с соотношением голоса автора и созданного им художественного мира, исключительно богата и многогранна.

В. Кожин подробно останавливается на проблеме изменения, развития автора (и, конечно, объективирующего его голоса) на протяжении творческого пути писателя. И этот подход к решаемой проблеме объективно применим к творчеству В. Астафьева.

Нередко писатель В. Астафьев в разной степени сам – материал своего творчества, источник своего художественного мира. Это, действительно, является одной из основных особенностей русской литературы, которая более других склонна к исповедальности. Когда русский писатель говорит «Я», это часто не отвлеченное «Я» лирического героя, а именно он – писатель со своей биографией, своей школой и миром. В таких произведениях ощутима интонация непринужденной беседы с читателем, ненамеренных отступлений, живого слова самого создателя произведения.

В отдельных произведениях В. Астафьева («Пастух и пастушка», «Звездопад», «Кража» и др.) эти авторские ремарки и речи скупы, в других – явно ощущается присутствие писателя, слышен его голос, его мнение.

В произведениях с автобиографическим сюжетом центр тяжести проявляется не в богатстве и значительности действий, автор повествует не столько о событиях внешних, сколько о внутренних переживаниях. С этим авторским замыслом связано стремление до известной степени обобщить события внутренней личной жизни и, что еще важнее, ввести сюжет в какие-то художественно-определенные рамки – расположить его элементы в порядке, вызываемом требованиями художественного эффекта. Нередко при этом сюжет, продиктованный лично пережитым, переплетается не только о том, что с ним было, но и о том, что могло бы быть. Для полноты восприятия выдвинутого понятия необходимо сформулировать вопрос: в какой мере можно говорить об «образе» автора в произведении?

По Бахтину, «образ автора» создается подлинным автором (творцом произведения) по тому же принципу, что и автопортрет в живописи. Эта аналогия позволяет достаточно четко отграничить творение от творца. Автопортрет художника, с теоретической точки зрения, может включать в себя не только его самого с мольбертом, палитрой и кистью, но и стоящую на подрамнике картину, в которой

зритель, внимательно приглядевшись, узнает подобие созерцаемого им автопортрета. Иначе говоря, художник может изобразить себя рисующим этот самый, находящийся перед нами, автопортрет. Но он не может показать, как создается эта картина в целом – с воспринимаемой зрителем двойной перспективой (с автопортретом внутри). Как подчеркивает М. Бахтин, для создания «образа автора», как и любого другого, подлинному автору необходима точка опоры вне произведения, вне «поля изображения».

Рассматривая образ автора, академик В. В. Виноградов отмечает, что «он является одновременно и отпечатком творческого сознания его исследователя или поклонника и – вместе с тем – отражением объективных качеств художественных свойств стиля и личности самого предмета изучения» [6, с. 156]. Говоря кратко, образ автора, по Виноградову, – это центр художественно-речевого мира, обнаруживающий эстетические отношения автора к содержанию собственного текста. Следовательно, существуют два подхода к восприятию рассматриваемой проблемы, предложенные двумя замечательными исследователями: первое – суть ассоциативное мышление, переданное по аналогии с живописью, второе – словесным выражением того же понятия. Оба определения дополняют друг друга, не противореча в главном.

По мнению М. Бахтина, автор осмысляет этот мир с более высоких и качественно иных позиций. Все персонажи и их речи являются объектами авторского отношения (и авторской речи). Но плоскости речи персонажей и авторской речи могут пересекаться, то есть между ними могут возникать диалогические отношения.

Диалог и монолог принадлежат к числу базовых понятий филологии, в частности, литературоведения. Диалогическую и монологическую речь (при всей глубине различий между ними) объединяет то, что оба рода словесных образований подчеркивают авторство. Различные формы монологов и диалогов целеустремленно используются в художественной литературе. Интонационная выразительность речи здесь особенно велика. Авторский монолог придает определенную целостность литературному произведению.

При подобном подходе категория «голос автора» может быть соотнесена не только с монологом и диалогом, но и с другими специфическими формами организации речевого материала: это различные варианты диалога и монолога, характеристика персонажа или его портрет, «вставные» формы (вставная новелла или стихи и т.п.). Голос автора может реализоваться с разной степенью отчетливости и чистоты, что присуще, в частности, повествованию «Последнего поклона». Голос автора присутствует не только в повествовании, но и во внутренних монологах героев

произведения, где он иногда вплетается в голос героя или рассказчика, даже как бы растворяется в этих голосах, и его очень трудно уловить и выделить.

Литературное произведение составляет определенную целостность, которую можно охарактеризовать как авторский монолог, обращенный к читателю. Так, в статье «Эстетика словесного творчества» из записей 1970-1971 годов, М. М. Бахтин отмечает, что «первичный автор, если он выступает с прямым словом, не может быть просто писателем: от лица писателя нельзя ничего сказать, иначе писатель превращается в публициста, моралиста, ученого и т.д. У Достоевского, где все персонажи – идеологи, автор и такие герои (мыслители-идеологи) оказываются в одной плоскости». [3, с. 353]. В отличие от реального автора, созданный им образ автора лишен непосредственного участия в реальном диалоге. Он участвует в нем лишь через целое произведение. Однако он может участвовать в сюжете произведения и выступать в изображенном диалоге с персонажами.

И в этой связи возникает новый вопрос: как можно охарактеризовать произведение, где повествование идет от лица автора, его голосом, персонифицированным в главном герое произведения? Четкого жанрового определения подобного произведения до сих пор нет. Одни исследователи склонны видеть в нем мемуары особого рода. Другие применяют к нему название «записки». Третьи – употребляют понятие эссе. А исследователь современной русской литературы Наталья Иванова в своей книге «Точка зрения» назвала подобные произведения «авторской прозой», прозой «прямого непосредственного авторского высказывания», в которой автор выступает одновременно и рассказчиком, и героем. Произведения такого рода, по мнению критика, в литературном процессе играют особую роль [7, с. 55].

Время настойчиво требует от литературы открытого разговора с читателем, разговора «начистоту», без посредников и образных масок. Скорее всего, поэтому в последнее время все чаще происходит эссеизация жанров повести и романа. В произведениях подобного типа художественное повествование размывается волнами публицистики, а в «голоса» их персонажей отчетливо вплетается - а иногда и солирует – авторский голос.

Книга «Последний поклон» не писалась как повесть единым, четко организованным сюжетом и со сквозными персонажами, каждому из которых отведена своя особенная роль. Ей предшествовали самостоятельные рассказы о детстве. Как повесть книга сложилась, когда были созданы последняя глава – «Где-то гремит война», глава завершающая – «Последний поклон». Рассказ «Далекая и

близкая сказка» придал всеобщее ключевое значение произведению, приобретя подзаголовок «Вместо вступления». Герои писателя часто носят подлинные фамилии. Сам автор не утаивает себя за героями и пишет именно о себе, о частном человеке, который интересен потому, что в его судьбе отразилась судьба поколения. Авторская условность у Астафьева почти неощутима, это стремление писателя объективировать для самого себя события собственной жизни, личные впечатления.

Образ автора представлен совмещением различных возрастных сфер (ребенка и отрока, юноши и взрослого, пожилого человека). Это непосредственный участник и наблюдатель событий, проявляющий себя в двух формах (автора-повествователя, «авторского я», и — незримого спутника героев, сливающегося с ними, смотрящего на мир их глазами). «Автор» смотрит на мир то глазами одинокого сироты-подростка, стоящего на перекрестке судьбы, перед неведомым будущим, то взором знающего и предсказывающего это будущее человека. На «стыке» знания и незнания, как отзвук неистовых страстей, сгубивших азартного деда Павла (отцовская ветвь повествователя), формируется символический образ судьбы, играющей людьми: «Нет мне удачи и, видно, не будет; удача, — говаривал картежник дед Павел, — вроде очка, выпадает редко, чаще недобор или перебор, и вся житуха есть игра в три листа: рождение, жизнь и смерть. Разница в том, сколько сроку выпадает, пока сдает судьба карты...» [5, с. 31].

Все главы «Царь-рыбы» соединены воедино как видения памяти «автора». Сюжетно-композиционной канвой их становятся «авторские» возвращения: поездки на родину, воспоминания о судьбе родного края и близких.

В творчестве Виктора Астафьева — ведется ли повествование непосредственно от первого лица («Последний поклон») или прямое «Я» отсутствует, а вместо него появляется мальчик Илья («Перевал»), или, наконец, отсутствует «Я» и «Он», а главным действующим лицом является «Мы» — групповой портрет и тоже групповая биография обитателей детского дома в северном городе Краесветске — всюду безошибочно угадывается биография авторская. После прочтения «Последнего поклона» становится очевидным, что город Краесветск из ранней повести «Кража», которая принесла ее автору широкую известность, — это другой реальный город Игарка, а детдом — тоже не краесветский, а игарский, и «мы», игарские детдомовцы, тоже не столько мы, сколько «я» — реальный Виктор Астафьев.

Углубление творческого метода В. Астафьева последовательно шло к своему истинному и автобиографическому герою — чем дальше, тем все более и более реалистическому и убедительному. Если Илья из ранней повести «Перевал» несет в

себе наивное желание понравиться читателю, если в ней даже имена действующих лиц выдают некоторую нарочитость – Иисусик, Летяга, Дерискул, собачонка с прозвищем «Архимандрит», – то «Я» из «Последнего поклона» совершенно лишен этой нарочитости.

Лучшие страницы в автобиографической книге «Последний поклон» В. Астафьев посвятил не родителям своим, а тем своим воспитателям, которые складывали его уже сознательный ум, и среди них, прежде всего – бабушке Катерине Петровне. Бабушка изображена в «Последнем поклоне» как характер сложный и яркий. Являясь частью крестьянского мира, она хорошо понимает и соблюдает все законы народной жизни. Хотя ей пришлось жить в сложное время, и судьба ей выпала тяжелая, она, «надсаженная» и «изработанная», не потеряла веру в жизнь и умеет замечать радости в своей простой и нелегкой жизни. Самая большая радость для нее – это семья и труд. В крестьянском мире, изображаемом в «Последнем поклоне» бабушка порой выступает в качестве инициатора и «двигателя» крестьянской жизни. Будучи по природе добрым человеком, она с сочувствием относится ко всему окружающему, бескорыстно помогает людям, не щадя ни сил, ни денег. На личном примере бабушка утверждает нравственные ценности крестьянского мира. Однако автор не идеализирует образ бабушки, она не всегда поступает справедливо, иногда ее «крутой» характер приводит к семейному разладу, к конфликтам.

Несколько глав в повествовании В. Астафьев посвящает самым близким своим родственникам: деду, отцу, дяде Васе. Любит или не любит своих героев автор, неясно, но, несомненно, с ними его связывают родственные чувства, всегда неоднозначные и непростые. Как художник, он беспощаден к явлению, воплощенному в хорошо известных ему лицах. Не только любовью, благодарностью и вниманием, но и нескрываемой горечью, но и открытой издевкой и легкой усмешкой сопровождает В. Астафьев тени ушедших «сродственников»: их характеры и жизненные истории, прекрасные, причудливые, забавные, страшные составляют сложную канву рассказа о начальной поре земного существования героя-рассказчика «Последнего поклона».

Сложность образа автора-повествователя именно в том, что он выявляется в заключительных главах в разных временных срезах и вне хронологической последовательности. Мальчик, увлеченно играющий в лапту, писатель, рассказывающий о себе, солдат на передовой, испытывающий все тяготы войны, юноша, впервые вышедший на работу после окончания ФЗУ.

Как бы то ни было, но соотносительностью разных «точек зрения» подчеркивается общая линия в поведении крестьянского сына, который все на том же перепутье, в

труднейших условиях, будучи незаурядно талантлив, сравнительно быстро осваивал внутреннюю духовную культуру. И чем взрослее становился, тем освоение это происходило труднее, в борениях, в столкновениях с людьми, с самим собой. Структура заключительных глав подчинена этой задаче, и почти каждая из них рисует героя на переломе.

Мучительно размышляя о проблемах внутренней, духовной жизни «маленького» человека, ее оскудении, о соотношении добра и зла в мире, автор «Последнего поклона» не связывал себя строгим сюжетом. В каждой главе книги – свой ход событий, свое время, свои герои, объединенные личностью рассказчика.

Заключительные главы «Последнего поклона» построены как бы по законам контрапункта – различные мотивы поведения, чувства людей, их голоса движутся, развиваются и сливаются в нечто единое, по-своему гармоничное – в голос автора.

«Последний поклон» – самая заветная книга в творческой биографии Виктора Астафьева», – говорит биограф и исследователь Н.Н. Яновский [6, с. 211-212].

«Авторская» проза – одна из многих возможностей художественного объяснения жизни. В подобных произведениях все решает позиция писателя, его честность, мудрость, талант и, что всего важнее, его способность, не поддаваясь диктату обстоятельств, непримиримо отстаивать свои убеждения и свое собственное видение мира. Виктор Петрович Астафьев – именно такой писатель. Почти во всех своих произведениях он защищает свои позиции, защищает свою память, благодаря неповторимому образу автора-повествователя. Это в значительной мере сам Астафьев. Образ автора в его произведениях наделен яркой индивидуальностью самого писателя, его взглядом на мир, его сердцем.

Список литературы

1. Михайлов Ал. Проза В. Астафьева. К проблеме мастерства. – Москва, 1993. – 80с.
2. Макаров А. Н. В глубине России. Пермь, – М., 1973. – С.283
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424с.
4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследование разных лет. – М., «Худож. лит.», 1975. – 504с.
5. Кожин В.В. Проблема автора и путь писателя//Контекст -1977: Литературно-теоретические исследования, – М.: Наука, 1978. – С.23-47.
6. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 234с.
7. Иванова Н. Точка зрения. О прозе последних лет. – М.: Советский писатель, 1988. – 424с.
8. Астафьев В.П. Последний поклон. Москва: Молодая гвардия, 1989. –432с.
9. Яновский Н. Н. Виктор Астафьев. Очерк творчества. – М.: Советский писатель, 1982. –270с.

УДК 82.161.1

**Образ чукотского народа в романе
Т. З. Сёмушкина «Алитет уходит в горы»**

Юрина Марина Анатольевна

канд. филол. наук, доцент, заведующий научно-методической лабораторией национальной культуры и национального языка, «Институт развития образования и повышения квалификации педагогических кадров», РФ, г. Магадан
frigg@maglan.ru

**The image of the Chukchi people in the novel by
T. Z. Semushkin «Alitet goes to the mountains»**

Iurina Marina Anatolievna

PhD in Philology, docent, head of the scientific and methodological laboratory of national culture and national language, «Institute for the development of education and professional development of teachers», Russia, Magadan

Аннотация. В статье рассматривается система положительных образов в романе крупного прозаика Северо-Востока России Т. З. Сёмушкина «Алитет уходит в горы». Анализируются способы создания художественных характеров, их роль в художественной структуре романа. Освещаются этапы духовной эволюции героев. Рассматривается соотношение в обрисовке ключевых образов романтико-героической патетики и историко-реалистического анализа. Дается характеристика обобщенному образу чукотского народа в романе. Определяются функции этнографических элементов и мифологических параллелей в произведении. Делается вывод о демократической направленности романа и психологическом мастерстве писателя.

Ключевые слова: Север, национальный характер, эволюция героя, художественный тип, психологическая характеристика, обобщенный образ, ретроспекция, фольклор.

Abstract. The article considers the system of positive images in the novel by a major prose writer of the North-East of Russia T. Z. Semushkin "Alitet goes to the mountains". The methods of creating artistic characters and their role in the artistic structure of the novel are analyzed. The stages of spiritual evolution of heroes are highlighted. The author considers the correlation between the key images of romantic-heroic pathos and historical-realistic analysis. A characteristic of the generalized image of the Chukchi people in the novel is given. The functions of ethnographic elements and mythological Parallels in the work are determined. The conclusion is made about the democratic orientation of the novel and the psychological skill of the writer.

Keywords: North, national character, hero's evolution, art type, spiritual culture of Northern, psychological characterization, generalized image retrospection, folklore

Роман Т. Сёмушкина «Алитет уходит в горы» (1946 – 1948) является довольно ярким и крупным произведением, посвященным историческим преобразованиям на Чукотке. В свое время оно обратило на себя внимание ведущих писателей и исследователей: Ю. Солоухина [4, с. 520], Ю. Рытхэу [2, с. 94 - 103], К. Зелинского [1,

с. 507 - 508], Ю. Шпрыгова [5, с. 25 - 34], Л. Якимовой [6, с. 176 - 185] и других. Все они характеризовали книгу Т. Сёмушкина главным образом в аспекте её тематики, при этом чаще обобщенно. Тем не менее, «Алитет уходит в горы» интересен нашим современникам не только как свидетельство об ушедших в историю событиях, но и как подлинно художественное произведение. Мастерство писателя проявилось и в создании образа суровой северной земли, и в динамике повествования, и в создании запоминающихся, обаятельных образов персонажей.

Главным героем произведения является, на наш взгляд, народ, населяющий побережье Ледовитого океана. Образы коренных жителей в произведении тесно связаны с темой преобразования человека, его внутренней и социальной эволюции. Автор показывает, как под влиянием Лося и Жукова меняется социальный статус многих персонажей. Так, добиваются всеобщего уважения и становятся активными помощниками в преобразованиях униженный Томпсоном сирота Ярак, обиженный Алитетом молодой охотник Айе, не желающий смириться с социальной несправедливостью Ваамчо. Внутренне преобразуются, начинают критически оценивать поступки своих мужей-торговцев Рутьтына, Нургинаут и Тыгрена. В финале романа они освобождаются от своих притеснителей и становятся на сторону новой жизни. При этом молодые представители коренного населения в романе приобретают не только весомый социальный статус, но и счастье в личной жизни: воссоединяются обручённые с детства и любящие друг друга Айе и Тыгрена, регистрируют свой брак вопреки воле родителя Мэри и Ярак. Изменяется и жизнь старшего поколения: становятся уважаемыми руководителями Лёк и Гаймелькот, попадает под обаяние новой жизни и уходит от своего господина Алитета когда-то преданный ему Рынтэу. Так социальная проблематика произведения дополняется излюбленной Т. Сёмушкиным темой воспитания.

При этом о глубоком психологизме изображения персонажей из народной среды говорить ещё не приходится: автор, хотя и выводит их на авансцену повествования, но зачастую ограничивается лишь фрагментарным показом героев, характеры которых к тому же большей частью однолинейны и определённые, сводятся лишь к положительной их характеристике. Однако попытка психологического проникновения во внутренний мир ведущих персонажей в романе ощущается. Она проявляется в разнообразии средств обрисовки характеров: и в ретроспекциях (история сироты Ярака, обрисовка взаимоотношений Айе и Тыгрены), и в авторских оценках, и в характеристиках героев «со стороны», устами земляков, и, собственно, в

самих описаниях мыслей и чувств персонажей. Наиболее глубоко разработаны автором образы Ваамчо и Тыгрены.

Ваамчо является в романе неким «образцовым» героем, история которого иллюстрирует весь путь от социально униженного бедняка до уважаемого земляками устроителя новой жизни, активно участвующего во всех её преобразованиях. Автор последовательно показывает важнейшие этапы такого преобразования героя: рассказывает о времени, когда Ваамчо вынужден был подчиняться Алитету и жестокому шаману Карауге, участвовать в жертвоприношениях, мириться с несправедливостью, повествует о поре прозрения героя, переоценки им прежней жизни, останавливается и на моменте, когда персонаж стал председателем Энмакайского родового совета. При создании образа молодого чукчи писатель использует ряд средств, позволяющих углубить психологическую характеристику Ваамчо: описание его поведения, взаимоотношений с окружающими, диалогическую, прямую и несобственно-прямую речь, которые позволяют уловить разнообразные оттенки чувств персонажа, его чаяния и думы.

Так, в динамичном и напряжённом эпизоде об испытаниях Ваамчо во время охоты, когда он оказался в одиночестве на оторвавшейся льдине, показаны и отчаяние героя, и одновременно его несокрушимая воля к спасению, и страх перед расставанием с единственными оставшимися с ним друзьями-собаками. «Собаки... собаки остались по ту сторону!» – с ужасом подумал Ваамчо /.../ «Теперь я один остался. Одному плохо. Ой как плохо!..» – И Ваамчо снова принялся звать Чегыта» [3, с. 57]. Несобственно-прямая речь позволяет также ощутить всю степень горя и одинокой тоски персонажа после смерти его отца, старика Вааля: «Ваамчо сильно горевал по отцу. После похорон отца Ваамчо совсем не выходил из яранги... Печальный, один со своими думами, сидел в пологе и курил трубку... Нехорошо, когда просторно в яранге. Скучно. Скорей бы дети заводились. Надо, чтобы шумно было в яранге» [3, с. 214].

Писатель подчёркивает привлекательные черты характера Ваамчо, позволившие Андрею Жукову сразу выделить молодого чукчу из среды его соплеменников. Прежде всего, это обострённое чувство справедливости и проницательность, благодаря которым молодой чукча одним из первых понял суть завистливой и лживой натуры Алитета, тайком приводящего в негодность приманки земляков, ворующего их добычу. Выделяется Ваамчо и своей храбростью, способностью к суровым испытаниям, сметливостью, которые позволили ему выжить и сохранить жизнь большинства его собак на оторвавшейся от припая во время охоты

льдине. И, конечно, одними из самых лучших качеств персонажа является его доброта и благородство, особенно ярко проявившиеся во взаимоотношениях с Тыгреной: он проникается к ней чувством уважения и сострадания, по её просьбе становится тайным отцом её ребёнка и неукоснительно хранит этот секрет, чтобы не навредить женщине. В то же время психологически достоверно показаны в романе и некоторые недостатки героя, например, его нерешительность и робость перед Алитетом, от которых Ваамчо не удаётся избавиться даже в последней встрече. Автор мастерски использует фразеологию и ряд эпитетов, чтобы показать душевную слабость персонажа: «Не чувствуя под собой ног, бледный, с дрожащими руками, Ваамчо безвольно шагнул к Алитету...» [3, с. 280]. Образ молодого чукчи приобретает жизненную рельефность, пластичность, что можно считать определённой удачей писателя.

С образом молодой чукчанки Тыгрены связана одна из важнейших проблем романа – проблема женской эмансипации на Чукотке. Автор показывает, как с приходом нового времени ломаются, казалось бы, незыблемые и неукоснительные стереотипы и правила, ставящие чукотскую женщину в зависимое, униженное положение. При этом Тыгрена показана в романе даже более многосторонне, чем Ваамчо: её образ обаятелен, наполнен жизнью и энергией, которые проявляются и в смелых, дерзких поступках героини, и в её нетрадиционном для коренных обитателей образе мыслей, и в её сомнениях, колебаниях. Тёплое отношение автора к героине обнаруживается не только в лирических или драматических сценах, показывающих всю степень её страдания от разлуки с наречённым ей Айе, но и в ситуациях, приобретающих юмористический оттенок. Так, довольно комичными представляются кулинарные опыты Тыгрены, пытающейся приготовить ненавистную ей «американскую еду»: «В котле уже варилось мясо. Как хорошо оно пахло! Это была настоящая еда. А вот теперь надо делать её американской, портить.

Тыгрена бросила в котёл горсть соли, подумала немного и бросила другую, третью горсть. /.../ Постепенно она набросала в котёл содержимое всех баночек и коробочек, попробовала варево, сплюнула и сказала:

– Любят же таньги такую отвратительную еду!» [3, с. 136].

Портрет героини, данный в начале произведения, показывает не только её красоту, но и жизнелюбие: «Её длинные чёрные косы рассыпались на шкурах, смешались с оленьей белой шерстью и оттого казались ещё черней. /.../ Тыгрена открыла глаза и, увидев мать, засмеялась тихо, беззвучно, обнажив ровные белоснежные зубы. Чёрные глаза светились» [3, с. 44]. В то же время в описании

Тыгрены подчёркивается и необыкновенная выносливость, готовность к грядущим испытаниям. Эти качества были воспитаны с помощью нетрадиционного для женщины ремесла: девушка слыла удачливой охотницей, чьё «сильное, крепкое тело..., , закалённое в мужском охотничьем труде, казалось, состояло из одних мышц» [3, с. 45].

С детства приученная к самостоятельности, независимости, Тыгрена не может смириться с тем, что такие, как Алитет, пытаются сломать её судьбу, и активно борется с этим. Она предпринимает попытку побега от своего новоявленного мужа-мучителя, не подчиняется его указаниям, сама, без помощи, рождает ребёнка от Ваамчо в холодной яранге. Привычка к независимости и быстро приобретённое благодаря вероломству Алитета недоверие к людям заставляет её взвешивать и подвергать сомнению все события, в том числе и те, которые несёт новая власть. Однако к концу романа, удостоверившись в том, что жизнь становится лучше, освободившись от ненавистного мужа, Тыгрена возвращает своё счастье.

Ведущая линия развития образа героини – воспитание в ней чувства собственной ценности и значимости, полезности для будущей новой жизни. Судьба Тыгрены воплощает гуманистическую идею автора о нравственном перерождении чукотской женщины, преодолении ею многочисленных препятствий на пути к внутреннему «выпрямлению», приобретению чувства собственного достоинства, уважения и признания окружающих. По колоритности и многогранности характера, его жизненной наполненности и психологической достоверности образ Тыгрены является, пожалуй, одним ярчайших женских типов не только в творчестве Т. Сёмушкина, но и во всей литературе Северо-Востока России, становясь в один ряд с такими духовно сильными героинями, как Илинеут и Мами В. Тана-Богораза, Кайти Н. Шундика, Келенеут и Ноэ А. Мифтахутдинова.

Демократическая направленность произведения, его гуманистическое наполнение проявляются и в обобщённой оценке чукотского народа. При этом автор, подчёркивая своё искренне восхищение старожилками Севера, не избегает романтико-героической патетики. Она чувствуется уже в первой сцене романа, в самом характере несобственно-прямой речи, в которой посредством восклицаний и междометий передаётся радостное возбуждение чукчей перед охотой на моржей: «Скорей, скорей к моржам! Будет много мяса, кожи, из которой можно сделать новое жилище, ... взять бивни для продажи в факторию. О, моржи – это жизнь!» [3, с. 6]. Романтические ноты ощущаются порой и в самой расстановке акцентов, обилии оценочных эпитетов,

характеризующих северных жителей: «Основными чертами народа были смелость, честность, выносливость и терпеливость.

В погоне за добычей охотники часто переносили невероятные и немислимые лишения. Нередко в борьбе за жизнь нужна была звериная выносливость...» [3, с. 83 – 84]. «Сердечные люди, настоящие люди», – так оценивает автор старожилов Чукотки. Однако, едва наметившись, романтико-героическая линия в оценке коренного населения уступает в романе место аналитической: автор не столько восхищается северянами, сколько пытается показать специфику и истоки их особого мироощущения, образа жизни, менталитета в целом.

Так, говоря о свободолобии северян, нежелании их кому-либо подчиняться, писатель представляет это качество не как романтическое, а как историческое, обусловленное родовыми обычаями. «Мы не против власти, – говорит Андрею Жукову один из охотников, – Но мы никогда не поймём, зачем она нам нужна, эта власть» [3, с. 116].

Автор показывает также, что одно из важнейших качеств народа – безукоризненная честность – воспринималось в среде старожилов как нечто естественное, неотъемлемое от сущности человека. Именно поэтому товары Томпсона, например, лежат на берегу без всякой охраны «и ... несмотря на огромную нужду в товарах, никому в голову не приходила мысль обворовать Чарли» [3, с. 32]. Поэтому и старый «великий ловец» Вааль стыдится того, что явился нечаянным свидетелем воровства Алитетом чужой добычи. Он по-настоящему страдает от увиденного: «Глазам моим не посчастливилось тогда... Народ наш непривычен к этому. Стало больно глазам. Сердце обжигало огнём. Из горла лезли безумные слова, хотелось их выкрикнуть... мне стыдно было, зачем мои глаза увидели это...» [3, с. 23].

Исторически объясняется в романе и доброе отношение к детям, рождённым в результате обычая обмена жёнами между лучшими друзьями-«невтумами» («братьями по жене»). Видимо, этого требовали законы тесного родового общежития: чем дальше от рода жил «невтум», тем здоровей и выносливей рождался ребёнок. Особенно желанными были дети от «белолицых»: «Они резко отличались от других детей, но все они пользовались большой любовью и родителей, и односельчан» [3, с. 91]. Этим и объясняется разочарование Алитета, когда не оправдывается его надежда на то, что Тыгрэна родит ему сына, похожего на «невтума»-американца.

Многосторонне характеризуя чукотский народ, автор проявляет довольно значительный интерес к его культуре и образу жизни. И в этом он следует традициям своего предшественника и духовного учителя В. Г. Тана-Богораза. Роман Т.

Сёмушкина насыщен колоритными жанровыми сценами, все они отличаются динамикой и этнографической точностью. Это и изображение охоты, и соревнование борцов на ярмарке, приём и угощения гостей в яранге, и описание обрядов сватовства, удушения стариков «по согласию» (смерть матери Тыгрены), показ взаимоотношений «невтумов»...Автор детально описывает обустройство чукотской яранги, детали хозяйств охотников и оленеводов, институт брака, процесс изготовления чукчами еды, пошива одежды, строительства байдары, приводит и нередко объясняет многочисленные экзотизмы («невтун», «чаучу», «полог», «жирник» и т. п.).

Писатель показывает, что мироощущение коренных жителей, их особое отношение к событиям обусловлены не только исторически, но и духовно. Характеристику чукотского народа дополняют в романе отражающие мифологическое мышление северян фольклорные элементы: описания шаманского камлания, процесса гадания «на оленьей лопатке», жертвоприношения (убийство собаки Чагыта Ваамчо) и т.п. Приводится в романе и поверье о том, что в загробном мире «верхние люди» топят в озере бездетных женщин, упоминаются злые духи «тэрраки», показано, что даже некоторые новшества воспринимаются чукчами мифологически. Так, привезённый из Большой земли мотор вельбота видится жителям одного из стойбищ существом, в котором «живёт добрый дух» по имени «Бен-Зин».

Даже отдельные пейзажные зарисовки романа пропитаны мифологическими образами и параллелями. Характерно, например, выразительное описание северного сияния в начале произведения. Оно приводится с точки зрения Алитета, большей частью традиционно воспринимающего окружающий мир: «От самой макушки неба до Полярной звезды протянулись длинные световые полосы, как моржовые ремни, натянутые от яранги к яранге. Эти полосы то удлинялись до самых Прозрачных Рёбер, то разбегались в разные стороны, как пугливое стадо оленей. /.../ Переливы света растекались и вниз, и вверх, и вширь. Среди горевших лент сияния даже луна показалась Алитету бледной, завистливой, как старая жена /.../ Он переводил взгляд с одного неба на другое и думал: «Верхний народ делает большой праздник. Он зажжёт много костров» [43]. Ряд сравнений и олицетворений бытового характера в сочетании с мистическими образами отражают специфику мировосприятия северного человека – чувственно-конкретного и в то же время образного, мифопоэтического.

Таким образом, писатель проявил себя вдумчивым и внимательным исследователем менталитета коренных обитателей Чукотки, показал читателю

самобытность северного народа, его лучшие качества. Т. З. Сёмушкину удалось представить яркие, запоминающиеся образы северных жителей в их национальном и психологическом своеобразии, показать нравственную и духовную эволюцию персонажей и в то же время отразить демократическую идею об особой роли народа в исторических преобразованиях.

Список литературы

1. Зелинский К. Послесловие // Сёмушкин Т. З. Алитет уходит в горы. – М.: ИХЛ, 1965. – 509 с.
2. Рытхэу Ю. С. Под сенью волшебной горы. – Л.: Советский писатель, 1974. – 328 с.
3. Сёмушкин Т. З. Алитет уходит в горы: роман. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1984. – 479 с.
4. Солоухин В. О. О Тихоне Сёмушкине и его книгах // Сёмушкин Т. З. Алитет уходит в горы. – М.: Молодая гвардия, 1966. – 521 с.
5. Шпрыгов Ю. М. Проза утреннего края: литературно-критические очерки. – Магадан: Кн. изд-во, 1985. – 102 с.
6. Якимова Л. П. Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. – Новосибирск: Наука, 1982. – 230 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 1751

Гендерные особенности ангарского автобиографического нарратива

Лукьянова Дарья Владимировна

магистрант, Сибирский федеральный университет, РФ, г. Красноярск
l.d.v.96@yamdex.ru

Gender Features of the Angara Autobiographical Narrative

Lukyanova Daria Vladimirovna

Master of philology, Siberian Federal University, Russian Federation, Krasnoyarsk

Аннотация. В статье с позиций гендерной лингвистики рассматриваются автобиографические диалектные тексты Северного Приангарья. В рассказах нами выявляются особенности морфологического, лексического, синтаксического воплощения маскулинности и феминности в языковом сознании старожилов Северного Приангарья. Исследование проводится на материале диалектологических экспедиций и практик разных лет.

Ключевые слова: гендер, автобиография, нарратив, языковые особенности, генристика, межполовые различия, гендерная диалектология

Abstract. The article examines the autobiographical dialect texts of the Northern Angara region from the perspective of gender linguistics. In the stories we identify the features of the morphological, lexical, syntactic embodiment of masculinity and femininity in the linguistic consciousness of old-timers of the Northern Angara region. The study is conducted on the basis of dialectological expeditions and practices of different years.

Keywords: gender, autobiography, narrative, linguistic features, genistics, gender differences, gender dialectology

В настоящее время гендерные исследования играют важную роль во многих гуманитарных науках. К гендерной проблематике обращаются: культурологи, философы, литературоведы, а также лингвисты. Сама гендерная проблематика пронизывает почти все социальные сферы, оказывает действие не только на отдельных индивидов, но и на целые группы людей. Активное развитие лингвистической гендерологии в России приходится на последние десятилетия XX века в работах Земской Е. А., Китайгородской М. А., Розановой Н. Н. [Земская, Китайгородская, Розанова, 1989], Телия В. Н. [Телия, 1999], Кронгауза М. [Кронгауз, 1996], Шахмайкин А. Н. [Шахмайкин, 1996]. В зарубежной лингвистике известны работы, которые возникли в направлении постмодернистского феминизма, например, работы Джудит Батлер «Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» [Батлер, 2001], Розы Брайдотти «Женские исследования и политики различия» [Брайдотти, 1994], Тереза де Лауретис «Американский Фрейд» [Лауретис, 1996], Иригарей Люс «Этика полового различия» [Иригарей, 2004], Гейл Рубин «Обмен женщинами. К политической экономии пола» [Рубин, 2000], Джоан Скот «Эхо – фантазия. История и конструкция на идентичности» [Скот, 2005].

На данный момент работы по гендерной лингвистике развиваются достаточно интенсивно и ведутся следующих направлениях: изучение представлений о гендере (концепты «мужественности» и «женственности», гендер на разных уровнях языка); гендерная специфика вербального и невербального коммуникативного акта; отражение гендерных стереотипов в социальном и языковом сознании; гендер в лексикографии; гендер в СМИ; гендер в интернете; гендер в художественном тексте [Божанова, 2012]. В 2017 году в лингвистической генристике развивается новое направление – гендерная диалектология, выделение её как самостоятельной научной отрасли обосновала Т. А. Демешкина в статье «Гендерная диалектология и словари как её источник» [Демешкина, 2017].

Под гендером учёными подразумевается социокультурный феномен, который противопоставлен биологическому полу, и первый термин шире второго, включает

его в состав. Термин гендер подчеркивает не природную, а социокультурную причину межполовых различий [Попова, 2006, с.19].

Наша работа посвящена анализу мужских и женских автобиографических рассказов с позиции лингвистической генристики (выявлены и сопоставлены морфологические, лексические, синтаксические особенности женских и мужских автобиографических рассказов). Актуальность данной темы обусловлена её обращенностью к фундаментальным проблемам языкознания: «язык и гендер», «язык и социальная действительность», необходимостью дальнейшего исследования региональной сибирской лингвокультуры, а также недостаточной изученностью проявления гендера в диалектных текстах.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней выявляются гендерные особенности в жанре автобиографического рассказа на диалектном материале, что ранее не получило должного освещения в науке.

Теоретическая значимость заключается в том, что материалы статьи вносят вклад в развитие отечественной гендерной лингвистики. Описание автобиографического рассказа в гендерном аспекте важно для дальнейшего развития теории коммуникативно диалектологии.

Цель исследования – выявить языковые особенности мужских и женских рассказов о своей жизни.

Теоретико-методологической базой нашего исследования являются работы следующих лингвистов:

- 1) по гендерной лингвистике [Кириллина, Горошко, 1999; Попова, 2006, Толстова, 2016, Ефремов, 2016];
- 2) по коммуникативной диалектологии [Волошина, 2014, 2016; Демешкина, 2017; Гольдин, 1997];
- 3) по лингвистической нарратологии [Попова, 2002; Бергельсон, 2005; Падучева, 2010].

Приступим к рассмотрению гендерных особенностей автобиографического нарратива на нашем материале.

Уже на выборе тем для разговора, можем отметить, что мужчины чаще всего говорят об охоте, рыбалке, истории, работе, армии. Самые распространенные темы для разговора у женщин – семья, домашнее хозяйство, замужество, кулинария, гадания и суеверия. Тема тяжелого физического труда поднята всеми информантами: как мужчинами, так и женщинами.

- 1) Морфологические особенности.

Поскольку женщины более склонны к кооперации и общению, они в своей речи чаще используют местоимение мы: *«Ну вот мы с братом, со Степаном, мы дрова кололи натаскивали ей... и потом она еще подрабатывала... угли жгла... надо деревья распились... распилить, в яму заложить, засыпать потом эти угли везла в кузницу...и вот эти мешки с зерном туды увезет... и обратно с мукой везет»* (Иркинеево, 2014); *В Новый год мы раньше в бане гадали. Украл с подружкой лошадь. Завязали глаза и повели к пролубли. Вокруг пролубли кружили. В какую сторону лошадь уйдет, там замуж выйдешь. А еще раз заигрались мы на улице и забыли по воду сходить* (Иркинеево, 1990).

Мужчины сосредоточены на себе и своих интересах (эгоцентризм), поэтому чаще всего в речи используют личные местоимение я, меня: *У меня, я тоже расскажу вот, у меня старший брат Егор был. Он давно умер, диабетом заболел в писят втором году»* (Манзя, 2017); *Залаял, на медведя лает собака, что ночью на человека. Ну, прямо скажу, перепугался я крепко, не хочу сказать, что я смелый* (Усть-Кава, 1993);

2) Лексические особенности.

На уровне лексики было выявлено, что мужчины чаще используют в своей речи профессиональные жаргонизмы и сниженную лексику: *Да нахрен вы нужны, у меня своё поле, едри-мать, и семья!* (Манзя, 2017) *А мать, её звали Дуся Большевычка, тако трепло было, сплетница! Партийна! Ох, и зараза! Всё она по магазинах везде растрепала!* (Манзя, 2017).

Женская речь, по мнению лингвистов, является более нормативной, так как женщины оказывают большое влияние на подрастающее поколение и стараются следить за своей речью. Нами было выделено, что в женской речи очень часто появляются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (диминутивы), например: *Венчались. Венцы на головушку надевали. Ну в сени-то маленько забросили* (Пинчуга, 1989); *Капустка ли, огурчик соленький, рыжики, вот так и питались* (Пинчуга, 1989); *Нет, доченька –жалею, что неграмотна* (Пинчуга, 1990); *Своим детишкам – всё знать, всё давала, а нам обеды всё* (Иркинеево, 2017). Исследователи утверждают, что женщины начинают использовать диминутивы с самого детства: игры в дочки-матери, помощь родителям в воспитании братьев сестер, уход за домашними животными.

Как показало исследование, женщины в большей степени, чем мужчины используют междометия в своей речи, которые наиболее ярко передают чувства и эмоции. Чаще всего в женской речи встречается междометие ой, которое передает

переживание или восхищение, например: *Сейчас она... ой... она овдовела, потом второй раз овдовела...не получилось у нее в жизни... Галька Осановских тоже... она в Манте.. у нее тоже...она овдовела... и...сын у нее, ой, такой красавец, а с головой непорядок..* (Иркинеево, 2014); *Она в окошко фхваснула ему, табеля по всей избе развалились, табелишки. На завтра: ой, я и не поверил, что она замуж вышла, она что, с ума сошла?* (Иркинеево, 1990).

3) Синтаксические особенности.

В женской речи значительно чаще используются конструкции со значением неуверенности (кажется, может быть, наверное, возможно), например: *Может быть то, что не неводят сильно, неводили-то», «Смещение, наверное, какое. Вот дядя привозил сено и только 3 стороны огораживал, а там коровы уже не могли подойти!* (Пичуга, 1990); *Вот поэтому, может, меня и любили, что я была послушна* (Иркинеево, 2017). Мужчины же, напротив, используют конструкции со значением констатации (конечно, разумеется), например: *Конечно! Конеч... Да у нас никогда замков, мы не... понятия не имели, замки чтобы были! Конечно! А жир-то вабцэ там, аж вот. Щас вот в июле к концу, в августе буэт, не дай Бог, какой он жирёный, едре-мать! Ну, наловим, всё рано!* (Манзя, 2017); *Ну, конечно. Без этого никак. Не хулиганили, не воровали там* (Пингуча, 2017). Это связано с тем, что мужчины обычно говорят намного категоричнее женщин: *Мы лодку привезли один раз, едри-мать, я сказал, я в гробу её видел, таку рыбалку!* (Манзя, 2017).

Было выявлено, что мужчины чаще женщин используют сложноподчиненные предложения в своей речи, обычно это придаточные времени, условия, причины, поскольку стремятся к определённости, логичности в своей речи: *А в это, организовалась сплавная контора. Хлеб, когда, если колхоз собирал, а потом на илимках его увозили по Ангаре»; «А свадьбы не было. Расписались-то мы позже, когда сын родился уже»* (Пинчуга, 2017); *Я начинал здесь в леспромхозе, брёвнышки катал, потом, когда мне бревном ногу перебило, я сказал, больше я их не рОстил, и валить, и катать больше не буду!; В этом году больше щуки, чем... Щуки в этом году больше стало, потому что она и окуня, окунь появился* (Манзя, 2017).

Напротив, женщины в своей речи обычно используют сложносочиненную связь союзами *но*, потому что женщина в своей речи обычно не стремится к точности и рациональности, она рассказывает о своих чувствах и эмоциях: *Ну, муж у меня был отсюда, но я не собиралась ехать; Откуда она вообще это знала, но она мне часто гадала»* (Мотыгино, 2016), *Потомков щас у него никого нету. Одна дочь у него, но она... с алкоголем сильно связана, ... так что от ее уже нету толку...; В Артюгино...*

Вот пошел... а он уже читал... стали читать... он 96 слов в минуту читал... но сейчас он ленится... (Иркинеево, 2014).

Необходимо отметить, что женщины наиболее часто используют эмотивы – речевые акты, которые выражают эмоции говорящего: *Ну так чудо еще есть!* (Мотыгино, 2016); *Мы испугались! Ведра побросали и домой побежали. И кто знат, кто это был!* (Иркинеево, 1990); *Мы сахара-то не видели! ... не то что там конфет, сахару!; Причем лес-то вырубают...Иркинеевка то не така была!* (Иркинеево, 2014).

Мужчины обычно избегают эмоциональных выражений, не выражают своих чувств: *А меня отец один раз полупил. Обоих с сестрой. В школу надо было идти, а мы всё, это, соримся с сестрой-то. А он смотрел, смотрел, берёт ремень – меня раза два-три хлестанул, потом на сестру перешёл. Вот, и пошли, заплакали* (Пинчуга, 2017) *Что плохо жили: не было у нас школ, не было у нас больниц. Если человек заболел, в Богучаны надо. Эта Богуча километров двести. Вот такая жизнь была* (Усть-Кава, 1993).

Итак, отметим, что на морфологическом уровне мужчины обычно используют личные местоимения единственного числа (я, меня), женщины – множественного (мы), на уровне лексики было выявлено, что у мужчин существует стремление к использованию профессиональной лексики и сниженных элементов, женщины используют нейтральную лексику, особо стоит выделить то, что их речь насыщена диминутивами. Обычно женщины используют в своей речи конструкции со значением неуверенности, мужчины же – со значением констатации. В построении предложений женщины используют сложносочиненную связь, мужчины – сложноподчиненную с придаточными времени, условия, причины.

Анализ разговорной речи мужчин и женщин показал, что языковые отличия в мужских и женских автобиографиях возникают из-за того, что у разнополых информантов них разные цели в общении. Для женщины важен сам факт общения, в разговоре она проявляет эмпатию к своему собеседнику, а мужчина использует общение как средство для достижения своих целей или для передачи фактов.

Список литературы

1. Волошина С. В. Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник ИГЛУ. 2014. № 2. С. 267-273.
2. Волошина С. В. Коммуникативная стратегия умолчания в автобиографическом дискурсе. Текст, книга, книгоиздание. 2019. С. 23-36.
3. Волошина С. В. Автобиографические практики в контексте словесной культуры Сибири. Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. С. 35-51.

4. Горошко Е. И. Кириллина А. В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. Харьковский Центр Гендерных Исследований. 1999. № 2. С. 234-242.
5. Ефремов В. А. Гендерные стереотипы и русская лексикография. Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. №6 (34). С. 100-111.
6. Попова Т. Г. Языковое сознание как основополагающий фактор общения // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации (30 мая -2 июня 2006 г.): Тезисы докладов. – М.: РАН, 2006. 78 с.
7. Демешкина Т. А., Толстова М. А., Гендерная диалектология и словари её как источник. Вопросы лексикографии, 2017. № 12. С. 83-105.
8. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 01. Саратов, 1997. 52 с.
9. Бергельсон М. Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: дисс. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 19. Москва, 2005. 404 с.
10. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
11. Толстова М. А. Гендер в традиционной культуре сквозь призму словаря. Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. №4(24). С. 68-75.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 821.111

Гибридная природа «малых литератур» на примере литературы Новой Зеландии второй половины 20-го века

Кравинская Юлия Юрьевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков №2
Института иностранной филологии Крымского федерального университета имени
В. И. Вернадского, РФ, г. Симферополь
rozajulia@mail.ru

Hybrid Nature of "Minor Literatures" on the Example of New Zealand Literature of the Second Half of the 20th Century

Kravinskaya Yulia Yurievna

Senior Teacher, Department of Foreign Languages No 2, Institute of Foreign Philology
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Russia, Simferopol

Аннотация. В данной статье изложены основные характеристики понятие «Малая литература», предложенного Жилем Делезом и Феликсом Гваттари. Современными исследователями литературы Новой Зеландии было предложено применить данное понятие к беллетристике коренных этносов на английском языке на пост-колониальном пространстве. В качестве практического примера было выполнено

сравнительный обзор творчества автором-маори конца 20-го века, определенное критиками как маорийский ренессанс. В ходе анализа ряда произведений автохтонных авторов была доказана гибридная природа рассматриваемой малой литературы, что определяет специфику современной литературы Новой Зеландии в целом.

Ключевые слова: малая литература, детерриторизация, гибридность, национальная литература, маорийский ренессанс, пост-колониальное пространство

Abstract. The characteristics of the notion "minor literature" of Gilles Deleuze and Félix Guattari are described in the article. The presented notion was proposed to apply to the indigenous ethnos belles-lettres in English within post-colonial space. As an illustration the comparative review of Maori authors' works of the end of the 20th century which had been defined by critics as Maori Renaissance was fulfilled. In the course of the analysis of several indigenous authors' works hybrid nature of the given minor literature was proved. It defines the specificity of contemporary literature of New Zealand as a whole.

Keywords: minor literature, deterritorialization, huybrity, national literature, Maori renaissance, post-colonial space

Развитие мировой культуры, начиная со второй половины 20-го века, внесло беспрецедентные изменения в национальную литературу как системно и структурно образующий концепт для изучения литературного процесса. Если ранее национальные литературы представляли собой самостоятельные, относительно автономные организмы, взаимное влияние которых зависело от культурно-исторических связей между нациями, то современные глобализационные процессы привели к тому, что понятие национальной литературы размывается и теряет категоричность. Географический и лингвистический факторы, которые определяли границы национальной литературы, не могут более выполнять данную функцию. Так, например, А. В. Коровин пишет: «Национальная литература мыслится как литература, написанная на национальном языке и на национальной территории, она обращена в основном к «своим» читателям, к тем, кто живет на этой территории, хотя здесь больше исключений, чем правил» [3, с. 196]. При этом, растущее количество исключений указывает на качественные изменения в самом концепте национальной литературы.

Если мы обратимся к национальным литературам на английском языке, среди которых литература Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии, Канады, то они могут быть определены только по географическому фактору, имея общий лингвистический. Кроме того, на английском языке пишут авторы ряда африканских стран, Карибского бассейна, Индии, для которых английский является либо государственным, либо инструментом межнационального общения. Также, в 20-м веке возникло явление иммигрантской литературы, представители которой пишут на английском, но не вписываются в англоязычную национальную литературу

тематикой произведений. И наконец, авторы автохтонного происхождения, например, авторы-маори в Новой Зеландии, аборигенного происхождения в Австралии, индейского происхождения в США также пишут частично или полностью на английском. Представленные примеры показывают, что лингвистический фактор для английского языка потерял свою функциональность для определения концепта национальная литература. Схожая ситуация сложилась с французским и русским языками.

Кроме опоры на географический и лингвистический факторы, необходимо рассмотреть также фактор целевого читателя для определения границ национальной литературы, что также упоминается А. В. Коровиным [3]. В вопросе читательской культуры выявляются следующие мотивы интереса к чтению: информационно-познавательный, морально-мировоззренческий, эмоционально-эстетический [2, с. 50]. В этом ключе, сложно представить, что авторы автохтонного происхождения, чья тематика произведений связана с поиском национальной идентичности в пост-колониальном пространстве, возрождение автохтонной культуры в реалиях контакта с потомками колонизаторов, привлекают того же читателя, что и национальная литература страны, в границах которых проживает этническое меньшинство. Следовательно, соотнесенность творчества автохтонных авторов с национальной литературой, имеющие общий лингвистический фактор, требует теоретического и методологического осмысления.

В данной статье ставятся следующие задачи: обосновать применение термина «малая литература» Жюль Делеза и Феликса Гваттари по отношению к творчеству маори, автохтонному этносу Новой Зеландии и раскрыть гибридную природу изучаемой «малой литературы» периода маорийского ренессанса (1970-2000). Предметом исследования выступает творчество писателей-маори, чей язык повествования – английский, который был определен Ж. Делезем и Ф. Гваттари как язык-посредник, равно как и латинский для средневековой Европы [1, с. 32]. Актуальность данной работы доказывается тем, что выявление метаязыковых связей между творчеством авторов-маори с новозеландской литературой играет существенную роль в дальнейшем исследовании презентации национальной идентичности в произведениях представителей маорийского ренессанса.

Исследование национальных литератур требует новых подходов, которые будут учитывать гетерогенность процессов внутри нее. Так, например, «русские американисты... стали рассматривать литературу этой страны преимущественно как литературу различных этносов» [6, с. 60]. Понятие «малая литература» предложено в

работе Жилия Делёза и Феликса Гваттари «Кафка: за малую литературу» (1975) в отношении произведений евреев Праги, написанных на немецком языке. В работе дано определение «малой литературы»: «Малая литература – это не литература малого языка; скорее она – то, что меньшинство делает внутри большого языка» [1, с. 20]. Философы определили следующие характеристики малой литературы: «...детерриторизация языка, подключение индивидуального к непосредственно политическому, коллективная сборка высказывания» [1, с. 23]. Вследствие колониальной политики на территории бывших колоний возникли различные этнические общности как коренного, так эмиграционного происхождения, которые обратились к английскому как языку-посреднику в процессе создания литературного текста в пост-колониальном пространстве. Евгений Павлов и Марк Уильямс в статье «Вновь приводя в замешательство: малые литературы Аотеароа» (2007) обратились к понятию «малая литература», рассматривая современную новозеландскую литературу в ключе постколониальных исследований.

Авторы статьи видят признаки малой литературы в творчестве и маори, и пакеха (Pakeha - маор. белый поселенец, потомок колониалистов). Е. Павлов и М. Уильямс находят в нарративе обеих этнических групп революционный потенциал, который характеризует малую литературу: «В основе такого потенциала лежит энергия детерриторизации, «становления малым» посредством интенсивного использования большого языка. А интенсивность и сопротивление ретерриторизации вырастают еще больше, когда одна «малая» традиция пересекается с другой...» [4]. В случае с маори пересечение «малых» традиций происходит при обращении автохтонных авторов к творчеству белых поселенцев Новой Зеландии. Так, Вити Тамэ Ихимаэра (1944-), один из самых известных авторов маорийского ренессанса, пишет сборник новелл “Dear Miss Mansfield” («Дорогая Мисс Мэнсфилд», 1989), в котором автор применяет прием деконструкции к наследию Кэтрин Мэнсфилд, новозеландская писательница начала 20-го века. Кроме того, маорийский нарратив испытывает на себе влияние культуры колонизаторов как часть пост-колониального пространства. Взаимодействие малых литератур маори и пакеха внутри национальной и составляет специфику новозеландской литературы по отношению к другим постколониальным литературам.

Для того, чтобы раскрыть гибридную природу малой литературы маори необходимо рассмотреть ключевое для постколониальных исследований понятие «гибридность», предложенное Хоми К. Бхабха (1949-) в работе «Локализация культуры» (1994, Название работы также переводится как «Местонахождение

культуры»). С помощью данного понятия Бхабха описывает результат многолетнего замещения культуры колонизированного культурой колонизатора, что расщепляет идентичность участников данного процесса. Х. К. Бхабха дает следующее объяснение: «Hybridity is a problematic of colonial representation and individuation that reverses the effects of the colonialist disavowal, so that other 'denied' knowledges enter upon the dominant discourse and estrange the basis of its authority - its rules of recognition» [Гибридность – это проблематика колониальной репрезентации и индивидуации, которая изменяет последствия колониалистского отрицания так, что другие «отрицаемые» знания входят в доминантный дискурс и отчуждают базис его власти – установленные им правила признания] [7, с. 114]. Иными словами, гибридность – это идентификационное состояние и процесс, возникающее внутри бинарной оппозиции колонизатор-колонизированный, в ходе которого национальная идентичность участника оппозиции вмещает в себя признаки обеих культур во всех формах ее презентации, в том числе и нарратологической. Процесс гибридизации в случае маори становится еще более глубоким, что связано с совместным проживанием с потомками колонизаторов. Соловьева А. Н. так охарактеризовала влияние единого социального пространства на такие процессы как гибридизация и детерриторизация: «Культурное знание, освоенное в результате проживания в едином (общем) социальном ландшафте, определяет общность и различия в интерпретации тех его образов, что конструируются людьми в различных социокультурных ситуациях» [5, с. 128]. Результатом многолетнего освоения знаний под влиянием колонизаторской культуры является гибридная природа литературы маори.

Детерриторизация языка, как характеристика малой литературы, достаточно высока, по мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, что проявляется в том, что невозможность писать на родном языке оказывается преодолимой перед стремлением выразить национальную идею нарратологически [1, с. 20]. В случае маори, авторы делают осознанный выбор в пользу английского как языка повествования, что подтверждает гибридность их идентичности. По словам Бхабхи, культурная гибридность создает условия для того, чтобы «перевести», и следовательно реинтерпретировать пространство метрополии и модерности в дискурсивное поле колонизированного [7, с. 6]. Иными словами, маори, находясь в рамках колонизаторской культуры, создают собственное гибридное дискурсивное поле, и детерриторируют английский язык как основной нарратологический инструмент. Так, Вити Ихимаэра вводит в своих англоязычных произведениях серию

образов, раскрывающих бытование маори, идентификационно гибридизированное колонизаторской культурой.

Многие образы являются сквозными для творчества Ихимаэра, среди которых образ деревни Вайтуи (Waituhi), которую покидают маори в поисках лучшей жизни в городе, но возвращаются в дни скорби и радости; образ ритуального дома Ронгопай (Rongorai), который, выполняя функцию родового центра, расписан формальными знаками культуры колонизатора. Уровень детерриторизации английского растет максимально в эпичном для маорийского ренессанса романе В. Ихимаэра «The Matriach» (1986, «Матриарх»), в котором интертекстуально, в полемической форме, автор сталкивает мифологию маори, библейские мотивы, элементы колониальной истории Новой Зеландии и итальянского возрождения, музыку итальянского композитора Дж. Верди. Детерриторизируя английский язык, Ихимаэра создал гибридную, фрагментарную картину современных маори, что было бы невозможно без английского как языка-посредника.

В малой литературе любой нарратив политичен, что возникает из-за тесного творческого пространства, которое не дает ничему остаться индивидуальным делом и несет в себе революционный призыв [1, с. 21]. Маорийский ренессанс тесно связан с политическим движением маори за национальное самоопределение и включает в себя литературное начало как нарратологическую презентацию национального самосознания. Так Патриция Грейс (1937-) в романе «Potiki» (1986, «Потики» - *маор.* дети, потомки) описывает развитие семейных отношений на фоне борьбы за родовую землю против строительной компании, что превращает социально-бытовой конфликт в политическое противостояние между маори и белыми поселенцами. Повествование ведется от лица двух героев, брата и сестры, Токо (Toke) и Ройматы (Roimata), а также третья часть представляет собой отдельные воспоминания, рассказанные членами племени на встречах в ритуальном доме. Таким образом, П. Грейс создает полифоничность, которая отображает единство маори на пути к самоопределению.

Гибридная природа бытования маори проявляется в их попытке сочленить свое прошлое с настоящим и будущим, ощущая себя в современности частью большой картины мира. Например, в предисловии романа, когда П. Грейс описывает работу резчиков, ключевого лица для племени в вопросе сохранения памяти об ушедших поколениях: «They wished to include all the famous ancestors to which they were linked also to include the ancestors which linked all people to the earth and the heavens from ancient to future times, and which told people of their relationships to light and growth and

to each other» [Они хотели добавить всех известных предков, с которыми они чувствовали связь, также добавить предков, которые связывали всех людей на земле и небесах, начиная с древних времен и заканчивая будущим, и так они говорили своим людям, что они связаны со всем светом и со всем, что растет, и друг с другом.] [8, с. 10]. Такое соединение мира маори и внешнего мира также проявляется в образе Токо, чей образ полон аллюзий на мифологического героя Мауи (Maui), мифологического для маори создателя островов, и Иисуса Христа, центральную фигуру в христианстве, в описании его жертвенности.

В условиях плотности культурного пространства для авторов малой литературы, на первый план выходит коллективное высказывание, которое делает позицию писателя во многом вне социальных процессов наиболее ценной [1, с. 21-22]. В то же время положение автора является гибридным, так как автор наблюдает извне за социальными процессами, будучи одновременно и инсайдером. Это состояние Х. К. Бхабха описывает как нахождение в “in-between space” (межпространство), в котором исследователь помещает культуру наций пост-колониального пространства, указывая на их оторванность от доколониальных корней [7, с. 215-217]. Философ видит в этом возможность вхождение новых гибридных концептов в глобальную картину, и межпространство формирует, собирает в единое все творческие проявления гибридности, повышая их плотность, так как находится на границе двух культур колонизатора и колонизированного.

В отличие от «больших» литератур, в литературе маори четко проявляются общие темы, черты типичного героя и схожесть поэтики авторов, которые образуют нарратологическую презентацию коллективного высказывания. Среди сквозных образов - герой-подросток, чья психологическая незрелость острее раскрывает идентификационный кризис (Вити Ихимаэра «Rounamu, Rounamu» (1972), Алан Дафф «Once were Warriors» (1990)). Также, авторы обращаются к образу женщины, хранительницы семейного очага, маорийских обычаев, которая проходит рефлексивный путь в попытке раскрыть истинную историю своего народа (Вити Ихимаэра «The Matriarch» (1986), Патриция Грейс «Potiki» (1986)). Также главным героем часто выступает потомок смешанных браков, который не может найти себя ни в одной из культурных пространств, чувствуя себя чужим, «другим» (Кери Хьюм «The Bone People» (1985), Вити Ихимаэра «Tangi» (1973)).

Во второй половине 20-го века произошел творческий прорыв среди маори, который был определен литературоведами и культурологами как маорийский ренессанс. За несколько десятилетий был создан корпус литературных текстов на

английском языке и частично на маорийском, тематика которых связана с вопросом национальной идентичности, будущего маори как коренного этноса Новой Зеландии. Национальная идентичность маори обрела гибридную природу в результате влияния британской культуры колонизаторов, занимающей довлеющую позицию над колонизированной культурой коренного этноса, что определило гибридную природу литературного текста маори. Процесс смешения культур и гибридизации национальной идентичности для маори более интенсивен, чем для других национальных групп, имевших опыт колониального угнетения и получивших и государственный суверенитет, в отличие от представленного этноса. Это дает возможность определить творчество авторов-маори как отдельное явление внутри национальной литературы, как малую литературу.

Список литературы

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу / пер. с фр. Свирский Я. И. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2015 112 с.
2. Киричек А. С. Социально-психологические аспекты изучения читательской культуры // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Проблемы педагогики средней и высшей школы». Том 27 (66). 2014, № 4 С. 46-56.
3. Коровин А. В. Исландская литература в Америке (к вопросу о национальных границах в литературе) // Studia Literatum. 2016. Т.1, № 1-2. С. 192-210. DOI: 10.22455/ 2500-4247-2016-1-1-2-192-210.
4. Павлов Е., Уильямс М. Вновь приводя в замешательство: малые литературы Аотеароа / Новой Зеландии // НЛО Независимый филологический журнал. 2007. № 85. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/pa23.html>
5. Соловьева А. Н. Детерриторизация социальных практик в контексте этнокультурных ландшафтов // Вестник Поморского университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. С. 126-130.
6. Якушкина Т. В. Что такое итало-американская литература или этническая литература как академический проект // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. 2015. № 1. С. 60-64.
7. Bhabha H. K. The Location of Culture. New York : Routledge, 1994. 285 p.
8. Grace P. Potiki. Talanoa : Contemporary Pacific Literature, 1995. 192 p.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 378. 147

Мифология пространства: от постижения истоков к современной культуре

Егорова Ольга Арсеновна

кандидат культурологии, доцент, факультет иностранных языков
и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова, РФ, г. Москва
egorovaolga29@mail.ru

The space mythology: from the comprehension of the origins to modern culture

Egorova Olga Arsenovna

PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Faculty of Foreign Languages and Area
Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена анализу мифологических представлений древних цивилизаций о пространстве. Актуальность работы заключается в том, что вопросы понимания категории пространства являются основополагающими в лекционных курсах по фольклору, мифологии и литературоведению. Кроме того, изучаемая тема связана с современной геополитикой и решением территориальных споров. Как показывает исследование, мифологические воззрения воссоздают целостную картину мира, в которой доминируют представления об ограниченности пространства. Чаще всего встречаются пространственные парадигмы, в которых центральной точкой служит космическая гора или всемирное древо. В целом, осознание окружающего мира как пересечения горизонтальных линий – запад и восток, север и юг, оппозиции вертикальных координат, объединяющих мир прошлого, настоящего и будущего, а также попытки нахождения точек соприкосновения между ними отразили потребность людей в понимании и упорядочении пространства.

Ключевые слова: мифология, категория пространства, древние цивилизации, мифологическая горизонталь, мифологическая вертикаль, мировая ось, мировое дерево, мировая гора.

Abstract. The article is devoted to the analysis of mythological beliefs of ancient civilizations about space. The relevance of the study is based on the fact that issues of understanding the category of space are fundamental in lectures on mythology, folklore and literary criticism. In addition, the topic is connected with modern geopolitics and resolution of territorial disputes. As the study shows, mythological views recreate a holistic picture of the world, in which the notion of limited space dominates. Most often there are spatial paradigms in which the cosmic mountain or the world tree serves as the central point. In general, the awareness of the surrounding world as the horizontal lines intersection – west and east, north and south, the opposition of vertical coordinates, and the unity of the world of the past, present and future, as well as the attempts to find common ground between them reflected people's need for understanding and ordering space.

Key words: mythology, category of space, ancient civilizations, mythological horizontal, mythological vertical, world axis, world tree, world mountain.

Статья посвящена рассмотрению категории пространства в мифологиях древних цивилизаций. **Актуальность** исследования определяется тем, что сегодня в мире растущей глобализации проблемы пространства и его разграничения становятся чрезвычайно важными. Дело в том, что вместе с естественными процессами стирания межгосударственных границ и взаимопроникновения культур набирают силу центробежные явления, связанные с глубинными цивилизационными противоречиями. В современном мире сохранение территориальной целостности и независимости приобретает колоссальное значение как один из главных способов выживания нации.

Представленное в статье исследование может использоваться в курсах по фольклористике, литературоведению, культурологии и мифологии. В частности, оригинальный материал служит основой темы «Мифология пространства. Миф и античный тип мышления» в лекционном курсе «Мифология и фольклорная сказка: от первобытных верований к современной культуре», проводимом на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова для бакалавров отделения региональных исследований и международных отношений [9]. **Научная новизна** исследования заключается в том, что в нем впервые собраны и сопоставлены мифологические представления о пространстве древних культур. Автор показывает, что эти верования были восприняты современной цивилизацией и органично инкорпорированы в актуальную парадигму представлений человека о мире.

Миф является основой миропонимания людей древности. Следовательно, в мифах находит отражение архаическая картина мира, которая воссоздается определенным типом мышления, включающая специфические для каждой культуры и нации представления о пространстве и времени.

Однако миф не только иллюстрирует мировоззрение людей в прошлом, но и через пространственное миропонимание, через мифологическую систему ценностей и взглядов воздействует на все аспекты античной культуры. Человек ощущает необходимость в осознании мира, в постижении существующих в нем законов. Неудивительно, что с самых древних времен потребность в упорядочении пространства и ориентации в нем стали для социума одной из насущных задач. В целом, представления о пространственных отношениях являлись одной из реперных точек, на которых выстраивалась вся конструкция мифологической картины мира, что и определило их существенное влияние на современную культуру [13].

Как свидетельствуют античные мифы, греки и римляне полагали, что пространство мира не беспредельно, а ограничено. Мир представлялся состоящим из небольших частей (элементов) первоматерии: атомов или айперонов. При этом вселенная не была пустой, атомы были тесно связаны друг с другом, а мир – вещественен и телесен, как состоящие из плоти и крови боги древнегреческой мифологии [6].

Представления о пространстве постепенно эволюционировали по мере того, как люди познавали и осваивали окружающий мир или, с мифологической точки зрения, перемещались от хаоса к космосу. Первоначально для понятия мифологического пространства было важно его осмысление как территории обитания, отграниченной от враждебной внешней среды. Мир подразделялся на две оппозиции, две полярные территории: свое пространство и неизведанное. Таким образом, в миропонимании древнего человека возникает бинарное противостояние: «свое и чужое» [8].

Необходимо отметить также, что определяющими элементами мифологического пространства являются два компонента: центр и путь. Так, по мнению В.Н. Топорова, основной функцией центра следует считать его координирующую роль. «В горизонтальной плоскости космоса, – пишет В.Н. Топоров, – пространство становится все более сакрально значимым по мере движения к центру, внутрь. Значимость пути определяется тем, что он «всегда соотнесен с сакральным центром, он «связывает... самую отдаленную и труднодоступную периферию и все объекты, заполняющие и/или образующие пространство, с высшей сакральной ценностью, находящейся в центре» [16, с. 230].

Одновременно оппозиция «своего» и «чужого» пространства в мифологических воззрениях, осознание неизведанного – предельно удаленного от центра места – как участка беспорядка и вражды определяет символический смысл границы – в мифах, фольклоре, заговорах и ритуалах.

Граница – это самая драматическая, критическая и опасная, сопряженная с неожиданными встречами и внезапными поворотами судьбы зона мифологического пространства. Рассмотрим, чем это может быть объяснено.

Ясно, что граница – это линия, максимально удаленная от центра известного мира. Это означает, что здесь прекращают действовать все сакральные силы центра, заговоры, обереги, меняется система ценностей. И напротив: за пределами границы начинается «иное» пространство со своими «аксиомами», законами бытия и действующими силами. Внутри границы своего мира человек защищен своим

миропорядком, он находится «дома» на своей земле. Перейдя эту предельную черту, оказавшись «за границей», человек сталкивается не только с другим обществом и людьми других национальностей и культур, но и оказывается в другой вселенной, ощущает себя космически одиноким вне своего привычного бытия. Именно поэтому на протяжении всей истории человечества особую важность как для политики, так и для всей культурной парадигмы имела демаркация границ и их защита [12].

В качестве наглядного примера вспомним о композиции волшебных сказок. Структура народных сказок характеризуется противопоставлением о двух мирах [15]. Сказка начинается с описания привычного места обитания –своего царства: «В Некотором царстве стояла небольшая деревня» или «В некотором царстве-государстве жил-был мужик». Герой отправляется в путь в поисках счастья и попадает в совершенно незнакомое ему место, которое находится на вершине горы или на дне моря, за океаном или в дремучем лесу. В русских сказках Баба Яга охраняет границу и сторожит вход в иное царство. Она испытывает героя и пропускает только достойных. Попасть в тридесятое царство можно только через ее избушку на курьих ножках, которая стоит на краю леса [2].

Зачин волшебных сказок обычно реалистичен – в нём описывается трудовая жизнь крестьян, семейные проблемы, бытовые заботы. Однако, как только герой попадает в избушку, полностью меняется сказочная атмосфера. Герой переходит границу и попадает в «тридесятое царство», в котором он сталкивается со множеством испытаний, сражается с фантастическими чудовищами. Ему противостоят мистические и чудесные силы, а законы обыденного мира перестают действовать [10].

Это противопоставление принципиально важно. Однако окультуренная территория также не была однородной: в ней существовал центр – сакральное пространство и периферия – пространство профанное. Сакрализованный центр маркировался храмом или алтарем, на основании которых возникает понятие об оси мира (по-латински – Axis mundi) [11].

Заметим, что в целом пространство в мифологии и в окружающем мире измеряется как по горизонтали, так и по вертикали, что находит символическое отражение в числах три, четыре и семь, имеющих магическое значение в культурах многих народов.

Рассмотрим, как в мифологии отражается горизонтальная картина мира. Необходимо отметить, что горизонтальное мифологическое пространство рисуется

как скрещение четырех сторон света, что объясняет значимость числа четыре в мифологических и религиозных представлениях, в народных верованиях и в быту [4], [1]. С древних времен четыре стороны света – юг и север, запад и восток – представлялись в виде крестообразного символа, изображающего космос. По мнению древних людей, каждая из сторон света имела свое магическое значение и олицетворяла определенные силы природы. Заметим, однако, что символическое значение сторон света истолковывалось логически и было связано с движением солнца и с климатическими условиями.

Так, восток, где встает солнце, символизировал новую жизнь, юность и воскрешение. В то время как запад олицетворял сон и забвение. По представлению африканских племен, запад – это место, куда попадали души злых людей после их кончины. Север олицетворял агрессивные силы природы: холод, тьму, хаос и голод. Юг же ассоциировался с мужественностью, страстью и энергией [17].

Пространственные ориентации человека нашли отражение в устройстве его места проживания. Образ мира, поделенного на четыре части, находил своё отражение в устройстве жилища человека. Так, «четыре стороны (четыре стены, четыре угла) дома с находящимся в центре деревом удивительно точно повторяют словесные и живописные тексты, описывающие четырехчленные модели мира (разных культурных традиций)» [5, с. 37].

Тем не менее человеческое существование определяется также вертикальными пространственными представлениями. Индивидуум находится в пространстве, обуславливаемом верхним миром – небесным сводом, средним миром – землей и нижним миром – подземельем. «Средоточие всей системы мироздания находится в центре, и в мифологии этот центр именуется Пупом Земли либо местом Первотворения» [5, с. 36].

Сакральный центр, который маркировался мировой осью, храмом или алтарем, являлся высшим, священным смыслом [7]. Интересно отметить, что эти представления широко распространены и в настоящее время. Так, территория, на которой проживает этнос, считается местным населением центральной точкой мира. Это обуславливает чрезвычайную важность мифов о первотворении для всех обществ как в эпоху формирования национальных государств, так и сегодня – во время всеобщей интеграции.

Заметим, что мировая вертикаль в мифологических представлениях приобретает видимые образы. В культурах практически всех народов мира

существуют мифологемы и символы, соответствующие мифологическому понятию оси мира.

Изображение оси мира видоизменяется у разных народов в соответствии с мировоззрением, свойственным национальным культурам. Ось мира, связывающая три измерения, согласно мифам, представляется как гора, храм, алтарь, мировое дерево, лестница или даже лиана.

Священная гора, реальная или фантастическая – это распространенный образ оси мира. Она считается центром вселенной и местом сотворения мира. Олимп в Греции, или точнее горный массив на границе Македонии и Фессалии – это самый известный пример мировой горы.

Следует подчеркнуть, что наиболее наглядно античные пространственные представления находят отражение в древнегреческой мифологии. Так, согласно мифам боги находились в целостном, едином с человечеством космосе [14]. Сопредельность и взаимопроницаемость земной жизни и небесной актуализируется в сюжетах, в которых мифологические герои перемещаются между мирами. Верховный бог Зевс путешествует с Олимпа на Землю, чтобы встретиться с юными девами; богини Афина, Афродита и Гера спускаются на Землю и обращаются к юноше Парису с просьбой выяснить, кто из них самая красивая. Загадочный загробный мир, где властвует Аид и пребывают тени людей, тоже оказывается связан с реальностью и вполне достижим для героев античного эпоса. Так, например, Орфей спускается в царство мертвых в надежде вернуть свою жену Эвридику, однако терпит неудачу, а могучему Гераклу, напротив, удастся выбраться из подземного мира вместе со своей любимой супругой.

Мировая ось также предстает в образе мирового дерева, которое связывает три уровня: мир прошлого – загробный мир, мир современный – реальный мир и мир божественный – мир будущего. С этим образом тесно связано и представление о космической горе, также подразделяющейся на три царства. Эти мифологические представления не входят в противоречие. Они гармонично дополняют друг друга, создавая единый образ: мировое дерево произрастает на вершине высокой горы, находящейся в центре вселенной, что отображает одну из ключевых идей о сакральной оси мироздания.

Божественный мир и подземное царство нередко разделяются на ряд отдельных миров. Древние ацтеки полагали, что небесный мир состоит из тринадцати четко разграниченных уровней, а в подземном мире, в свою очередь, существует девять уровней. Считалось, что шаманы и знахари, пребывая в

магическом трансе, приобретали трансцендентальные свойства и могли путешествовать между мирами с тем, чтобы вернуть душу больного или отогнать злых духов [17].

Мировое дерево фигурирует также в фольклорных произведениях. В заговорных текстах мировое дерево располагается в центре вселенной, посередине океана на острове Буяне, где на камне стоит священный дуб, яблоня, кипарис, явор или берёза [1].

В свадебном фольклоре мировое дерево символизировало плодородие земли и обилие урожаев, на ветвях дерева птицы вили гнезда, в стволе находились пчелы, приносящие мед [2].

Заметим, что существуют также и другие модели мира, например, в виде мирового храма. Так, в соответствии с итальянской мифологией или мифологией этрусков, отражающей представления народов Италии, вселенная – это трехступенчатый храм. Видимая верхняя часть соответствовала небу, средняя находилась на уровне земли, а нижняя представляла собой подземное царство. Между тремя мирами существовала связь и взаимное влияние. В связи с этим, влиятельные гадалки – гаруспики, наблюдая за небом, могли предсказывать судьбы людей и государства.

Пространственные представления о мироздании этрусков находят отражение в устройстве их жилища или атрия. Так, в потолке дома располагалось отверстие, которое использовалось в ритуалах для связи с небесными силами [12].

Таким образом, мифологические пространственные воззрения воссоздают целостную картину мира. Она объединяет горизонтальную составляющую, состоящую из четырех сторон света, и вертикальную ориентацию, объединяющую мир прошлого, настоящего и будущего. Примечательно, что цифры три и четыре, связанные с категорией пространства, образуют в совокупности символику числа семь, имеющего магическое значение в культуре разных народов. Так, число семь предстает мерой значимости поступков, символом содержательности жизни в пословицах и поговорках: «семь раз отмерь - один раз отрежь», «семеро одного не ждут», «семь верст до небес, и все лесом», «семь дел в руки не берут», «семь деревень, а лошадка одна», «семь раз по-твоему, да хоть раз по-моему», «семь рек осушила, холста не смочила» [3]. Видимо, в символике числа семь мистически соединены важнейшие циклы человеческой жизни: восход и заход Солнца и вращение Земли вокруг своей оси.

В мифологии доминирует представление об ограниченности пространства. Чаще всего встречаются пространственные парадигмы, в которых центральной точкой служит космическая гора или всемирное древо.

Пространственное миропонимание основано на бинарных противопоставлениях и архетипических символах: свой – чужой, верх – низ, космос – хаос.

В целом, осознание окружающего мира как пересечения горизонтальных линий – запад и восток, север и юг, оппозиции вертикальных координат, вместе с традицией членения мира на три уровня и попытками нахождения точек соприкосновения между ними отразило потребность людей в понимании и структурировании пространства.

В настоящее время мифологические представления о пространстве продолжают играть большую роль не только в мировой культуре, но и в геополитических отношениях, являясь важным историческим аргументом в территориальных спорах и конфликтах.

Список источников

1. Аникин В.П. Русские заговоры и заклинания. – М., 1998.
2. Аникин В.П. Теория фольклора. – М., 2004.
3. Аникин В.Н. Русские пословицы и поговорки. – М., 1988.
4. Бузылева А.И. Мифы Древнего Египта: тайны богов и великой цивилизации. – М., 2016.
5. Ващенко А.В. Суд Париса: Сравнительная мифология в культуре и цивилизации. – М., 2008
6. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. – СПб.: Азбука, 2016.
7. Гулыга А.В. Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука. – М.: Наука, 1985.
8. Гуревич П.С. Социальная мифология. – М, 1983.
9. Егорова О.А. Лекционный курс «Мифология и фольклорная сказка: от первобытных верований к современной культуре: задачи, обучающие стратегии, содержание. // Мир педагогики и психологии. 2019. № 12 (41). С. 108-114.
10. Егорова О.А. К вопросу об актуализации мифологических представлений в фольклоре (на материале русских и британских сказок) // Litera. 2018. № 3. С. 296-303.
11. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976.
12. Найдыш В.М. Мифология. Учебное пособие. – М.: Кнорус, 2010.
13. Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа. Что такое "миф" и "мифология"? // Современная российская мифология. – М.: РГГУ, 2005.
13. Нейхардт А.А. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. – М.: Правда, 1987.
14. Пропп В.Я. Русская сказка. – М., 2000.
15. Топоров В.П. Текст: семантика и структура // Пространство и текст. - М., 1983., С. 227 -284.

16. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М.: Политическая литература, 1980.

ЖУРНАЛИСТИКА

UDC 347.78.034

Ways of conveying shocking news headlines

Махатова Назым Мухатаевна

магистр педагогических наук, Карагандинский государственный университет
им. Е. А. Букетова, Караганда, Казахстан
nazym.studyinn@gmail.com

Мукажан Айгерим Курметовна

магистр гуманитарных наук, Карагандинский государственный университет
им. Е. А. Букетова, Караганда, Казахстан
ice_lady_01.05@mail.ru

Способы передачи эпатажных заголовков новостей

Makhatova Nazym Muhataevna

Master of Education, E.A. Buketov Karaganda State University, Karaganda, Kazakhstan

Mukazhan Ajgerim Kurmetovna

Master of Humanity, E.A. Buketov Karaganda State University, Karaganda, Kazakhstan

Abstract. The purpose of the scientific article is to identify the challenges encountered in translating the headlines of news newspapers in the Kazakh language. In the course of the study, the essence of the concept heading news articles was clarified; defined concept and function of news headlines; defined lexical-stylistic features of headings in translation from English into Kazakh are revealed. A comparative analysis of the headers using idioms, clichés, tropes and abbreviations is performed. Reading modern newspapers, we can be certain that the headline is a special lexico-grammatical structure of the newspaper text, which not only informs the reader about the story of the article, but also has an additional function, demonstration of the cultural perception of the world. Headlines contain emotionally colored words, phrases, sayings, expressions and special terms to produce a strong emotional effect. From a linguistic point of view, all headlines are just like work of art that also should be preserved as much as possible in translation. Headlines can be viewed as an expression of cultural identity which may pose some problems in translation.

Key words: news headline, conveyance, publication, function, subheadline, comparative analysis, publicistic style.

Аннотация. Цель научной статьи состоит в выявлении трудностей, встречающихся в переводе заголовков новостных газет на казахском языке. В ходе исследования уточнена сущность понятия заголовков новостных статей; определена концепт и функция новостных заголовков; выявлена лексико-стилистические особенности заголовков в переводе с английского на казахский язык. Осуществлен

сравнительный анализ заголовков с использованием клише, тропов и сокращений. Читая современные газеты, мы можем быть уверены, что заголовок представляет собой особую лексико-грамматическую структуру газетного текста, которая не только информирует читателя об истории статьи, но и выполняет дополнительную функцию - демонстрацию культурного восприятия мира. Заголовки содержат эмоционально окрашенные слова, фразы, поговорки, выражения и особые термины для создания сильного эмоционального эффекта. С лингвистической точки зрения все заголовки подобны произведению искусства, которое также должно быть максимально сохранено при переводе. Заголовки могут рассматриваться как выражение культурной самобытности, что может создавать некоторые проблемы при переводе.

Ключевые слова: новостные заголовки, перевод, передача, публикация, функция, подзаголовок, сравнительный анализ, публицистический стиль.

Throughout the history of its existence the effectiveness of a newspaper text largely depends on its title. The audience primarily relies on the title when choosing the text, so its function is to make people pay attention toward its content. It should motivate the recipient to read and to be involved. David Ogilvy mentioned "On the average, five times as many people read the headlines as read the body copy. It follows that unless your headline sells your product, you have wasted 90 percent of your money" [1; 7]. Shocking discoveries, information leaks, as well as hilarious and tragic news will keep an audience engaged toward the content. A.N. Kulakov noted that "The headline stands above the text and it is separate from it, this allows it to function as an independent unit of speech" [2].

The characteristic features of the newspaper style are its information content, logic, accuracy and objectivity. The reader is faced with many lexical and grammatical difficulties. But even at the stage of searching for the necessary information, the first thing that draws attention is the title of the article. In addition, an understanding of someone else's mentality, the ability to interpret correctly and transmit the source text into the target language are very important for the translator, officer, as this is associated with the fulfillment of tasks [3].

V. Dal emphasizes the headline as "an output sheet, the first sheet of a book or essay, where its name is indicated. The title also refers to the name of the section and the chapter of the book" [4]. S. Ozhegov said that the title is already defined as the name of a work (literary, musical) or as the name of its parts [5].

All the definitions above are true for the newspaper headlines. It should be noted that the newspaper headline has its own specificity, reflecting the newspaper features as it follows: efficiency, publicity, genre coloring. The headline is the first signal that forces us to pay attention to the newspaper article or set it aside. Preceding the text headlines bring us certain information about the article and about the publication as a whole.

Thus, the headline represents the first element of the published text first of all, the main functions of a newspaper headline are informative and expressive functions. On the one hand, the title should convey the main content of the article in a concise form (i.e. provide information), on the other hand, it should catch the reader's attention to particular article, which is impossible without using certain expression. The headlines should be conspicuous and memorable.

Many American newspaper headlines reflect the essence of the event in a compendious form as it is possible. In order to perform this task all well-known lexical and syntactic means of expression can be used. According to the figurative meaning of words an article can have expressive headline with colored vocabulary, synonyms and antonyms. In the headlines we can face proverbs, sayings, idioms, names of famous songs, movies, plays, quotes, conversational elements, phonetic and morphological means of expression.

For example: English newspapers use *cope* instead of *policeman*, *foe* instead of *enemy*, to *irk* instead of the verb to irritate. In addition, the headlines of English newspapers are characterized by the frequent use of special words (heading jargon): *ban*, *bid*, *claim*, *crack*, *crash*, *cut*, *dash*, *hit*, *move*, *pact*, *plea*, *probe*, *quit*, *quiz*, *rap*, *rush*, *slash* and others. A distinctive feature of such a "heading vocabulary" is not characterized only by the frequency of their usage, but also by the universal nature of their semantics. For example: – 25,000 new England cotton workers hit the bricks - the expression to hit the bricks is borrowed from the American thieves' jargon, that means to get out of prison, and here it is used in a metaphorically meaning to go out, go out of the factory, i.e. to strike. The translation should contain neutral vocabulary: – Англияда 25000 тоқыма өндірушілері ереуілге шықты.

Ellipsis. Ellipsis is an omission of words that do not affect the understanding of the text. This technique is used to reduce the number of words so that the headline does not seem long and can catch the readers' eye. Different parts of a sentence, often they are subject or predicate, can be omitted from the sentence, what can causes difficulties in translation. If the subject is omitted, the translator has to deal with impersonal sentences: – "Expect no change in North Korea" – "Солтүстік корейдан өзгерістер күтілмейді", if the predicate is omitted in the sentence, the meaning is not so difficult to understand, translating of such headlines is not time-consuming. We can observe this in the following example: – "Web Protest". – "Желідегі наразылық".

The headline "Golden Shot for British Teenager" translates to "Британдық жасөспірімге алтын оқ". Here, after the word "shot" can stand the predicate "is made" with the preposition "by". Then the translation would be as following: Алтын оқ Британдық жасөспірім қолынан жасалды. But there is no need to use the predicate in order to convey

the meaning of the sentence. The absence of the predicate gives dynamic character to the headline. The headline of another article, "Royal Approval for Young Leader's Africa Mission," translates as "Африкадағы жас миссионерлерге арналған корольдік қолдай". The sentence also omits the predicate "is made". As in the first example, the predicate is not necessary. And without this predicate, the meaning of the sentence is completely clear.

The headline constructs a single system with an article "headline – text" [6]. The headlines can contain quotes, which can be expressed as a direct, indirect speech: "Russian Link is Basic to us" – the President. – "Ресей мемлекетімен ара қатынасымыз өте маңызды"-дейді елбасы. Many headlines in English and American newspapers are structured as questions: What Are We Eating?

The use of cliches and tropes. Often English-language headlines are accompanied by various cliches, expressive means, allegories, persistent phrases. The difficulties of such examples lies not only on recognizing these aspects, but also on their correct rendering to a foreign language. Example of allusion: "Mars attacks! Morocco pelted with rocks from the Red Planet" – "Марс шабуылдауда! Марстан Морокко жеріне метеорит жауыны түсті". This proposal is a reference to the comedy directed by Tim Burton, "Mars Attacks!" (1996). Headlines with such allusions are difficult to distinguish if the translator is not sufficiently familiar with the literature, political life, and everyday life of England or the USA. So, for example, in order to understand the following headline: A New York Times story about random sounds in music and on TV commercials that make people think it's their phone ringing was headlined, -"I Hear Ringing and There's No One There. I Wonder Why". - "Қоңырауды естимін бірақ жауап жоқ, неліктен бұл білмеймін" A perfect headline for that story. But it's also an allusion to the Irving Berlin's comedy song, "You're Just in Love,"(Call Me Madam).

The desire to give an intriguing, enticing character to the headline leads to the fact that headline do not perform its informational function, without reporting the actual meaning of the content. In these cases it is necessary to expand the headline and to attract attention adding extra details from the text. Example: -"Giant leap for mankind". – "Адамзат үшін бір қадам". The title is supplemented with some details from the article in order to give extra information to the reader: Armstrong takes 1st step on moon. From this subheadline, the title becomes clear and encourages the reader to read the entire article.

Pic.1. Article from the Chicago Tribune

Pic.2. Article from the St.Petersburg Times

In the headline “Clinton Rice his Eyebrows” the phrase “to raise eyebrows” conveys a feeling of either surprise or neglect. To clarify the meaning of this phrase, we have to refer to the text: President Clinton commended to journalists today that he had been much surprised by the suggestion that the control of visas for entry into the United States be transferred from the State Department to the Department of Justice. From the text it becomes clear there were the sense of surprise, and now we can give a proper translation to the title, trying to preserve the imagery element of the headline. Since this element is the phrase “to raise the eyebrows” is not common to use in Kazakh translator have to find an analogue: “Clinton makes surprised face”. “КЛИНТОН мырза/ханым аң-таң”.

For example: Teacher Strikes Idle Kids. First meaning is “The teachers are on strike, which idles the kids”. Second meaning is “A teacher strikes kids who are idle”. Actual meaning is “Kids are idle because their teachers are participating in the protestations. And this headline forces the recipient to read the article to understand the meaning. The ambiguity is not a bad thing to use in newspapers. Newspaper headlines are supposed to

attract the readers' attention and this headline is expected to attract the readers' attention. The abbreviated language we see in headlines is not faithfully mirror of the language somebody would use in a conversation. Headlines are meant to be short, haunting and absorbing. Readers always expect the brevity.

Headlines try to be clever. A headline has a lot of information in a small space. The words have to be chosen carefully. These actually appeared in newspapers. Translators' task is to figure out two things with ambiguous newspaper headlines: what did the writer mean to say, and how else could the headline be interpreted. For example: 1) –“Iraqi head seeks arms”. Actual meaning is “An Iraqi official of the state is seeking weaponry”. -Ирак шенеунігі қару іздестіруде. 2) –“Stolen painting found by tree”. Actual meaning is “A stolen painting has been found near tree”. – Ұрланған сурет ағаш маңынан табылды 3) Miners refuse to work after death. Actual meaning “Miners refuse to work any further, following the death of a miner. – Кеншілер бір өлімнен соң жұмыс істеуден бас тартуда.

The national stereotypes are usually predetermined by the national specificity of person's thinking. Representatives of different ethnic groups use different lexical and grammatical units when expressing the same semantic content. For example, the Kazakhstan boxer Gennady Golovkin: “Головкиннің кезекті жеңісі” (Егемен Қазақстан/ Egemen Kazakhstan 21.10.2014), “Қарсыласын шалқасынан түсірді”(Ана тілі/ Ana tili 23.10.2014), “Стивенсті сабады” (Сарыарқа самалы / Saryarka samaly 05.11.2013), “Nothing can stop Gennady Golovkin, not even a punch to the face” (Washington post 27.07.2014), “Runyonesque Flurry Spans Two Arenas” (New York Times 22.07.2014). As we see, the headlines in Kazakh language are built usually in the form of denominative statements or using literary and figurative words providing the expressive headline of the article. American newspapers were more generous describing victories of fighters using imagery techniques and so giving great attention to the headline.

Pic.3. Article from the New York Times

We may not ignore the dual nature of the linguistic view of the world: it reflects the conditions of human life and the environment, which directly determine their behavior, consciousness and identity, while at the same time, the process of perception of the world by the human takes place directly through his native language, pre-empting, in turn, his way of thinking. In any case, we cannot refuse the fact that the language and culture of a particular nation forms their thinking, and that the worldview of the speakers of different languages differ from each other.

E.G. Tareva says that, “translation is not only translation between two languages, but also a kind of cross-cultural communication; interpretation that is full of challenges” [7].

It seems logical that there is no clear answer to the question “how to translate foreign headlines”. Every headline is considered to be observed in details, each headline has a unique way of translating. If we offer any headline to several translators, each will give a suitable interpretation, but these translations will all be completely different, what is considered to be the main interesting feature of this profession.

Reading modern newspapers, we can be certain that the headline is a special lexical-grammatical structure of the newspaper text, which not only informs the reader about the story of the article, but also has an additional function, demonstration of the cultural perception of the world. Headlines contain emotionally colored words, phrases, sayings, expressions and special terms to produce a strong emotional effect. From a linguistic point of view, all headlines are just like work of art that also should be preserved as much as possible in translation. Headlines can be viewed as an expression of cultural identity which may pose some problems in translation. Publicistic headlines are responsible for the success or failure of the newspaper.

The constant growth of information flow within the existing world can appear in having lack knowledge of the language culture. Headlines are written as concisely as possible, with semantically secondary elements are omitted. The headlines of the English-language press are characterized by the frequent use of special words that make so-called “headline jargon”. But if the translator understands the features of the translated text, takes into account the specifics of the language, can recognize metaphors and allusions, he will be able to translate easily and translation will be of high quality.

We need to add translators’ understanding skill to get high-quality translation. Lexical translation errors occur because of misunderstanding (or incorrect understanding) of the source material. It is important to compare and analyze the cultural and national values while translating the same values of other nations. Analyzing headlines of two languages, we notice differences in the perception of the world at the lexical and at the

grammatical level. The Anglo-American headline's language is special and has its own characteristics. It is known that the headlines have been studied extensively not only by journalists but also by linguists.

List of references

1. David Ogilvy "Ogilvy on Advertising" 2007, Vintage; 1st Vintage Books ed edition.
2. Kulakov A.N. The headline and its design in the newspaper. L., 2005.132 p.
3. Медведев, Н. А. Лексические особенности англоязычных газетных заголовков и передача их при переводе / Н. А. Медведев, Е. В. Землянко. — Текст : непосредственный, электронный // Молодой ученый. — 2017. — № 5 (139). — С. 437-439. — URL: <https://moluch.ru/archive/139/39193/> (дата обращения: 01.05.2020).
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, М.: Эксмо, 2017, т. 1. 896 p. / Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka, M.: Jeksmo, 2017, t. 1. 567 p.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А Темп, 2013. 874 с. / Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: A Temp, 2013. 874 с.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. — М.: Альянс, 2017.-254 с. / Komissarov, V. N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty): uchebnik dlja in-tov i fak. inostr. jaz. / V. N. Komissarov. — М.: Al'jans, 2017.- 254 s.
7. Тарева Е.Г (2011) "Межкультурный подход к подготовке современных лингвистов". / Tareva E.G (2011) "Mezhkul'turnyj podhod k podgotovke sovremennyh lingvistov".

УДК 070

Особенности функционирования СМИ Республики Корея (на примере освещения российских новостей)

Чой Екатерина Александровна

аспирант кафедры психологии и педагогики
Российский университет дружбы народов, РФ, г. Москва
roza.vetrovaa@gmail.com

Чой Сынхен

студент магистратуры кафедры теории и истории журналистики
Российский университет дружбы народов, РФ, г. Москва
myimitrolls@gmail.com

Features of the functioning of the media of the Republic of Korea (on the example of coverage of Russian news)

Choi Ekaterina Alexandrovna

graduate student of Psychology and pedagogy Department
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia, Moscow

Choi Seunghyeon

graduate student of Theory and the history of journalism Department
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia, Moscow

Аннотация. Данная статья посвящена анализу особенностей функционирования СМИ Республики Корея на современном этапе на примере освещения российских новостей. Актуальность темы обусловлена важностью расширения знаний о зарубежных тенденциях развития журналистики и необходимостью обмена опытом между российскими и корейскими учёными и специалистами в области СМИ. В статье рассматриваются основные особенности журналистики Республики Корея, а также проблемы освещения российских новостей в СМИ Республики Корея. В заключении делается вывод о необходимости в переориентировании журналистики Республики Корея в условиях развития интернет-технологий, которые оказывают серьёзное влияние на традиционные СМИ, а также о том, что существует искажённое представление о российской действительности в Республике Корея, что требует повышения эффективности деятельности СМИ в вопросе освещения российских новостей.

Ключевые слова: СМИ, корейская журналистика, российские новости

Abstract. This article is devoted to the analysis of the features of the functioning of the media of the Republic of Korea at the present stage by the example of Russian news coverage. The relevance of the topic is due to the importance of expanding knowledge about foreign trends in the development of journalism and the need for the exchange of experience between Russian and Korean scientists and specialists in the field of media. The article discusses the main features of journalism in the Republic of Korea, as well as the problems of coverage of Russian news in the media of the Republic of Korea. In conclusion, it is concluded that there is a need to reorient journalism in the Republic of Korea in the context of the development of Internet technologies that have a serious impact on traditional media, and that there is a distorted view of Russian reality in the Republic of Korea, which requires increasing the effectiveness of media activities coverage of Russian news.

Keywords: Media, Korean journalism, Russian news

Интерес к Республике Корея в России обусловлен тесным сотрудничеством между двумя странами. В 2020 г. отмечается 30 лет со дня заключения дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея [5]. Отношения между двумя государствами имеют многолетнюю историю. 15 августа 1945 г. Советская армия разгромила вражескую Квантунскую группировку и таким образом положила конец японскому колониальному режиму на корейском полуострове, который длился, начиная с 1905 г. В 1948 г. произошло территориальное деление полуострова, и на Севере образовалась Корейская Народно-Демократическая Республика (Северная Корея), а на Юге – проамериканская Республика Корея (Южная Корея) [3, 13]. С 1950 по 1953 гг. между Северной и Южной Кореей происходил кровопролитный конфликт, который обострил отношения между государствами вплоть до 1990-х годов. В тот период СССР оказывал поддержку

Северной Корее, а США – Южной Корее, на основании соглашения о совместном управлении страной. 30 сентября 1990 г. были заключены дипломатические отношения между Республикой Корея и СССР. Начало активно развиваться сотрудничество между двумя странами. Ежегодно проводилось 30 встреч на высшем уровне, а в 2008 г., во время визита в Россию корейского президента, российско-корейские отношения были преобразованы в «стратегическое партнёрство». Сегодня в историческом и географическом плане Россия находится в тесном взаимодействии с Корейским полуостровом, стремится сохранять мирные отношения с Сеулом (столица Республики Корея) и Пхеньяном (столица КНДР). По многим вопросам международного уровня Россия и Республика Корея придерживаются единой точки зрения.

В данном исследовании делается попытка выделить особенности функционирования СМИ Республики Корея на примере освещения российских новостей.

Вначале мы рассмотрим характерные черты СМИ Республики Корея. История показывает, что корейские СМИ являются хранителем демократии, которая подразумевает «критику власти», «защиту слабых» и т.п. [4] Это помогают понять не только исторически сложившиеся характеристики печатных СМИ, но и текущее состояние журналистики. «Страна утренней свежести» – Республика Корея – это государство, которое, несмотря на тяжёлые потрясения во время экономического кризиса 1997-1998 гг., за небольшой исторический период добилось серьёзного экономического прогресса [2]. Появившаяся в 1883 г. корейская пресса существовала при 35-летней японской колонизации, функционировала во время корейской войны и в почти 30-летний период военной диктатуры [17]. Несмотря на трудности, корейские журналисты неизменно следовали собственным традициям и были голосом корейского общества. Сегодня и печатная и электронная журналистика в Республике Корея занимают очень прочные позиции в стране, частные и государственные структуры выделяют значительные средства на их развитие. Профессия журналиста является престижной и привлекает внимание молодого поколения граждан. Влияние СМИ Республики Корея за последние годы возросло и за рубежом. Несмотря на трудности, время доказало возможность вступления Республики Корея в ряд наиболее развитых в информационном плане держав [1]. За последнее десятилетие Корея пережила два финансовых кризиса. Поэтому, с одной стороны, продажи газет снизились. С другой стороны, набирают популярность такие интернет-СМИ, как «Нейвер» («Naver») и «Даум» («Daum») [9]. Профессия

журналиста в Республике Корея является престижной, но и имеет свои недостатки. СМИ тщательно отбирают претендентов на «роль» начинающего журналиста с помощью экзаменационного тестирования, но после их принятия на работу они теряют возможность продвигаться по карьерной лестнице, поскольку выдающиеся способности и таланты определённого журналиста не учитываются [12]. Подобное равенство препятствует развитию качественной прессы, ведет к потере уважения и доверия к газетам у читателей. Другой характерной чертой корейской журналистики является то, что многие СМИ принадлежат частным лицам [11]. В этой связи самый важный принцип, который необходимо соблюдать руководителям компаний-производителей газет, – это институциональная гарантия независимых отношений между менеджментом и редакцией. Иными словами, нельзя связывать журналистские материалы с бизнесом. В результате нарушения данного принципа управленческие стратегии компании имеют приоритет над этическими ценностями работников СМИ. Владельцев газетных издательств, которые открыто объявили данный принцип журналистики как минимум социально значимым, трудно вспомнить за последние два десятилетия, особенно после демократизации [11]. Помимо этого, в корейском обществе существует тенденция к использованию журналистики в качестве «орудия» манипуляции общественным мнением [15]. Многие политики, вне зависимости от того, какую партию они представляют – правящую или оппозиционную, воспринимают СМИ как основной инструмент PR. Однако чрезмерное давление на редакционный процесс может негативно повлиять на качество контента. Демократизация общества, реализуемая в политике действующего президента Республики Корея Мун Чжэ Ина и современный уровень развития технологий в стране оказали значительное влияние на СМИ. Речь идёт о развитии возможностей информационного обмена и о так называемых «подкастах» – распространяемых звуковых или видеофайлах в стиле радио- и телепередач в Интернете, которые могут иметь определённую тематику и периодичность выхода. Например, подкасты «PAP AIS» и «MAMA AIS» в Республике Корея представляют собой политические информационные программы, которые ведут 2-3 не работающих в крупнейших СМИ Республики Корея журналиста, но при этом их влияние превосходит воздействие на мнение аудитории крупнейших корейских СМИ. В результате подобные программы стали вызывать больше доверия, чем их аналоги, выпускаемые крупными информационными агентствами. Причина их популярности – свобода слова, непосредственное освещение факта, даже если событие носит негативный характер. На сегодняшний день в Республике Корея только 15%

аудитории составляют читатели прессы, большая часть – это пользователи интернета и слушатели подкастов. Яркий пример влияния подкастов в СМИ – это заключение под стражу двух бывших президентов Республики Корея (Пак Кын Хе и Ли Мён Бака) в результате освещения громких коррупционных дел.

Для выявления особенностей освещения российских новостей в СМИ Республики Корея мы провели теоретический анализ корейских новостей и проанализировали собственный опыт работы журналистом в России одного из авторов статьи. Мы разработали анкету и, в период с апреля по май 2019 г. провели опрос 30 действующих корейских журналистов, которые живут и работают в Республике Корея. Им были заданы вопросы об отношении к России и о причинах такого отношения. В результате опроса мы обнаружили, что 90% опрошенных считают, что российская экономическая система является сильно зависимой от уровня цен на такие природные ресурсы, как нефть и природный газ, а также подвержена влиянию санкций со стороны Запада, поэтому многие корейские бизнесмены не уверены в эффективности инвестирования в российский экономический сектор. 81 % опрошенных считают, что в России отсутствует демократия, а общество является контролируемым в силу несменяемости на протяжении двух десятилетий одного президента. Для 73 % опрошенных имидж России ассоциируется с такими социальными явлениями, как «коррупция» и «терроризм». Несмотря на экономическую мощь страны, а также ее включенность в состав БРИКС, такие явления, как социальная нестабильность, коррупция, терроризм, деятельность скинхедов ухудшают имидж России. Мы проанализировали материалы СМИ Республики Корея за период 2016-2019 гг., обратив особое внимание на освещение российских новостей. Примеры даже нескольких новостных заголовков говорят о представлении в негативном свете российских событий: «Взрывы в российском метро выглядят как дело рук лиц из «Центральной Азии» [1], «Россия стоит за «новым авторитаризмом»» [6], «Российские олигархи хранят нелегальные доходы в Лондоне» [14], «Журналистская критика российской системы управления» [7], «Если ты предашь, ты умрешь? Британское политическое убежище, русский шпион» [8], «Президент России и Навальный – «Попытка вмешаться в антикоррупционное движение»» [10], «Око за око»: Российский закон о борьбе с терроризмом» [16]. Корейский отдел новостного агентства «Спутник», созданный по предложению российского МИДа в 2014 г., проработал всего три года, после чего был закрыт в силу нехватки квалифицированных кадров, отсутствия представления о потребностях корейской аудитории и, как следствие, снижения спроса на новости о

России в Республике Корея. Реалии российской действительности доходят до корейцев преимущественно посредством новостей из западных СМИ и могут отражать события не достоверно, не полностью и не объективно. Несмотря на развитие дружественного сотрудничества на высшем уровне между Россией и Республикой Корея, на уровне СМИ наблюдается нехватка достоверной информации о России, что может стать объективным препятствием для дальнейшего взаимопонимания и сотрудничества, так как СМИ является своего рода окном в мир международных событий для широкой публики.

Таким образом, исследование продемонстрировало, что СМИ Республики Корея сегодня занимают прочные позиции в стране, как в виде печатной журналистики, так и в электронном виде. Корейская пресса появилась в 1883 г. и выдержала такие тяжёлые события, как 35-летний режим японского колониаторства, корейскую войну и почти 30-летний период военной диктатуры. Несмотря на эти трудности, корейские журналисты всегда следовали своим традициями и являлись голосом родины. Однако, информатизация общества и распространение интернет-технологий влияют и на СМИ Республики Корея: появляются крупные поисковые и новостные порталы, такие, как «Нейвер» («Naver») и «Даум» («Daum»), набирают популярность такие источники новостей, как интернет-подкасты, например, «PAPAI» и «MAMAI», и они оказываются более влиятельными, чем традиционные СМИ. Что касается вопроса освещения российских новостей в СМИ Республики Корея, то и здесь выявляются сложности: во-первых, нехватка корейских корреспондентов, работающих в России; во-вторых, дефицит достоверных новостей о России; в-третьих, получение новостей о России из западных СМИ и, как следствие, искажённое представление о российской действительности в Республике Корея. В настоящее время существует объективная необходимость в изложении реальной российской действительности в корейских СМИ, так как развитие дипломатических отношений демонстрирует высокий уровень, однако, до сих пор население обеих стран мало знает друг о друге. Необходима более полная и объективная информация, как о политике России, так и о её культуре, науке и других областях.

Список литературы

1. Анх Ч.Х. Взрывы в российском метро выглядят как дело рук лиц из «Центральной Азии» [Электронный ресурс] // Новостной портал (http://www.hani.co.kr/arti/international/international_general/789200.html) (дата обращения 04.04.2017) (перевод с корейского языка)
2. Бойкова М.В., Салазкин М.Г. Корея: опережающие стратегии // Форсайт. Т. 2007. Т. 1. вып. 4. С. 52-63.

3. Денисов В. И. Россия–Корея: дипломатическим отношениям 125 лет // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 5. С. 21-31.
4. Джи С.В. Либеральная демократия и роль СМИ [Электронный ресурс] // Передовой фонд Корейского полуострова. 2018 URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07504440> (дата обращения: 01.05.2018) (перевод с корейского языка)
5. Ершова А. Россия-Республика Корея: 30 лет дипломатических отношений [Электронный ресурс] // Международная жизнь: электрон. журн. 2020 URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25910> (дата обращения: 07.04.2020).
6. Йом Дж.И. Россия стоит за «новым авторитаризмом» [Электронный ресурс] // Новостной портал <http://www.munhwa.com/news/view.html?no=2019101001031839173002> (дата обращения 10.10.2019) (перевод с корейского языка)
7. Ким Дж.И. Журналистская критика российской системы управления [Электронный ресурс] // Новостной портал <https://www.yna.co.kr/view/AKR20160122158600009> (дата обращения 24.01.2016) (перевод с корейского языка)
8. Ким С.Дж. Если ты предашь, ты умрешь? Британское политическое убежище, русский шпион [Электронный ресурс] // Новостной портал <https://www.yna.co.kr/view/AKR20180308056100009?input=1195m> (дата обращения 08.03.2018) (перевод с корейского языка)
9. Ли Х.Дж. Стратегия направления новых медиа и готовых медиа в эпоху мобильной связи [Электронный ресурс] // Nature Conference. 2016 URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07054871> (дата обращения 02.11.2016) (перевод с корейского языка)
10. Пак Х.И. Президент России и Навальный – «Попытка вмешаться в антикоррупционное движение» [Электронный ресурс] // Новостной портал <https://www.news1.kr/articles/?3802628> (дата обращения 26.12.2019) (перевод с корейского языка)
11. Пэ Ч.Г. Влияние крупнейших холдингов на СМИ Республики Корея [Электронный ресурс] // Ежедневная газета журналистов Министерства экономики и промышленности. 2012 URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE02011302> (дата обращения 12.10.2012) (перевод с корейского языка)
12. Редакционный отдел журнала «Журналист». Власть и медиа [Электронный ресурс] // Nature Conference. 2017 URL: <https://www.dbpia.co.kr/pdf/pdfView.do?nodeId=NODE07247450> (дата обращения 10.09.2017) (перевод с корейского языка)
13. Ровенских А. А. Корея и Россия: основные этапы миграций в истории (1860-1990 гг.) // Омский научный вестник, 2014. № 1 (125). С. 20-22.
14. Хо В. Российские олигархи хранят нелегальные доходы в Лондоне [Электронный ресурс] // Новостной портал https://www.huffingtonpost.kr/entry/story_kr_5aab9147e4b05b2217fdc41a (дата обращения 16.03.2018) (перевод с корейского языка)
15. Ча К.Х. Медиа-манипуляции, проблемы и альтернативы [Электронный ресурс] // Семинар Продвинутого фонда Корейского полуострова «Правильное направление». 2018 URL: http://www.hansun.org/korean/bbs/board.php?bbs_code=bbsIdx11 (дата обращения 05.05.2018) (перевод с корейского языка)

16. Ю Ю.Дж. «Око за око»: Российский закон о борьбе с терроризмом // [Электронный ресурс] // Новостной портал <https://www.yna.co.kr/view/AKR20160330156300009> (дата обращения 30.03.2016) (перевод с корейского языка)
17. Юнг Д.С. Пресса и литература во время войны [Электронный ресурс] // Somyeong Publishing. 2015 URL: <https://www.krpia.co.kr/product/main?plctId=PLCT00007910#none> (дата обращения 17.06.2015) (перевод с корейского языка)

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 372. 881.161.1

Изучение фразеологизмов с компонентом «голова» на уроках русского языка на основе стратегий критического мышления

Абдраманова Суйумкан Калбаевна

старший преподаватель кафедры методики преподавания русского языка и литературы факультета русской филологии, Ошский Государственный университет, Киргизия, г. Ош

Learning phraseological units with the "head" component in Russian language lessons based on critical thinking strategies

Abdramanova Suiumkan Kalbaevna

senior lecturer department of methods of teaching the Russian language and literature faculty of russian philology Osh state University Kyrgyz Republic

Аннотация. В статье предлагается работа с фразеологизмами с компонентом «голова» на уроках русского языка с применением стратегий критического мышления. Для обогащения словарного запаса учащихся фразеологизмами и правильного употребления их в речи используются такие стратегии критического мышления, как кластер, перепутанные логические цепи, лингвистические игры «Четвёртый лишний», «Одним словом», «Глаголы наши – фразеологизмы ваши». Работа в группах даёт возможность учащимся не только познакомиться с большим количеством фразеологизмов с компонентом «голова», но и выбрать фразеологизмы по соответствующей теме и объяснить их значение. Предлагаемые стратегии и лингвистические игры формируют у учащихся не только активность и самостоятельность, но и воспитывают у них такие социальные и моральные навыки как толерантность, способность работать в команде, принимать групповые решения.

Ключевые слова: фразеологизмы, голова, стратегия, критическое мышление, кластер, перепутанные логические цепи, работа в группах, лингвистические игры.

Abstract. The article suggests working with phraseological units with the "head" component in Russian language lessons using critical thinking strategies. To enrich the vocabulary of students with phraseological units and their correct use in speech, such critical thinking strategies as a cluster, entangled logical chains, linguistic games "Four Extra", "In a Word", "Our Verbs are Your Phraseologisms" are used. And the work in groups gives

students the opportunity not only to get acquainted with a large number of phraseological units with the "head" component, but also to choose phraseological units on the corresponding topic and explain their meaning. The proposed strategies and linguistic games form the students's not only activity and independence, but also they develop such social and moral skills as tolerance, ability to work in a team, make group decisions.

Key words: phraseological units, head, strategy, critical thinking, cluster, confused logical chains, group work, linguistic games.

Изучение фразеологизмов составляет необходимое звено в усвоении языка, в повышении культуры речи. Фразеологические обороты широко используются в обыденной речи, в художественных произведениях и в публицистике. Правильное и уместное употребление их придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность.

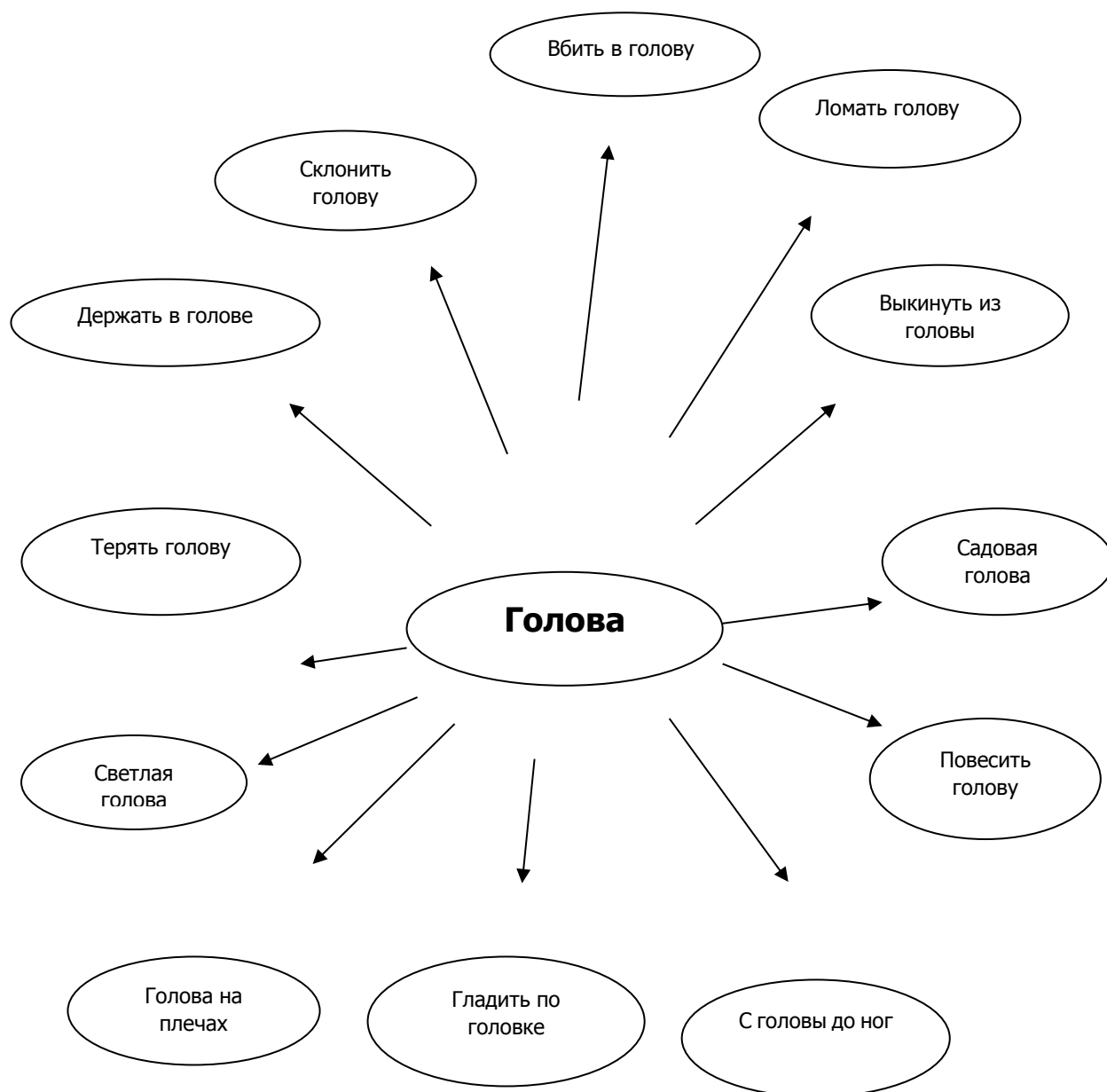
С научным определением термина «фразеологизм», с его значениями и употреблением учащиеся знакомятся в 6 классе средней общеобразовательной школы.

Чтобы обогатить словарный запас учащихся фразеологизмами, научить их правильному и уместному употреблению в речи, на уроках русского языка можно использовать лингвистические игры, работу в группах и такие стратегии критического мышления, как кластер, перепутанные логические цепи.

На этапе подготовки учащихся к самостоятельному оформлению своих мыслей в устной или письменной форме можно использовать кластер.

Кластер – один из графических организаторов, позволяющий мобилизовать учащихся на обдумывание темы, которую им предстоит осветить. Он поможет нелинейно представить свои мысли, идеи. [2, с. 149-150].

Задание №1. Какие вы знаете или слышали фразеологизмы со словом «голова»? Запишите их в пустые лакуны. (кластер составляется индивидуально, в парах, коллективно).

Задание №2. Объясните их значение. Можно пользоваться словарём.

Вбить в голову – 1) заставлять усвоить , запомнить что-либо; 2) настойчиво внушать кому-либо что-либо

Ломать голову – напряжённо думать, размышлять, стараясь понять, разгадать что-либо сложное.

Выкинуть из головы – забыть, перестать думать о ком либо или о чём либо.

Садовая голова – о глупом, рассеянном человеке

Повесить голову – приходить в уныние, отчаяние, сильно расстраиваться, огорчаться.

С головы до ног – целиком, полностью, всего

Гладить по головке – хвалить кого либо, потворствовать, потакать кому либо.

Голова на плечах – кто-либо достаточно умен, сообразителен.

Светлая голова – несообразительный, невнимательный, медлительный человек.

Терять голову – попав в затруднительное положение, теряться, не знать, как поступить

Держать в голове – постоянно обдумывать что-л.; хранить в сознании предположение; замысливать сделать.

Склонить голову – относиться с большим уважением к кому-либо. [3], [5].

Таким образом, кластер служит вызовом для воспроизведения старых знаний и активизирует учащихся для дальнейшего изучения темы.

При работе над текстом целесообразно применить стратегию «Перепутанные логические цепи». Этот приём работы над информацией формирует умение отслеживать причинно-следственные связи и хронологическую последовательность событий в тексте [2, с. 230-231].

Сначала ведётся работа в группах. Учащиеся выстраивают в определённой последовательности перепутанные фразы из текста.

Фразы из текста **«Очертя голову»**

1) *При этом предполагается, что тот, о ком идёт речь, поступил быстро, решительно и вместе с тем безрассудно.*

2) *Считалось, что такой обряд ослабит удары врага и сохранит воину жизнь.*

3) *Нередко можно услышать такую фразу: он кинулся очертя голову.*

4) *Это безрассудство, это отчаянная храбрость вызывались тем полной уверенностью, что голова, то есть жизнь, сохранится, ведь она «очерчена».*

5) *Откуда в наш язык пришло это выражение.*

6) *Древние воины перед боем очерчивали концом меча вокруг своей головы магический круг.*

Далее каждая группа представляет свою версию-прогноз последовательности фраз текста и даёт её обоснование. Затем идёт чтение текста, сравнение своей версии и исходного варианта.

Во время обсуждения результатов работы учащиеся отвечают на вопросы: в каких случаях ваша версия разошлась с исходным текстом, как вы связывали события и как это представлено в тексте.

Очертя голову

Откуда в наш язык пришло это выражение. Нередко можно услышать такую фразу: он кинулся очертя голову. При этом предполагается, что тот, о ком идёт речь, поступил быстро, решительно и вместе с тем безрассудно. Это безрассудство, это отчаянная храбрость вызывались тем полной уверенностью, что голова, то есть жизнь, сохранится, ведь она «очерчена».

Древние воины перед боем очерчивали концом меча вокруг своей головы магический круг. Считалось, что такой обряд ослабит удары врага и сохранит воину жизнь [4, с. 91].

Для активного включения всех учащихся в выполнение задания целесообразно использовать работу в группах. Каждой группе даётся определённая тема, по которой учащиеся выполняют следующее задание.

– Из данного списка фразеологических оборотов выберите те, которые соответствуют вашей теме и заполните таблицу.

Фразеологизмы с компонентом **голова** [3], [5].

Удалая голова Прийти в голову Очертя голову Дойти своей головой Отвечать головой Броситься в омут с головой Чугунная голова Не бери в голову С головой не дружит Без царя в голове Откуда ты взялся на мою голову? Своя голова на плечах Каша в голове Хоть головой об стену бейся Дурь в голову ударила С головой Биться головой о стену Ясная голова Хвататься за голову Забирать себе в голову Ветреная голова Ветер в голове гуляет Золотая голова Взбрело в голову Шальная голова	На голову выше На свою голову Вертится в голове Как снег на голову Перевернуть с ног на голову Голова забита Давать голову на отсечение Бедовая голова Голова садовая Голова на месте Вдалбливать в голову Буйная головушка Засесть гвоздём в голове Потерять голову Повесить голову В голове не помещается Сорвиголова Хоть головой в воду Пустая голова Волосы зашевелились на голове Не выходит из головы Ударило в голову Без головы	Брать в голову Рисковать головой Забивать в голову В голове не укладывается Голова пухнет Голова занята Голова соломой набита Всё путается в голове Слома голову Прятать голову в песок Дырявая голова Выбрасывать из головы Выкидывать дурь из головы Улетучиваться из головы Влететь из головы Не идёт из головы Потерять голову Дубовая голова Совать голову в петлю Голова идет кругом Отчаянная головушка Голова еловая Светлая голова Все шишки валяются на голову
---	---	---

Группа №1. Тема: Отчаянность, безудержная смелость

Фразеологизмы	Комментарий
1. Удалая голова	<i>Так говорят о смелом человеке, склонном к рискованным поступкам</i>
2.	

Группа №2. Тема: Глупость

Фразеологизмы	Комментарий
1. Голова садовая	<i>Выражение голова садовая употреблялось, когда речь шла о пугале. У чучел всегда голова из тыквы, старой кастрюли пустая - вот и пошло голова садовая. - типа пустая голова.</i>
2.	<i>"Садовой головой" вообще раньше называли капусту, потом выражение стало означать глупого, рассеянного человека</i>

Группа №3. Тема: Ум

Фразеологизмы	Комментарий
1. Своя голова на плечах	<i>Так говорят о человеке, который способен думать самостоятельно и принимать самостоятельные решения. О человеке достаточно умном и сообразительном.</i>
2.	

Группа №4. Тема: Входящее в голову

Фразеологизмы	Комментарий
1. В голове не укладывается	<i>О чём-то, во что трудно поверить или с чем нельзя примириться</i>
2.	

Группа №5. Тема: Происходящее и выходящее из головы

Фразеологизмы	Комментарий
1. Ветер в голове гуляет	<i>Так говорят о беспечном и легкомысленном человеке</i>
2.	

Группа №6. Тема: Проблемы

Фразеологизмы	Комментарий
1. Хоть головой в воду	<i>О ситуации, когда человек готов рисковать ради кого-то или чего-то своей жизнью</i>
2.	

Учащиеся приходят к выводу о том, что фразеологизмов с компонентом *голова* в русском языке очень много. Они обладают весьма широким спектром значений, ярко отражают наши **национальные особенности** и поэтому часто используются в нашей речи. А правильное и уместное употребление фразеологизмов придает речи особую выразительность и образность.

Большую ценность для формирования воли, активности, самостоятельности представляют многообразные и увлекательные лингвистические игры, потому что это не просто развлечение, а особый, эффективный способ постижения сложных языковых явлений.

Игры развивают ум и творческие способности учащихся, так как учат выбирать из различных вариантов правильный и наилучший.

«Четвёртый лишний»

1. Удалая голова 1. Шальная голова
2. Сорвиголова 2. Бедовая голова
3. Очертя голову 3. Дурная голова
4. Голова садовая 4. Буйная головушка

1. Голова еловая 1. Голова пухнет
2. Хвататься за голову 2. Светлая голова
3. Ветреная голова 3. Голова на месте
4. Чугунная голова 4. Золотая голова

«Одним словом» [1, с. 17-18].

Слома голову — (быстро) Морочить голову — (обманывать)

Как снег на голову — (неожиданно) Очертя голову — (рискованно)

Класть голову — (умирать) С ног на голову — (наоборот)

Вылетело из головы — (забыл) **Голову повесить** — (расстраиваться)

Давать голову на отсечение — (обещать) **Без головы** — (глупый)

Ломать голову — (думать) **Хвататься за голову** — (отчаиваться)

По головке не погладят — (поругают). **С головой** — (умный)

Держать в голове — (помнить) **Вбить в голову** — (внушить)

«Глаголы наши – фразеологизмы ваши»

Растеряться – (терять голову), обременять – (забивать голову), не думать – (выбросить из головы), печалиться – (посыпать голову пеплом), отчаиваться – (биться головой о стенку), погибнуть – (заплатить головой), уважать – (склонять голову), не верится – (в голове не укладывается).

Таким образом, использование инновационных технологий на уроках русского языка формирует у учащихся активность и самостоятельность, воспитывает у них такие социальные и моральные навыки как толерантность, принятие разных мнений, точек зрения, способность работать в команде, принимать групповые решения.

Список литературы

1. Арсирий А.Т. Материалы по занимательной грамматике русского языка. Ч.II. М.: Просвещение, 1967.
2. Валькова И.П., Низовская И.А., Задорожная Н.П., Буйских Т.М. Как развивать критическое мышление (опыт педагогической рефлексии). Под общей редакцией И.А. Низовской. Б.: ФПОИ, 2005.
3. Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1989.
4. Лебедев Н.М. Обобщающие таблицы и упражнения по русскому языку: Кн. для учителя: Из опыта работы. М.: Просвещение, 1991.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/ Под ред. Н.Ю.Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1990.

УДК 372.882

Некоторые приемы работы над лирическим стихотворением на уроках литературного чтения

Валиева Татьяна Иосифовна

к. филол. н., доцент кафедры начального и дошкольного образования
Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова
valieva-57@inbox.ru

Some techniques for working on a lyric poem in literary reading lessons

Valieva Tatyana Iosifovna

Ph. D., associate Professor of the Department of primary and pre-school education
North Ossetian state University named after K. L. Khetagurov

Аннотация. Статья посвящена некоторым приемам работы над лирическим произведением на уроках литературного чтения. Рассматриваются теоретические и практические основы формирования наиболее эффективных приемов работы при изучении лирического произведения. Автор считает, что для полноценного восприятия и понимания поэтического произведения необходимо чередовать

различные виды деятельности, групповые ответы должны чередоваться с индивидуальными формами, а также носить не только словесный характер, но и двигательный.

Ключевые слова: лирическое стихотворение, особенности поэзии, приемы работы, лирический герой, художественный образ, словесное рисование, индивидуальные формы работы, наглядный материал.

Abstract. The article is devoted to some techniques of working on a lyric work in the lessons of literary reading. The theoretical and practical bases of forming the most effective methods of work in the study of a lyric work are considered. The author believes that for a full perception and understanding of a poetic work, it is necessary to alternate different types of activities, group responses should alternate with individual forms, and also have not only a verbal character, but also a motor one.

Keywords: lyric poem, features of poetry, techniques, lyrical hero, artistic image, verbal drawing, individual forms of work, visual material.

В период младшего школьного возраста, когда интенсивно развивается эмоциональная отзывчивость, мышление и речь нуждаются в ярком, лаконичном, образном слове. Такое слово можно найти в поэтическом произведении. Поэтому формированию интереса к поэзии должно уделяться особое внимание именно в начальной школе.

На эту проблему обращают внимание многие исследователи, такие как Г.Н. Кудина, З.Н. Новлянская, Л.К. Нефедова, А.И. Шпунтов, Е.А. Швайкина, Т.В. Волченко, Т. И. Сильман, Н. А. Щербакова, Т. П. Сальникова и многие другие.

Проблема восприятия и понимания поэтических произведений младшими школьниками объясняется, прежде всего, специфическими особенностями поэзии как особого рода художественной литературы, в которой действительность отражается путем передачи глубоких, душевных переживаний, мыслей и чувств автора. Для полноценного восприятия и понимания поэтического произведения учащиеся должны проникнуться эмоциональным состоянием лирического героя, почувствовать, пережить то, что его волнует, удивляет, радует. Это трудно для младших школьников, потому что их эмоциональная сфера развита недостаточно для того, чтобы в полной мере сопереживать, сочувствовать читаемому произведению [6, с. 97]. Учитель должен найти методы и приемы работы, способствующие изучению поэтических произведений в начальных классах.

Полноценное усвоение знаний о лирическом стихотворении на уроках литературного чтения в начальной школе предполагает формирование таких познавательных действий, которые составляют специфические приемы и методы, характерные для этого урока.

Методы и приемы работы над лирическим стихотворением на уроках литературного чтения некоторые педагоги используют в несколько этапов образования в начальной школе. На первом этапе изучения лирического стихотворения, школьник изначально эмоционально, образно воспринимает сюжет произведения. На втором этапе уже более вдумчиво вчитывается в текст, прочитывает его, если нужно, несколько раз, для того, чтобы глубже понять его суть.

На третьем этапе знакомства с произведениями учащиеся подробно исследуют их. Ученику предоставляется возможность выделить их содержательные и структурные признаки для того, чтобы понять основной смысл произведения, разобраться в видах и формах стиха. Стихосложение, представленное разными авторами, позволяет ребенку почувствовать его особенности [1, с. 35].

Большое значение при изучении лирического стихотворения на уроках имеет правильность работы с материалом. В первую очередь необходимо определить последовательность действий при запоминании стихов и рифмовок. Ученики должны не просто механически запоминать, а в первую очередь понимать смысл рифмовки или стихотворения. Необходимо интонацией выделить смысл и суть лирического стихотворения. Все это положительно сказывается на усвоении детьми нового материала, делает уроки интересными и познавательными, развивает память, формирует мотив на обучение.

Лирический стих хорош тем, что он дает вариант образов, представляют видение одной темы, проблемы, сюжета по-разному. Ученик, знакомясь с такими произведениями, не только учится понимать и принимать позицию автора, но и сам пробует им стать, вступает в диалог с автором. Неоднократное обращение к одному и тому же жанру, позволяет выделить структурные, композиционные его особенности, составить модели жанра лирики.

Сопровождение, при изучении стихотворения, картинками, связанными с произведением, стимулируют самостоятельную психическую деятельность детей. Использование художественных картинок развивает способность к логическому и абстрактному мышлению, наблюдательность, умение находить причинно-следственные связи, сопоставлять и сравнивать, делать выводы.

Психологи утверждают, что особо важно на уроке, это старт, эмоциональное начало. Создать благоприятную атмосферу на занятии, а так же правильно понять и продуктивно работать над лирическим стихотворением на уроках литературного чтения в начальной школе, помогает музыкальное сопровождение. Хорошо продуманное использование музыки при чтении лирики создает необходимую

атмосферу, снимает напряжение, служит важным эмоциональным толчком, помогает восприятию материала, стимулирует мыслительную деятельность. Особенно удачно музыкальное сопровождение работает в презентациях, погружающих в атмосферу создания литературного произведения, уроки-путешествия на родину писателя и т.д. Даже знакомое произведение, прочитанное под музыку, приобретает совершенно особое, звучание. А сочетание музыки с соответствующим теме иллюстративным материалом дает особенные результаты [3, с. 23].

Поэт пишет такими словами, которые подходят не только по смыслу, но и по звучанию. Он живописует звуками, этот прием называется словесное рисование. В этом приёме словесное рисование пейзажных иллюстраций обычно делается к поэтическим текстам. После выделения из контекста образной картины, созданной писателем, словесное рисование проходит в русле построения композиции рисунка. Потом дети подбирают цветовое решение. Особое внимание уделяется не столько цвету элементов картины, сколько её общему колориту, выражающему эстетические переживания писателя, эмоциональный настрой произведения.

Так же важно для эффективной работы над лирическим стихотворением на уроках литературного чтения, имеет своё место и эффективность создание «поэтических минуток» в процессе урока, даже если тема не связана с лирикой. Самая важная задача «поэтических минуток», это сдружить детей со стихотворениями. Помочь по-настоящему, не одной только головой, но и сердцем понять мир поэзии, вызывая вдохновение, воздействуя на эмоциональную сферу детей, пробуждать интерес к учению.

Как показывают исследования некоторых учёных, дети погружаются в позицию исследователя и постепенно сами раскрывают значение слова в жизни человека, в литературе в диалоге с автором, другими читателями-собеседниками. Нас интересует проблема рождения художественного образа, который осмысливается учеником как картина, созданная авторским воображением [2, с. 89].

Ребенок представляет в чтении свое видение содержания произведения. Часто ребёнку предлагается вначале еще раз вспомнить критерии «взрослого» чтения (чтения с выражением, пониманием, осмыслением текста), затем прочитать лирическое стихотворение для себя, лишь в конце воспроизвести текст для других. Читать стоит фрагментарно, обсуждая каждый отрывок, устанавливая событийную линию, выделяя языковое своеобразие произведения. Иногда текст в учебнике сопровождается указаниями на способы и правила чтения произведения.

«Взрослое» чтение, часто предшествующее «детскому» чтению, оно помогает не только выразительно читать произведения, но и понять их смысл. Такое чтение представляет видение замысла произведения учителем, ребенок же вправе представить другой вариант интонирования, так как на данном этапе он уже готов читать не так, как учитель. У него имеются особые точки отсчета для чтения, но ему предлагается послушать текст вначале из уст педагога. Он внутренне настраивается на восприятие. В процессе слушания либо происходит рождение своего варианта, что бывает чаще всего, либо ребенок подражает учителю [4, с. 103].

Также выбор жанра – лирического стихотворения, с которым знакомится читатель, обуславливает смену позиций взрослого и ребенка на уроке в связи с проблемой понимания произведения: сначала взрослый представляет видение его смысла в своем прочтении, ребенок слушает его, а затем состоится диалог по поводу прочитанного. Этот диалог выявляет уровень понимания (непонимания) произведения ребенком. Вопросы к текстам позволяют продвинуться каждому читателю в исследуемом пространстве нового жанра, новой темы, особенностей языка сказочного слова.

Часто предлагаемые стихотворения бывают снабжены задачами по содержанию текстов, их композиции, жанровым признакам, а также выразительному интонированию. Ученики по крупицам собирают его признаки. Вычленив общие и различные признаки многих стихов, они постепенно выстраивают понятие жанра. Это длительный процесс, так как жанр стиха сложен, многопланов, но интересен и доступен для учеников этого возраста. Он содержит момент фантазии, чуда, дива. Этот факт созвучен общей идее курса литературного чтения: открыть чудо понимания любого произведения, ощутить чудо авторского замысла.

В учебниках для предмета литературного чтения произведения собраны по разделам, решающим частную практическую задачу, которая является содержательным стержнем программы. В конце каждого раздела есть задания ко всему разделу, которые дают возможность еще раз вернуться к прочитанному и оценить уровень собственного приобретенного нового знания о слове в лирическом стихотворении. В этом состоит секрет «тщательного», «честного» чтения, идея которого заявлена в образовательной программе. Также рефлексия прочитанного произведения, в целом за один смысловой блок помогает еще раз осмыслить те авторские находки, которые содержатся в разных стихах, найти любимых авторов и героев [5, с. 203].

Таким образом, прежде чем учитель будет осуществлять коллективное чтение произведения в группе, ему следует предварительно ознакомиться с его содержанием самому, а также произвести анализ этого произведения. Педагог должен выделить, какие моменты в произведении ребёнок уже может понять самостоятельно, а какие нюансы нуждаются в объяснении. В тексте произведения необходимо так же вычленить слова и выражения, которые способствуют развитию речи детей, затем во время коллективного чтения проговорить их вместе с учениками. Особое внимание учителя следует обратить на интонацию во время прочтения стихотворения, выделить особо эмоциональные моменты и рифму. Заблаговременно учителю следует подобрать наглядный материал для занятия и возможно музыку.

Для того чтобы детям было максимально интересно, и дети не переутомились, учителю следует чередовать различные виды деятельности, групповые ответы должны чередоваться с индивидуальными формами, а также носить не только словесные характер, но и двигательный. Важно использовать наглядный материал, картинки, диафильмы, интерактивные доски, планшеты и т. д.

Так же ученику важно заниматься самостоятельно, с целью перенесения открытого способа работы с текстом на незнакомое произведение этого же жанра. Над этими заданиями ребенок размышляет самостоятельно, но он, оценивая свою работу вне урока, способен выделить то, что ему непонятно, что его наиболее заинтересовало в текстах и заданиях. Оценивая свои действия, он может обратиться за помощью к взрослому, к одноклассникам (каждый в данном случае идет своим путем). А учитель должен дать возможность всем читателям обсудить волнующие проблемы, связанные с пониманием произведений, изученных самостоятельно [6, с. 75].

Отметим, что компетентность современного преподавателя литературного чтения предполагает не только знание предмета обучения и методов обучения, но также включает в себя некоторые более сложные параметры, такие как гибкость, быстрота реакции, умение скорректировать учебный процесс. При этом в состав предметного поля педагога в учебный процесс изучения лирического стихотворения, входит создание и контроля совокупности методического обеспечения учебного процесса, организационной формы обучения, воспитательной составляющей учебного процесса и т.д.

Итак, в процессе изучения лирического стихотворения, методика учитывает ряд особенных требований, которые предъявляются к обучению:

- Создание необходимых условий для работы над лирическим стихотворением на уроках литературного чтения.

- Организация и реализация методической подготовки, способствующей развитию у детей понимания литературного чтения и в частности стихотворения, развитию коммуникативных навыков взаимодействия.

- Создание условий для успешного развития у детей логического мышления и речи, способствующих общему умственному развитию учащихся, познавательной активности.

Список литературы

1. Волченко Т.В. Некоторые приемы работы с художественным произведением на уроках литературы в начальной школе // Начальная школа. 2017. №11. С. 34-38.
2. Кудина Г.Н. Индивидуально-типологические особенности понимания младшими школьниками лирического текста // Психологическая наука и образование. 2018. №3. С. 85-93.
3. Куриленко Л.В. Взаимосвязь уроков музыки и чтения как важнейшее условие гармоничного развития учебно-познавательной деятельности первоклассников // Начальная школа. 2017. № 4. С.21-24.
4. Нефедова Е.А., Узорова О.В. Литературное чтение для начальной школы. М.: Аквариум, 2017. 272 с.
5. Сальникова Т. П. Методика преподавания грамматики, правописания и развития речи. М.: «Институт практической психологии», 2016. с. 342.
6. Семенов В.Е., Матузова Н.Н., Фаустова Л.В. Психологическое изучение интереса к поэзии. М., 2017. 160 с.

УДК 372.881.111.1

Внедрение аутентичных учебных материалов в вузовский курс «Иностранный язык в сфере юриспруденции»

Воробьева Елена Николаевна

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, РФ, г. Вологда
helenvorobyova@mail.ru

The implementation of authentic teaching materials in the higher education course "Foreign Language in the Sphere of Jurisprudence"

Vorobyova Yelena Nickolaevna

Cand. Sci. (Philology), Docent, Associate Professor at the Department of Russian
and Foreign Languages Vologda Institute of Law and Economics of the Federal
Penitentiary Service, Russia, Vologda

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы внедрения аутентичных учебных пособий серии «New English File» авторитетного издательства «Oxford University Press» в курс иностранного языка в ведомственном вузе. В данной работе

представлен пример использования отдельных профессионально ориентированных материалов данной серии при изучении темы «Основы уголовного и уголовно-исполнительного права стран изучаемого языка». На основе выборки текстов и заданий уголовно-правовой тематики автор предлагает варианты использования аутентичных учебных материалов в сочетании с утвержденными вузовскими учебниками и методическими материалами по юридическому профилю подготовки. Особое внимание уделяется заданиям, направленным на формирование и развитие коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, коммуникативное задание, аутентичный текст, аутентичный учебный материал, иностранный язык.

Abstract. The article deals with the inclusion of authentic textbooks of the «New English File» series by the reputable publishing house «Oxford University Press» in the foreign language course at the Institute of the Federal Penitentiary Service. This paper presents an example of the use of some professionally oriented materials of this series in the study of the topic «The fundamentals of the criminal and penal law of the English-speaking countries». The author offers options for using authentic educational materials in combination with approved university textbooks and teaching materials on criminal law. Special attention is given to tasks aimed at the formation and development of communicative competence.

Key words: communicative competence, communicative task, authentic text, authentic educational material, foreign language.

Проблема поиска эффективных средств формирования коммуникативной компетенции на занятиях по иностранному языку остается одной из главных задач, стоящих перед преподавателями в неязыковом вузе. М. А. Казакова, А.А. Евтюгина выделяют ряд основополагающих принципов для формирования коммуникативной компетенции. В частности, выделяют принцип индивидуализации (учет индивидуальных особенностей, интересов и потребностей обучающихся); принцип аутентичной ситуативности (создание реальной ситуации общения); принцип речемыслительной активности (использование речи как средства и как цели обучения, речевой характер используемых упражнений, коммуникативная ценность (проблемность) используемых материалов). Немаловажным является также принцип новизны, выражающийся в использовании разнообразных форм и способов организации учебного пространства, а также в разработке новых методов и способов организации учебной деятельности [1, с. 50-51].

Таким образом, правильному формированию коммуникативной компетенции может способствовать использование дополнительных аутентичных учебных материалов, созданных носителями языка. Н.А. Савинова, Л.В. Михалева отмечают важность изучения иностранного языка с использованием аутентичных материалов, поскольку они включают в себя фоновую информацию, которая впоследствии и способствует успешному и адекватному формированию коммуникативной

компетенции. Под фоновой информацией понимается общность специфических знаний о национальных фактах материальной и духовной культуры общества [2, с. 117].

Традиционно принято считалось, что аутентичный текст – это текст, созданный носителем языка и не предназначенный для учебных целей. Аутентичным текстам противопоставляются тексты учебные, специально созданные для обучения иностранцев, авторы которых часто не являются носителями языка. Понятие «аутентичность» не ограничивается лишь описанием свойств текста, но и затрагивает все стороны учебного процесса: учебное взаимодействие, способы презентации и оформления материала, характер заданий и т.д. [3, с. 3-4]. На дополнительное требование к аутентичности не только текста, но и упражнений к нему указывают и другие исследователи. Л.М. Иванова, Н.Г. Леонова и М.Н. Раздобарова отмечают: «Аутентичные тексты требуют аутентичных заданий. То есть задания по всем видам речевой деятельности ориентируются на реальные жизненные либо повседневные ситуации обучаемых в стране изучаемого языка» [4, с. 5]. Таким образом, под аутентичностью заданий обычно понимается их соответствие естественным речевым ситуациям.

Рабочая программа дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» для направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уголовно-правовой профиль) ведомственного вуза ФСИН предполагает прохождение темы «Основы уголовного и уголовно-исполнительного права стран изучаемого языка». Содержание компетенций ФГОС ВО (ОК-5 и ОПК-7) для данного направления подготовки предъявляет требование к умению читать и переводить аутентичные тексты общей и профессиональной направленности.

Строгое следование учебной программе, предполагающей использование методических материалов, созданных коллективом кафедры, а также учебников и учебных пособий, соответствующих требованиям ФГОС ВО для направления подготовки бакалавров «Юриспруденция», не может исключать использования аутентичных учебных материалов авторитетных мировых университетских издательств, таких как «Oxford University Press», созданных методистами-носителями языка. Учебные пособия серии «New English File» данного издательства признаны одними из самых лучших среди подобных изданий. Данные учебные издания широко используются для преподавания как в частных языковых школах, так и на дополнительных курсах английского языка для взрослых слушателей, организуемых на базе высших учебных заведений. Все учебники данной серии соответствуют

шестиуровневой шкале владения английским языком по международной системе и представляют собой учебно-методические комплексы, состоящие из нескольких компонентов: учебника, книги для учителя с CD и тестами, рабочей тетради, аудио CD, видео, iPacks и iTools для интерактивных досок и интернет-ресурсов с дополнительными заданиями.

Языковые учебные комплексы англоязычных издательств отличаются подбором интересного материала, коммуникативностью, проблемным характером предлагаемых заданий, а также мультимедийностью, предполагающей большие возможностями для аудирования и тренировки навыков разговорной речи. Аудиоматериалы, подготовленные носителями языка, безусловно, представляют особую ценность ввиду объективного отсутствия возможности создания аналогичных учебных материалов силами педагогических коллективов наших вузов. Использование качественных аутентичных учебных материалов схожей юридической тематики от ведущих английских издательств полностью соответствует требованиям программы по иностранному языку об обеспечении аутентичности и профессиональной направленности текстов. Полностью аутентичный текст, соответствующий целям и задачам обучения, выгодно отличается от искусственно созданных или адаптированных текстов.

Конечно, не каждый учебник серии «New English File» содержит разделы, соответствующие тематике рабочей программы дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции». В данной статье мы остановимся на дополнительном раздаточном материале по подтемам «Преступление и наказание» и «Уголовный процесс», который можно найти, в частности, в учебных пособиях для уровня Upper-Intermediate (Student's Book: Unit 3A. The one place a burglar won't look, стр. 36-39 и стр. 149; Teacher's Book: Unit 3A, стр. 204 и Workbook: Unit 3A, стр. 24-26). Предложенные материалы могут быть использованы выборочно в соответствии с задачами определенного занятия и наличием резервного времени.

Материал учебника для уровня Upper-Intermediate (Student's Book, стр. 37 (раздел 2 «Vocabulary: crime and punishment») и стр. 149 (раздел 1 «Crimes and criminals»)) целесообразно использовать на этапе ввода лексики по подтеме «Виды преступлений», поскольку часть предлагаемых здесь упражнений снабжены аудиосопровождением. Они позволяют ввести не только существительное-название преступления, но и название преступника, а также глагол, обозначающий акт совершения данного преступления.

На первом этапе ввода лексики курсантам предлагается упражнение с аудио

заданием на стр. 37 учебника, в котором они должны совместить слова, обозначающие виды преступников, совершающих преступления против собственности (pickpocket, mugger, burglar, robber, shoplifter, thief), и их толкования (например, «A _____ is someone, who breaks in or steals from a private house»). Для проверки обучающиеся прослушивают аудио запись с правильными вариантами ответов, расставляют ударения и хором отрабатывают произношение новых слов. В качестве приема заучивания только что введенных слов курсантам предлагается коммуникативное задание, в ходе которого они должны ответить на вопросы преподавателя или соседа по парте (What's a thief? What's a shoplifter? или What do you call a person who....?).

Далее курсанты обращаются к стр. 149, где им предстоит познакомиться с 15 новыми словами-названиями преступлений и отработать их произношение (ударные слоги подчеркнуты). Слова организованы в три столбика (Crime-Criminal-Verb), некоторые слова пропущены, их нужно восстановить самостоятельно. Например,

- 1 blackmail – blackmailer – to blackmail
- 2 bribery – – to bribe
- 3 burglary – burglar – to break in/to burgle
- 4 drug dealing – drug dealer – to sell drugs и т.д.

Внимание курсантов обращается на тот факт, что большинство таких цепочек являются однокоренными словами, исключая глаголы к существительным drug dealing (to sell drugs), terrorism (to set off bombs) и thief (to steal).

Дополнительным заданием является просьба переписать слова в тетрадь. Британские учебники этого не требуют, поскольку частично выполняют функцию рабочей тетради. Также для пункта 2 (bribery) помимо слов bribegiver «взякодатель» и to bribe «давать взятку» нами вводятся слова bribetaker «взяточник» и to take a bribe «брать взятку». На последующих занятиях для проверки запоминания и корректировки произношения новых слов изготавливаются флэш-карточки. Опыт показывает, что в условиях преподавания иностранного языка в неязыковом вузе однократного предъявления материала, часто практикуемого в зарубежной методике, бывает недостаточно.

Далее курсанты организуются для парной работы с целью определения вида преступления по предложенным в упражнении примерам («A gang took a rich man's son and ask the family for money» – kidnapping). На следующем занятии можно обогатить лексику по теме «Виды преступлений», предложив обучающимся упражнение по аналогичной теме из учебника Ю.Л. Гумановой «Just English»

(задание 1, стр. 37-38), где вниманию обучающихся представлены 26 названий преступников, из которых курсантам с учетом уже пройденной лексики предстоит ознакомиться еще с 10 новыми терминами. Такой способ предъявления материала (с опорой на уже известную терминологию) является более щадящим и позволяет эффективнее воспринимать новую порцию неизвестных слов. Задание 2 на стр. 38 аналогично заданию учебника «New English File». В нем студентам требуется заполнить таблицу, состоящую из трех столбиков (Crime – Criminal – Criminal Act). Чтобы не создавать новую таблицу, целесообразно заранее попросить курсантов оставить место под новые термины в уже созданной на первом занятии таблице по упражнению из учебника «New English File».

При наличии свободного времени в качестве дополнительного стимула для развития навыков говорения и повышения интереса студентов к изучаемой теме можно предложить обучающимся принять участие в увлекательном тесте «Beat the Burglars!», который был составлен по результатам опроса пятидесяти осужденных, отбывающих тюремное заключение. Данный тест состоит из шести проблемных вопросов, которые выявляют типичное поведение квартирных воров. Вот некоторые из этих вопросов: 1. How long do you think a burglar normally takes to search someone's house? (a 10 minutes, b 20 minutes, c 30 minutes); 2. Which of these are the most common things burglars steal? (a TVs, digital cameras, etc., b paintings and antiques, c money and jewelry); 3. Which of these is more likely to stop a burglar coming into your house? (a dog, b a burglar alarm). В ходе обсуждения в парах курсанты используют как речевые формулы, предлагаемые в тексте учебника (I think it must be..., Do you agree with that?, Don't you think....?, That's what I was thinking., Exactly!, I don't think you are right.), так и используемые ранее. После проверки правильности выполнения теста (ответы на стр. 117) следует финальное обсуждение, когда преподаватель интересуется результатами и выясняет те факты, которые показались курсантам наиболее неожиданными. Упражнения подобного рода помогают отойти от шаблонных форм работы на занятии, разрядить обстановку, развлечь, внести игровой элемент, что особенно актуально при изучении трудных для восприятия юридических тем с обилием терминологии.

Следующим разделом, с которым знакомятся курсанты при изучении темы «Основы уголовного и уголовно-исполнительного права стран изучаемого языка», является «Уголовный процесс». Данный раздел предполагает знакомство с этапами уголовного процесса, его участниками, формами государственных наказаний. После работы над основными материалами (текст «Criminal Procedure» и упражнения из

методических материалов «Английский язык: особенности уголовного, уголовно-исполнительного и гражданского права стран изучаемого языка» ВИПЭ ФСИН России, 2018, стр. 8-12) с целью активизации изученной лексики по теме «Уголовный процесс» целесообразно вновь обратиться к учебнику для уровня Upper-Intermediate (Student's Book, упражнение 2 «What happens to a criminal» на стр. 149). Данное упражнение представляет собой связный текст, повествующий о судьбе двух преступников, совершивших убийство и проходящих все стадии уголовного судопроизводства. Студентам предлагается заполнить пропуски в тексте словами, данными в рамке. Вот отрывок упражнения с готовыми вариантами ответов (всего в упражнении 16 предложений):

- 1 Carl and Adam committed a crime.
- 2 The police investigated the crime.
- 3 Carl and Adam were caught on the way to the airport.
- 4 They were arrested and taken to the police station.

Как правило, упражнение не вызывает серьезных трудностей. Простота построения предложений не отвлекает внимание от терминов. Данное задание можно использовать и на этапе ввода материала перед более сложным текстом из традиционного учебника в качестве приема «от простого к сложному».

Примером еще одного коммуникативного задания, активно используемого в работе над темой «Основы уголовного и уголовно-исполнительного права стран изучаемого языка», служит упражнение из серии «Communicative» книги для учителя (стр. 204 с пояснениями на стр. 192), которое также входит в Unit 3А. Студентам предлагается разбиться попарно, ознакомиться с десятью курьезными законами стран мира (по пять законов на каждого человека) и пересказать их своему соседу/соседке. Далее стороны в ходе обсуждения решают, какие из пяти законов вымышленные, а какие существуют в реальности. Затем стороны меняются местами. Достоинством этого упражнения является не только его коммуникативная направленность, но и возможность активизации уже изученной лексики по темам «Виды преступлений» и «Уголовный процесс». В зависимости от конкретных условий и задач, стоящих перед преподавателем, или уровня подготовки обучающихся возможно смещение ролей. В этом случае все десять законов (или их половина) распределяются между курсантами. После подготовки курсанты по очереди пересказывают свой закон всем присутствующим. Преподаватель берет на себя активную роль – задает вопросы и ведет обсуждение в группе.

Современный подход к обучению диктует требование к использованию

активных форм ведения занятий, среди которых выделяется и дискуссия-обсуждение. Но практика показывает, что стимулировать интерес к обсуждению темы бывает очень сложно. Основой такой беседы может служить аутентичный текст, иллюстрирующий реальные ситуации из практики работы органов правосудия. Так, после изучения различных видов наказания на материале вузовского учебника («Just English», главы «Crime and Punishment», «Imprisonment: Retribution or Rehabilitation») с целью организации речевого взаимодействия можно предложить обучающимся текст с упражнениями на стр. 39 учебного пособия «New English File». Данный текст знакомит обучающихся с подходом американского судьи Майка Чиконетти к определению формы наказания. Являясь поборником творческого подхода к правосудию, М. Чиконетти старается назначать наказания, которые бы помогли правонарушителям осознать всю тяжесть содеянного. Например, для женщины, выбросившей в лесу маленьких котят, вместо штрафа и небольшого срока заключения он назначил наказание в виде пребывания обвиняемой в ночном лесу.

При работе с текстом традиционно выделяют следующие этапы: дотекстовый (pre-reading), текстовый (reading) и послетекстовый (after reading). «Дотекстовый этап (pre-reading) готовит учащихся к первому прочтению текста, стимулирует у них интерес к чтению, устраняет барьер языковых трудностей. У учащихся формируются общие представления о тематике текста, они знакомятся с новой лексикой, определяют проблематику текста и отвечают на поставленные до чтения текста вопросы. На текстовом этапе (reading) проверяются уже имеющиеся у учащихся речевые навыки, а также происходит дальнейшее их совершенствование. При текстовом этапе работы выполняются задания на подробный разбор текста, понимание его содержания. Послетекстовый этап (after reading) представляет собой средство образования продуктивных навыков в устной или письменной речи. Послетекстовый этап работы с текстом нацелен на вывод читателя на генерацию устной или письменной речи, опираясь на прочитанный аутентичный материал» [5, с. 25].

В качестве дотекстового упражнения к тексту «Making the punishment fit the crime» курсантам предлагается определить наказание для пяти правонарушений, руководствуясь принципами традиционного правосудия. После детального изучения содержания текста студенты в ходе обсуждения должны будут вынести решения еще по шести преступлениям, но уже по методу творческого правосудия.

Доказывая преимущества аутентичного текста в обучении иностранному языку, Е.В. Носонович подчеркивает, что «аутентичные тексты вызывают большой

интерес учащихся, создают ощущение «подлинности» учебной ситуации, стимулируют коммуникацию, обращение к личному опыту, мыслительные процессы» [3, с. 143]. «Аутентичный текст как инструмент обучения иностранному языку мотивирует обучающегося, ставя его на место носителя языка и позволяя ему иметь прямой доступ к языку, как с точки зрения культуры, так и с точки зрения языка» [6, с. 137]. Действительно, материалы из реальной языковой практики носителей языка оживляют ход урока, мотивируя познавательную активность студентов. Представленный опыт использования учебников серии «New English File» на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе показывает, что аутентичные учебные материалы способствуют не только активному формированию языковых и речевых навыков, но и погружению в естественную речевую среду, что представляется наиболее важным преимуществом их внедрения. Вопреки общему мнению, что аутентичные тексты сложны и допустимы к использованию лишь в группах с высоким уровнем владения английским языком, пример аутентичных учебных текстов и заданий, созданных британским издательством «Oxford University Press», доказывает обратное. Интервью с реальными участниками событий, живой интересный материал и проблемный характер в постановке заданий способствуют организации естественной коммуникации на учебном занятии.

Список литературы

1. Казакова М. А., Евтюгина А. А. Аутентичные текстовые материалы в обучении иностранному языку // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/autentichnye-tekstovye-materialy-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 20.04.2020).
2. Савинова Н. А., Михалева Л. В. Аутентичные материалы как составная часть формирования коммуникативной компетенции // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. №294. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/autentichnye-materialy-kak-sostavnaya-chast-formirovaniya-kommunikativnoy-kompetentsii> (дата обращения: 30.04.2020).
3. Носонович Е. В. Методическая аутентичность учебного текста: диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02. Тамбов, 1999. 175 с.
4. Иванова Л.М., Леонова Н.Г., Раздобарова М.Н. Аутентичные тексты и аутентичные задания на занятиях по иностранному языку // Проблемы агропромышленного комплекса стран евразийского экономического союза: материалы I Международной научно-практической конференции. 2015. С. 4-7.
5. Гильманова А.А., Никитина С.Е., Тябина Д.В. Обучение чтению аутентичных текстов на занятиях по иностранному языку // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5-4 (47). С. 24-27.
6. Рогалева А.А. Концепция аутентичности учебного языкового текста // БГЖ. 2019. № 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-autentichnosti-uchebnogo-yazykovogo-teksta> (дата обращения: 25.04. 2020).

УДК 821.111

Обучение студентов приемам конкретизации и генерализации в процессе перевода текстов по специальности с английского языка на русский.

Дергунова Лариса Евгеньевна

преподаватель английского языка, Медицинский колледж
Российский университет транспорта (МИИТ), РФ, г.Москва
Kle67@mail.ru

Training students in the techniques of concretization and generalization in the process of translation in the specialty from English to Russian.

Dergunova Larisa Evgenyevna

teacher of English, Medical college, Russian University of Transport (MIIT)
Russian Federation, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается перевод как некая трансформация, при которой сохраняется неизменным содержание оригинала. Автор приводит примеры использования двух приемов перевода (конкретизация и генерализация), которые играют большую роль в поиске подходящего варианта, проводит анализ перевода, с использованием данных приемов двух разных направлений – медицины и связи с общественностью. Указывает на значимость этих приемов при переводе профессионально-направленных текстов.

Ключевые слова: иностранный язык, перевод, конкретизация, генерализация, семантическая трансформация, лексическая трансформация, лингвистика.

Abstract. The article considers translation as some kind of transformation, in which the content of the original remains unchanged, the author gives examples of how to use two methods of translation (concretization and generalization), which play a large role in finding the appropriate option, carries out analysis of translation, using these methods in two different directions - medicine and public relations.

Keywords: foreign language, translation, concretization, generalization, semantic transformation, lexical transformation, linguistics.

В процессе обучения иностранному языку роль перевода трудно переоценить, поскольку перевод может выступать в качестве метода обучения, формы контроля понимания информации на иностранном языке, а также быть целью деятельности на иностранном языке. В результате этого, при работе со студентами различных специальностей часто возникает необходимость перевода текстов, содержащих актуальную информацию для той или иной специальности. Овладение навыками перевода с английского языка на русский начинается еще в школе, однако в рамках обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов преподаватели сталкиваются с необходимостью развития и формированием более прочных и сознательных навыков перевода. Это, прежде всего, обусловлено как сложностью

самой переводческой деятельности, так и трудностями, возникающими при овладении специальной терминологией на иностранном языке. В данной статье мы попытаемся показать каким образом можно обучить студентов двум приемам перевода (конкретизации и генерализации), которые играют большую роль в поиске подходящего варианта перевода.

Итак, отметим, что перевод – это, прежде всего, преобразование сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода. Согласно Т.А. Казаковой, точный перевод, по определению, невозможен уже в силу того, что разные языки отличаются как по грамматическому строю, так и по простому количеству слов, не говоря уже о различии культур, что также может иметь влияние на способ и результаты перевода [1, с. 320].

Очевидно, что в процессе перевода имеют место грамматические, лексические и стилистические трансформации. Причинами таковых является отсутствие эквивалентных форм и конструкций в русском языке, а также несовпадение в значении и употреблении соответствующих форм и конструкций. Различия в смысловой структуре слова – в его семном составе и семантическом объеме и различные нормы сочетаемости двух языков требуют широкого применения лексических трансформаций. В результате этого некоторые специалисты, в частности, Т.Р. Левицкая и А.Ф. Фитерман, рассматривают перевод как некую трансформацию, при которой сохраняется неизменным семантический инвариант, т.е. содержание оригинала, а форма его выражения – поверхностная структура – может подвергаться изменениям. Кроме того, как отмечают С.П. Романова и А.Л. Коралова, «перевод – это творческий процесс» [4, с. 176]. При переводе особенно художественной литературы специалист – переводчик в любом случае придерживается своей субъективной точки зрения и субъективного – эмоционального ощущения оригинального текста. В связи с этим мы можем встретить произведения одного автора, переведенные с разной эмоциональной окраской. Главная задача переводчика – максимально близко передать информацию оригинала. Поэтому теоретически возможно бесконечное число вариантов перевода, каждый из которых будет адекватен оригиналу.

Как известно, каждый язык по-своему отражает окружающий нас мир, и это проявляется в том, как он “дробит” действительность с помощью словесных знаков – слов и устойчивых словосочетаний. В английском языке слова отличаются большей широтой и абстрактностью значений, чем в русском. Эта емкость, а иногда и аморфность, их семантики является основной причиной того, что при переводе на

русский язык приходится чаще прибегать к сужению, или конкретизации значений, чем к обратному приему – генерализации, или расширению.

Приемы конкретизации и генерализации впервые описал Я.И. Рецкер. Конкретизация или сужение значения используется в тех случаях, когда «мера информационной упорядоченности исходной единицы ниже, чем мера упорядоченности, соответствующей ей по смыслу единицы в переводящем языке» [5, с. 50]. Иными словами, можно сказать, что конкретизация понятий заключается в переходе от родового понятия к видовому. Так, например, к родовым понятиям относятся фрукты, овощи, мебель и т.д., а видовыми понятиями будут: яблоки или груши, помидоры или капуста, диван или кресло и т.д. Как отмечают многие лингвисты, лексике русского языка свойственна большая конкретизация, чем соответствующим лексическим единицам английского или французского языка. Прием генерализации значений противоположен приемам дифференциации и конкретизации. Он заключается в замене частного общим, видового понятия родовым. Необходимость генерализации может быть вызвана стилистическими нормами, принятыми в русском языке и литературе.

При обучении студентов данным приемам большую роль играет объяснение природы и сути данных лексических трансформаций. В силу того, что количество часов на изучение иностранного языка в неязыковых образовательных учреждениях ограничено, то знакомство с рассматриваемыми приемами перевода целесообразно проводить на материале лексики, которая имеет место в текстах по специальности данных студентов. Далее мы бы хотели представить конкретные примеры, демонстрирующие применение этих приемов на материалах текстов двух совершенно разных направлений – общая медицина и гуманитарные науки (специальность «связи с общественностью»).

Вначале, приводим примеры, показывающие на основе материалов вышесказанных направлений конкретизацию при передаче многозначных слов.

Например, слово “body”, которое означает: массовый, объемный и т.д., в разных словосочетаниях имеет следующие значения:

Body armour – бронежилет;

Body blow – сокрушительный удар;

Body clock – биологические часы;

Body contact – физический контакт.

Таких примеров можно привести множество. В специальности «Связи с общественности» данное слово встречается в словосочетании body copy.

“The body copy should invoke emotion” (основной текст).

В медицинской литературе слово *body* встречается достаточно часто, но, в зависимости от контекста имеет различное значение- организм, тельце, вещество и т.д.:

act upon the body - воздействие на организм;

adult polyglucosan body disease - болезнь с полиглюкозановыми тельцами у взрослых.

В следующем случае рассмотрим прилагательное: “pitch”, которое в англо-русских словарях означает - смоляной.

В различных сочетаниях мы видим следующее:

Pitch definition – тональная определенность.

Pitch shot – высокий удар с закруткой.

Pitch angle – угол наклона.

В наших случаях оно приведено в сочетаниях с существительными “breaks” и “letter”.

“The pitch break occurs in the upper right of the chart.” (пауза на вдохе).

“A pitch letter should have an enticing lead.” (рекламное письмо).

В следующих примерах показаны случаи приемов конкретизации в зависимости от контекста. Таких случаев в специальностях достаточно много. Мы приведем лишь несколько примеров.

1. Gatekeeper.

Основные значения, данные в словарях для этого сочетания – «сторож», «привратник».

В текстовых материалах для студентов вышесказанных направлений мы видим следующие предложения:

a. “Media gatekeepers give your information credibility and importance by deciding that it is newsworthy.” – В этом предложении, на основании контекста, *gatekeeper* – редактор.

b. “Gatekeepers frequently alter or truncate the news or features they receive.” – в данном случае мы видим совершенно другую конкретизацию, в зависимости от контекста. *Gatekeeper* здесь – цензор.

В медицине слово “gatekeeper” встречается в достаточно интересном контексте – “.... demonstrated superiority to placebo in the gatekeeper analysis.” – где словосочетание “gatekeeper analysis” несет следующую конкретизацию - определение уровня значимости (результата) методом множественных сравнений.

В предложении b мы видим еще одно слово, которое также несет в себе конкретизацию в зависимости от контекста:

Feature — это слово имеет много значений: материал, признак, гвоздь (программы), свойство и много других. Так как нас интересует данный контекст — в нашем случае предложенный перевод данного слова — занимательная статья, занимательный очерк, рубрика (в газете или журнале).

А в медицине — показатели (improved treatment features); признак (uncestorial feature).

2. Plug — слово, которое в простом, обиходном языке означает: штепсельная вилка, пробка, а также — затвор, неходкий товар, реклама и т.д.

В предложенных случаях:

“Supporting the publication through advertising and getting editorial plugs or features in return is also a good situation for the fashion designer.” — исходя из контекста нам подходит только слово «реклама».

“When we perform an ACL reconstruction, we need to utilize a "graft" to construct a new ligament. Some of those graft choices have bone plugs and some are all soft tissue (hamstring tendons)” — здесь нам подходит «пломба».

3. Fact sheet — справка, докладная записка, подборка материалов, объективка.

В тексте дано предложение с использованием этого сочетания: “.....write such materials as fact sheets, press kits, and op-ed articles.”

Зная эту специальность и используемую рабочую лексику, для перевода этого сочетания мы, соответственно возьмем слово «объективка».

Узкий или широкий контекст, как правило подсказывает, как именно конкретизировать то или иное слово. И существительные, и глаголы, и местоимения нуждаются в конкретизации при переводе. Генерализация, как уже было сказано, прием обратный, конкретизации, заключающийся в замене исходного понятия более широким. Необходимость в генерализации диктуется и стилистическими нормами соответствующих русских текстов, существованием привычных оборотов речи или штампов. Не обойтись и в нашей специальности без генерализации.

Так в следующем примере: “... with an eye on the deadlines of the media represented.” — сочетание существительного с предлогом: with an eye on... мы “превращаем” в деепричастный оборот: обращая внимание на...

“...it is possible to arrange for a one-on-one news conference with publication`s principle editors” - в этом предложении сочетание числительных с существительным:

“a one-on-one news conference” мы преобразуем в сочетание прилагательного с существительным: «личное интервью».

“My wife has problems getting in and out of the bath” – здесь деепричастие с предлогами переходят в существительные с предлогом – с входом и выходом.

“Each consultant has a team of junior doctors to help care of the patients” – этом случае мы преобразуем инфинитив в существительное с предлогом - для оказания помощи.

Независимо от того, какими причинами вызваны конкретизация и генерализация, это приемы, без которых практически невозможно обойтись при переводе.

Примеров конкретизации и генерализации в материалах этих специальности также много, как и в художественной литературе. Проведя анализ переводов двух, совершенно разных направлений, мы еще раз убедились, насколько широк и абстрактен английский язык. В связи с тем, что, в работе со студентами мы большей упор уделяем на перевод профессиональной литературы, мы акцентируем внимание совсем не на эмоциональную окраску, а на точность изложения материала. То есть студенты точно должны знать значение слова, используемое в данном тексте, данной специальности. Как понять какое слово выбрать из огромного списка? В учебниках по профессиональному языку достаточно много тренировочных упражнений:

1. Переведите текст.
 2. Проанализируйте переводы оригинального текста.
 3. Какую функцию выполняет глагол (существительное)... в данном предложении.
 4. Переведите предложения, используя прием генерализации.
 5. Подберите по смыслу слово.
- И т.д.

Главным, все-таки, хочется выделить формирование автономии студентов, стремление к саморазвитию.

Список литературы

1. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English-Russian. – Серия: изучаем иностранные языки. – СПб.: «Издательство Союз», 2001, -320с.
2. Козырева Л., Шадская Т. Английский язык для медицинских колледжей и училищ. - Феникс, 2020. – 329с.
3. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Проблемы перевода (англ.яз.). – М.: «Международные отношения», 1976 -208с.
4. Романова С.П., Коралова А.Л. Пособие по переводу с английского языка на русский. – М.: КДУ, 2004 -176с.

5. Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык. В сб.: «Вопросы теории и методики учебного перевода». – М.: Изд-во Академии пед.наук СССР, 50 с.
6. Казакова Т.А. Там же, 104 с.
7. Glendinning E. Professional English in use. Cambridge university press – 2019 – 175 р.
8. Symonds M. English for nursing. Pearson – 2019 – 80с.

Список источников

1. <https://www.multitran.com>
<https://www.healthtap.com>

УДК 372.881.1

Обучение грамматике английского языка на первом и втором курсах языкового вуза

Деревянко Алина Александровна

старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
dalixa90@yandex.ru

Свистунов Александр Сергеевич

старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
wanted_007_@mail.ru

Teaching English grammar in the first and second years of a language institution of higher education

Derevyanko Alina Alexandrovna

senior lecturer at the Department of Theory and Practice of Translation
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Svistunov Alexander Sergeyevich

senior lecturer at the Department of Theory and Practice of Translation
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема обучения грамматике на первых двух курсах языкового вуза. В статье обобщён материал многих современных исследований, учитывающих важность коммуникативного подхода в грамматике. Основное содержание исследования составляет описание упражнений, которые могут быть эффективны в условиях сокращения аудиторных часов дисциплины «Практическая грамматика английского языка». Авторы приходят к выводу, что реализация коммуникативной компетенции возможна при комбинировании языковых дисциплин.

Ключевые слова: практическая грамматика, грамматическая компетенция, коммуникативная компетенция, лексико-грамматическое упражнение, устная речь.

Abstract. This article covers the problem of teaching grammar in the first two years of a language institution of higher education. The article summarizes the material of numerous current studies that take into account the importance of the communicative approach in grammar. The main content of the study is the description of exercises that can be effective in the conditions of the reduced classroom hours of the subject of "Practical English Grammar". The authors conclude that the implementation of communicative competence is possible if language subjects are combined.

Key words: practical grammar, grammatical competence, communicative competence, lexical and grammatical exercise, oral speech.

Трудности преподавания практической грамматики английского языка на начальном этапе обучения определяются самой спецификой работы с начинающими студентами языкового вуза. С одной стороны, преподавателю необходимо систематизировать и повторить ранее пройденный материал, с другой – ввести новый, более сложный, т.е. успешное формирование лингвистической компетенции на занятиях, посвящённых грамматике, осуществляется с учётом достигнутых успехов и ликвидации пробелов при постоянном совершенствовании и улучшении навыков и умений. Таким образом, стремление к единому уровню владения предметом является первоочередной задачей на первом и втором курсах, при этом в ряде случаев студентов приходится переучивать, преподаватель вынужден искоренять неправильные навыки.

Всё вышесказанное требует поиска новых эффективных путей решения проблемы обучения грамматике. Актуальность данного исследования продиктована необходимостью создания новых технологий для повышения качества обучения в условиях общего снижения качества среднего образования. При сопоставлении результатов нулевого среза на первом курсе, проводимого в самом начале обучения в первом семестре в период с 2015 по 2019 гг. на кафедре «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений СевГУ, мы обратили внимание на увеличение количества грамматических ошибок, допущенных недавними абитуриентами: если в 2015 г. из 25 грамматических вопросов в среднем на 21 вопрос был дан правильный ответ, то в 2019 г. из тех же 25 вопросов в среднем только 14 вопросов имели правильные варианты ответов. Следовательно, современный преподаватель вуза не может не определять для себя новые методики обучения грамматике и разрабатывать новые грамматические упражнения с учётом наиболее распространённых ошибок, особенно в условиях сокращения аудиторных часов.

Рассматривая процесс обучения грамматике иностранного языка, многие исследователи обращаются к понятию грамматической компетенции, т.е. к «знанию

грамматических элементов языка и умению их использовать в речи» [4, с. 80]. Грамматическая компетенция, в свою очередь, выступает в качестве одной из составляющих коммуникативной компетенции, которая определяется как «способность решать средствами иностранного языка актуальные для учащихся задачи общения в бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; умение учащегося пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения. Способность реализовывать лингвистическую компетенцию в различных условиях речевого общения» [1, с. 139]. Как показывает практика, некоторые преподаватели вузов и исследователи данного вопроса считают нецелесообразным акцентировать внимание на коммуникативной компетенции в процессе обучения грамматике, поскольку главной задачей для них становится усвоение и закрепление необходимых грамматических структур в рамках академического образования, что, по их мнению, предполагает детальное теоретическое описание грамматических явлений и их сопоставительный анализ в отдельных случаях (как например, при изучении времён или модальных глаголов). Обучение грамматике также может сводиться к анализу определённых грамматических структур на уровне предложения или ограничиваться использованием письменной речи. Более того, в условиях сокращения часов, отведённых на аудиторное обучение, эксперты в области преподавания иностранных языков склоняются к необходимости, прежде всего, изучать классическую грамматику на первых курсах языкового вуза, а варианты разговорной речи – на старших, поскольку в противном случае существует опасность недостаточного усвоения некоторых грамматических правил (например, правила согласования времён), что приведёт к слабо развитому навыку употребления правил классической грамматики в дальнейшем. Мы считаем возможным не согласиться с данным мнением по следующим причинам. Во-первых, реализация коммуникативной компетенции в языковом вузе невозможна без регулярного использования устной разговорной речи как эффективного инструмента в развитии многих языковых навыков. Если преподаватель имеет целью не только обучить определённым правилам грамматики, но и подготовить студентов к реальной коммуникации, то он понимает, что устная речь должна быть аутентичной, т.е. максимально приближенной к той, которая используется носителями языка в повседневных разговорах. Коммуникация должна быть естественной, и только тогда она может считаться абсолютно успешной. «Соблюдение принципа внутренней мотивации при развитии грамматической компетенции возможно при акцентуации прагматического элемента общения... Обучающиеся, как правило, хорошо владеют языком

официального регистра, а разговорный находится на более низком уровне развития. Разговорный регистр языка содержит новейший слой лексики, имеет эмоциональную окраску и обязательно перлокутивную направленность, выраженную не только лексически, но и грамматически... Целенаправленное включение разговорного регистра в развитие грамматической компетенции создаёт дополнительную мотивацию к изучению иностранного языка, делает его более популярным. Обучающийся наделяется способностью к успешному общению не только в официальной обстановке, но и к налаживанию более тесных межличностных отношений» [7, с. 128-129]. Без изучения особенностей и норм разговорной речи невозможно эффективное преподавание языка; при разделении классических и разговорных грамматических правил на разные курсы обучения возникает известный диссонанс между языком, на котором говорит изучающий иностранный язык на первых курсах, и языком, на котором говорит носитель языка. «... Студенты в процессе обучения в первую очередь овладевают именно умением корректного с точки зрения формы построения высказывания, но при этом не всегда умеют ситуативно и интенционально адекватно употреблять изученные грамматические формы, часто неверно используют их в процессе иноязычного общения, либо не используют некоторые из них вообще... Причиной этого является, по нашему мнению, традиционный подход к обучению грамматике, при котором наблюдается разрыв между первоначально системным изучением грамматических явлений и последующим их применением в коммуникации» [5]. Недостаточно эффективное развитие навыков употребления правил классической грамматики преодолимо. При тщательно продуманном распределении письменных и устных упражнений в процессе обучения правила классической грамматики успешно закрепляются в письменных упражнениях, большинство из которых являются частью домашней работы (делать и корректировать данные упражнения предлагается не только непосредственно на аудиторных занятиях, но и дистанционно, через он-лайн платформы); правила устной речи отрабатываются в устных упражнениях на аудиторных занятиях. Данный механизм работы обеспечивает, на наш взгляд, реализацию грамматической компетенции даже в условиях ограничения аудиторного времени.

Во-вторых, обучение грамматическим особенностям устной речи может быть успешно реализовано уже на младших курсах. Так, уже давно была отмечена острая необходимость в том, чтобы «теоретически обосновать прагматический подход к обучению грамматической стороне речи и разработать методические рекомендации в

плане организации грамматического материала применительно к 1 курсу языкового вуза... Решение проблемы речевого общения в лингвистической прагматике проецируется на процесс обучения иноязычной речи. Данное обстоятельство предполагает обучение грамматической стороне речи с учётом правил естественной коммуникации» [5]. Существуют исследования, подтверждающие эффективность применения норм разговорной речи на младших курсах. Выявление так называемого прагматического потенциала языка на младших курсах (на среднем уровне владения языком – Intermediate) способствует повышению его аутентичности в процессе устной коммуникации. «... Использование осмысленных разговорных грамматических конструкций в работе с любым составом обучающихся делает учебный процесс естественным и коммуникативным. Учебные речевые ситуации при этом становятся продуктивными не только в плане порождения коммуникативного смысла, но и в плане усвоения иностранного языка как средства общения, сохраняя его коммуникативную природу на уроке» [7, с. 131]. Современные исследователи данного вопроса указывают на необходимость восприятия грамматики не как свода правил с их механическим применением, а как «инструмент, позволяющий отражать оттенки значений, определённые намерения, реакции человека на происходящее» [3, с. 203]. В связи с этим рассматривается ряд проблем, с которыми сталкиваются студенты младших курсов, изучающие систему времён английского языка: такие предложения как “I am loving every minute of this class”, “Are you understanding this?”, “I’m hearing dripping”, “Are you wanting to go home?”, “He told me that he is tired”, “I was walking down the street the other day when suddenly this man comes up to me and tells me”, услышанные или увиденные в аутентичной английской речи, смущают и вызывают недоверие, непонимание со стороны обучающихся. «Стоит отметить, что во время освоения аспектно-временной системы английского языка студентами задача преподавателя сводится к тому, чтобы показать обучающимся не только основные значения..., но и затронуть «периферийные», которые не так очевидны» [3, с. 203]. Чем раньше обучающийся научится воспринимать грамматику как инструмент раскрытия смысла, тем точнее он будет выражать и понимать смысл высказываний на неродном языке.

Таким образом, даже с учётом требований тех или иных рабочих программ, нельзя недооценивать значимость коммуникативной компетенции и устной речи. В этом случае неспособность применять грамматические знания на практике особенно заметна на параллельных дисциплинах английского языка, где требуется активное использование устной речи, и негативно сказывается как на общей академической

успеваемости студентов, так и на их мотивации. Поэтому уже на первом и втором курсах важно понять, что грамматические явления изучаются и усваиваются не как отдельно взятые формы и структуры, а как средства выражения определённых мыслей, отношений и коммуникативных намерений. Ведь только когда обучающийся видит практическую значимость полученных теоретических знаний, он понимает всю необходимость и важность данной дисциплины как неотъемлемой части образовательного процесса. Более того, в процессе обучения любой студент начинает понимать, что письменный и устный варианты языка имеют существенные отличия, поэтому всё, изучаемое им на грамматике, не должно вступать в противоречие с тем, что студент изучает параллельно на устной практике речи другой дисциплины. «Результаты анализа лингвистического корпуса свидетельствуют о том, что существует разница между грамматикой устной и письменной речи... Объективные данные исследований текстовых корпусов наглядно доказывают, что образованные носители английского языка и эксперты – не носители языка при общении применяют грамматику устной речи...» [2, с. 42]. Причём, нами допускается возможность изучения грамматики на начальном этапе через отдельные предложения, без составления связных высказываний, особенно в группах с низкой академической успеваемостью. Например, грамматическая тема “Present Simple” допускает отработку упражнений с использованием вопросительных предложений на карточках: преподаватель вырезает и перемешивает карточки с половинками разорванных предложений, причём комплектов предложений должно хватить для работы в парах или группах по 3-4 человека. Преподаватель раздаёт студентам комплекты с карточками, объясняет, что им необходимо собрать 16 вопросительных предложений всех типов, и устанавливает регламент. По истечении установленного времени преподаватель просматривает составленные предложения, и каждая группа зачитывает по одному предложению. Если предложение составлено правильно, то группа получает балл; если неправильно, преподаватель переходит к следующей группе, не называя правильного ответа. Задание продолжается до тех пор, пока не будут прочитаны правильные варианты всех предложений. Для отработки коммуникативных навыков предлагаем активно использовать грамматические структуры, которые популярны в устной речи, и лексические единицы, которые являются частью активного вокабуляра семестра на смежных языковых дисциплинах, например:

I'm late, aren't I? You're not very nice, aren't you? Do you really follow this TV-star? What's your take on this film? Why don't you feel like having a snack? Are they used to family quarrels? Have you got a smart car? Has she got two or three uncles?

Реализация коммуникативной компетенции осуществляется здесь через решение учебной задачи в условиях общения: обучающиеся дискутируют, выбирая правильный вариант, происходит социальная и психологическая адаптация в группе через решение общей коммуникативной задачи, особенно если преподаватель сумел подобрать предложения на определённую лексическую тему, возможно – с определённой сюжетной линией, и соединить в группе студентов с соответствующими психологическими характеристиками и академическими способностями. Тем не менее, выполнение данных упражнений может оказаться не достаточно эффективным, если в процессе обучения сохраняется большой разрыв в количестве аудиторных часов, выделенных на занятия по грамматике и на занятия по практике английской речи.

С этой точки зрения, преподавателю целесообразно использовать общий лексический материал для двух дисциплин – грамматики и практики речи, что, несомненно, активизирует реализацию коммуникативных задач. Так, например, при изучении темы “Seasons” на первом курсе стоит комбинировать активный вокабуляр практических занятий по английскому языку с грамматической темой “Tenses” и, прежде всего, с использованием Present Simple и Present Continuous. Наиболее успешными являются задания на составление минидialogов по следующему образцу:

Speaker 1: asks Speaker 2 about the weather conditions at the moment (“Is it drizzling out?”)

Speaker 2: answers negatively (“No, it is blowing hard today but it isn't drizzling”).

Speaker 1: asks about the usual weather conditions in the region in this time of the year (“Does it often blow hard outside in March?”).

Speaker 2: answers affirmatively (“Yes, we often have windy weather in March, with occasional frosty days”).

Изучая грамматическую тему “Sequence of Tenses”, студенты могут выполнить следующее коммуникативное упражнение на отработку случаев нарушения согласования времён, когда «говорящий хочет донести до слушающего мысль, что обстоятельства не изменились с момента утверждения какого-либо факта» [3, с. 203-204]. В этом случае преподаватель может подготовить карточки с необходимым лексическим материалом, например, на тему “My Working Day”. Один студент получает карточки и составляет по ним предложения в Present Simple и Present

Continuous (упражнение на сопоставление правил употребления двух времён), например:

I'm short of time. My mother is coming down tonight. I'm going to take a shower and change my shirt. After lunch on Friday, my friend usually calls on me, and we discuss our plans for the weekend. I call myself a heavy sleeper.

Второй студент слушает эти предложения и составляет предложения с нарушением согласования, допустимым в разговорной речи (как если бы он проговаривал эти предложения кому-то третьему по телефону, кто не слышит первого говорящего, – применение игрового метода на занятии):

He said he is short of time. He said his mother is coming down tonight. He said he is going to take a shower and change his shirt. He answered that after lunch on Friday, his friend usually calls on him, and they discuss their plans for the weekend. He admitted that he calls himself a heavy sleeper.

Третий студент слушает составляемые предложения и меняет глагольные формы, следуя классическому правилу согласования времён (закрепление навыка сопоставления правил классической грамматики и грамматики разговорной речи):

He said he was short of time. He said his mother was coming down tonight. He said he was going to take a shower and change his shirt. He answered that after lunch on Friday, his friend usually called on him, and they discussed their plans for the weekend. He admitted that he called himself a heavy sleeper.

Данное упражнение, как видно из приведённого примера, можно также использовать для отработки различных видов местоимений.

Следует помнить, что такого рода задания предполагают как усвоение новых грамматических структур, так и постоянное закрепление старых. Важнейшим требованием к изучению грамматики на первых курсах является многократный повтор пройденного материала. Только так сформируется необходимая языковая база со всем комплексом умений и навыков и появится желанная беглость в речи: «Беглость возникает в результате побуждения студентов к неоднократному использованию изучаемой грамматики в разговорной и письменной речи» [6, с. 85]. Так, на втором курсе можно успешно сочетать лексическую тему “Medicine” с грамматической темой “The Use of Tenses”, пройденной годом ранее. Следующее упражнение способствует закреплению навыка говорения на материале указанной темы. Преподаватель составляет и перемешивает карточки с заданием, например:

Anything wrong / a sore throat / painful to the touch / a tablespoonful of this mixture / your knee / feel dizzy / a high temperature / your therapist и т.д.

Студент должен составить как можно больше правильных вопросов во всех временах с использованием предложенных лексических вариантов. Для более успешной реализации поставленной коммуникативной задачи можно привлечь к участию в задании второго студента, который будет отвечать на составляемые вопросы, или попросить реагировать на вопросы всех студентов группы (по желанию любого студента или по выбору преподавателя).

Несомненно, на любом этапе изучения грамматики на первом и втором курсах требуется контроль со стороны преподавателя, даже если студентам предлагается творческое задание с предоставлением им широких полномочий (студенты отслеживают ошибки в речи и сами оценивают свой ответ, когда, например, при разделении группы на отдельные команды или пары одна команда (пара) оценивает другую). «Контроль – обязательный элемент, логически необходимый согласно процессу управления учебной деятельностью студентов» [4, с. 81]. Обращаясь к опыту нашей работы, мы можем утверждать, что при работе с отдельными предложениями устной речи или при составлении минидialogов чаще требуется немедленная корректировка ошибок со стороны преподавателя: так обучающийся лучше понимает суть своих ошибок и быстрее приобретает навык грамотного употребления грамматических структур. При работе с развёрнутыми ответами и диалогами имеет смысл не прерывать ответы студентов замечаниями, поскольку это часто сбивает говорящего, выстраивающего ответ по определённом плану (сюжету), принуждает его фокусироваться на произношении каждой фразы и замедляться, т.к. он опасается, что его снова прервут замечанием. Нередко вмешательство преподавателя в процесс устного высказывания приводит к снижению заинтересованности в ответе, поскольку немедленно фиксируемые и озвучиваемые преподавателем ошибки внушают студенту мысль, что его ответ уже никак не может считаться удовлетворительным и нет смысла стараться дальше. Здесь методически грамотнее представляется решение преподавателя отслеживать ошибки без непосредственных комментариев, с их отложенным обсуждением (непосредственно после ответа студента или после всех ответов как общий вывод по выполненному заданию в группе). Тем более, что постоянное прерывание ответа, в целом, значительно тормозит процесс занятия.

Таким образом, обучение грамматике на первом и втором курсах языкового вуза предполагает активное использование устной речи в тесной комбинации с лексическим материалом практических дисциплин, поскольку такой подход значительно повышает эффективность обучения и поддерживает мотивацию студентов.

Список литературы

1. Антонова Л.А., Бахметьева И.А., Хренова Н.Ф. Проблемы отбора упражнений при коммуникативно-ориентированном обучении английской грамматике в педагогическом вузе // Язык и культура. 2016. № 4 (36). С. 135–148. URL: http://journals.tsu.ru/language/&journal_page=archive&id=1534&article_id=33470 (дата обращения: 27.04.2020).
2. Захарова Е.А. Применение результатов исследования корпусной лингвистики в обучении грамматике английского языка на продвинутом уровне // Вестник РУДН. 2016. № 2. С. 41–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-rezultatov-issledovaniy-korpusnoy-lingvistiki-v-obuchenii-grammatike-angliyskogo-yazyka-na-prodvinutom-urovne/viewer> (дата обращения: 25.04.2020).
3. Кошелева И.Н. Оптимизация обучения английской грамматике: от правил к разумному осмыслению // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 201–207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-obucheniya-angliyskoy-grammatike-ot-pravil-k-razumno-osmysleniyu/viewer> (дата обращения: 09.05.2020).
4. Фёдорова Е.Н., Попова Е.М. Контроль уровня сформированности грамматической компетенции студентов-лингвистов посредством Кембриджского экзамена FCE // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 80–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrol-urovnya-sformirovannosti-grammaticheskoy-kompetentsii-studentov-lingvistov-posredstvom-kembridzhskogo-ekzamena-fce/viewer> (дата обращения: 27.04.2020).
5. Федотова И.А. Прагматический подход к обучению грамматическому аспекту устной речи: нем. яз., 1 курс языкового вуза // дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. Москва. 1997. 139 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/pragmaticheskii-podkhod-k-obucheniyu-grammaticheskomu-aspektu-ustnoi-rechi-nem-yaz-1-kurs-ya> (дата обращения: 08.05.2020).
6. Филипович И.И. Подходы к обучению грамматике иностранного языка // Научный вестник ЮИМ. 2014. № 4. С. 84–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-obucheniyu-grammatike-inostrannogo-yazyka/viewer> (дата обращения: 27.04.2020).
7. Царенко Н.М., Шустова С.В. Прагматические принципы коммуникативно-когнитивного направления в аспекте развития грамматической компетенции // Преподаватель XXI век. 2018. № 4. С. 127–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-printsipy-kommunikativno-kognitivnogo-napravleniya-v-aspekte-razvitiya-grammaticheskoy-kompetentsii/viewer> (дата обращения: 08.05.2020).

УДК 372.881.111.1

**Фонетическая грамотность и распространенные фонетические ошибки
современных студентов неязыковых вузов
(на примере английского языка)**

Карпова Анастасия Васильевна

кандидат экономических наук, старший преподаватель Департамента языковой
подготовки, Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации
РФ, г. Москва
baranova89@bk.ru

**Phonetic literacy and common phonetic errors of modern students
of non-linguistic universities (on the example of English)**

Karpova Anastasia Vasilevna

Candidate Sci. (Economics) , Senior Lecturer of the language training Department
Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с преподаванием фонетики в неязыковом вузе. Раскрываются определения фонетики и фонетической грамотности. Автор обосновывает важность фонетических навыков студентов, что непосредственно влияет на качество их речи. Однако недостаточное обучение навыкам произношения на английском языке в школе, преуменьшение значения работы над произношением в университетах отрицательно влияет на фонетическую грамотность студентов они совершают много фонетических ошибок. В статье акцентируется внимание на самых распространенных ошибках студентов, сделанных на фонетическом уровне во время продолжения изучения английского языка в университете. Предложены методические приемы корректировки фонетических ошибок в условиях экономии аудиторного времени на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе. Данная статья также предназначена для обмена опытом с преподавателями английского языка в неязыковых вузах.

Ключевые слова: фонетика, транскрипция, интонация, фонетические ошибки, обучение фонетике, английский язык

Abstract. This article discusses issues related to the teaching of phonetics in a non-linguistic university. The definitions of phonetics and phonetic literacy are revealed. The author substantiates the importance of the phonetic skills of students, what directly affects the quality of their speech. However, insufficient teaching of English pronunciation skills at school, an underestimation of English pronunciation importance at universities negatively affects the phonetic literacy of students; they make many phonetic mistakes. The article focuses on the most common students' mistakes made at the phonetic level while the process of continuing to study English at university. Methods for correcting phonetic mistakes, in the context of saving class time in foreign language classes at a non-linguistic university are proposed. This article is also for exchanging experience with teachers of English in non-linguistic universities.

Key words: phonetics, transcription, intonation, phonetic errors, phonetics training, English language

Иметь правильное и четкое произношение – важная характеристика речевой способности любого человека, и не имеет значения, на каком языке он произносит слова, предложения, или же выступает с речью. Важность развития фонетических навыков уже не раз была доказана учёными-лингвистами и является очевидной. Фонетика - наука о звуковой стороне человеческой речи. Это один из основных разделов языкознания (лингвистики). Слово "фонетика" происходит от греч. *phonetikos* "звуковой, голосовой" (*phone* звук). Особое положение фонетики как науки определяется тем, что она, единственная из всех языковедческих наук, изучает такие единицы языка, природа которых материальна. Материальным носителем звучащей речи являются специальным образом формируемые говорящим колебания воздуха. Слушающий получает информацию о смысле передаваемого говорящим сообщения в первую очередь на основе своего слухового восприятия [6].

Фонетическая грамотность закладывается во время тренировки речевого аппарата на занятиях по английскому языку, когда особое внимание уделяется произношению английских звуков, ритму и интонации английской речи. Умение произнести звуки правильным образом и расставить фразовое ударение в высказывании, при этом не нарушив ритмический строй речи, является признаком фонетической грамотности говорящего на иностранном языке студента.

Иностранные специалисты зачастую не понимают речь русских специалистов на английском языке и из-за ряда причин, а именно: 1. недостаточная развитость речевого аппарата, неправильное интонационное оформление высказывания, а точнее следование фонетическим правилам русского языка, не слитность речи, неправильный ритмический рисунок высказывания, из-за чего создаётся неправильный эмоциональный окрас речи, паузы и ударения не впопад.

Если несколько десятилетий назад главной задачей преподавателей иностранного языка было развивать у студентов навыки чтения, то теперь на первый план вышла коммуникативная компетенция, или (в терминах речевой деятельности) говорение и аудирование, так как именно они обеспечивают коммуникацию, и, следовательно, влияют на достижение успехов в международном сотрудничестве. Отсюда фонетика приобретает колоссальное значение, причем важно не только овладеть навыками произношения, чтобы быть понятыми другими, но не менее важно научить и научиться понимать иноязычную речь своих зарубежных коллег, так как только знание нормы помогает развивать прогнозирование, чрезвычайно важное для понимания иноязычной речи на слух [2].

Целью обучения иностранному языку в вузе является умение изучать зарубежную литературу, познавать информацию по специальности, уметь излагать материал на зарубежных конференциях на иностранном языке, говорить при этом на темы как общего поля, так и профессионального. Фонетическое и интонационное оформление речи может сыграть важнейшую роль в реализации всех этих целей изучения языка- речь студента или специалиста должна звучать красиво, изящно и понятно, тогда и изложенный материал, проведенные переговоры будут иметь больший успех. Психологическим фактором является большая уверенность студента в том, что он правильно произносит слова и предложения с фонетической точки зрения. Без достаточного обучения фонетике студент качественно не достигнет главной цели- необходимости говорить на иностранном языке, соответствовать профессиональным требованиям, бегло распознавать иностранную речь. И только контроль над собственным произношением и речью будет способствовать полноценной языковой личности.

Опыт работы в университете напрямую помогает проследить как происходит преемственность обучения между школой и вузом. Студенты зачастую не знают, как произносятся транскрипционные значки. Следствием отсутствия навыков чтения незнакомых слов по транскрипции является некачественное чтение отдельных слов, текстов, постановки ударения в словах. В данной статье мы не говорим о большинстве студентов, но есть отдельные группы или представители групп, кто не имеет этих навыков, так как зачастую языковой уровень подготовки студентов может быть разным.

Фонетика как аспект обучения - это звуковой строй языка, совокупность всех звуковых средств, которые составляют его материальную основу (звуки, ударение, ритм, мелодика, интонации, паузы). Язык как средство общения возник и существует прежде всего как звуковой состав и владение его языковым строем является обязательным условием общения в любой его форме. Речь будет не понятна, если говорящий нарушает фонетические нормы языка [1].

В каждом языке есть свойственные только ему физиологические особенности произношения. В данном случае мы рассматриваем физиологическую сторону обучения, а преподаватели иностранного языка отчасти являются тренерами в физиологическом плане, так как тренировка речевого аппарата сравнима с тренировкой мышц различных частей тела. Иностранный язык имеет прямую межпредметную связь с физкультурой, и если бы на занятиях по физической культуре была реализована межпредметная связь с иностранным языком, то студенты во время

разминки произносили бы скороговорки на английском языке, и они были бы особенно эффективны, если занятия по английскому языку были выстроены после физической культуры.

Несомненно, как зарядку, так и разминку для речевого аппарата необходимо проводить хотя бы с какой-либо периодичностью, что в реальной жизни случается только у высоко мотивированных студентов. Большие перерывы в практике речи во время каникул, при отсутствии заданий по иностранному языку на летний период, чтения текстов на английском языке вслух, построения реплик вслед за носителем языка - теряется и фонетический навык. И тогда на восполнение пробелов слухопроизводительных навыков преподавателю вуза приходится уделять больше времени.

Контроль над собственной речью, восприятие и понимание чужой речи, является иерархической организованной функциональной системой, что подтверждается словами Холмской «... для адекватного восприятия и производства речи важны не только сегментные единицы, коими являются звуки речи, но и суперсегментные — ударение и интонация, за них отвечают так называемые интонационные компоненты речевого слуха, они имеют много общего с музыкальным слухом и не зависят от фонематических особенностей речи». Интонационные компоненты важны также для «эмоционального слуха» — способности различать интонации речи, отражающие различное эмоциональное состояние [9].

При изучении иностранного языка происходит ломка стереотипов, образовавшихся на базе родного языка. Любая ломка стереотипа – это трудный и даже болезненный процесс. Задачей каждого педагога является помочь обучающимся при выработке новых стереотипов. В противном случае чтение для обучающегося будет представлять собой трудный и неинтересный процесс. Он воспринимает линии, хаотический набор букв, звуков, которые невозможно ни запомнить, ни синтезировать в обозримое целое, так как происходит ломка стереотипов родного языка. У такого обучающегося быстро появляется отвращение к иностранному языку в целом.

Если бы язык представлял собой беспорядочное нагромождение звуков и слов, то образование речевых стереотипов было бы затруднено. Но каждый язык во всех его проявлениях представляет собой систему, таким образом, для любого овладевающего языком в системе этого языка даже внешний стереотип облегчает (И.П. Павлов)

образование у обучающегося ряда динамических стереотипов в процессе овладения языком [4].

Фонетические ошибки являются также и препятствием для дальнейшего изучения языка, создают критическую точку невозврата к обучению. Зачастую студенты имеют большой запас лексики, обладают исключительным знанием грамматики языка, но при этом не могут преодолеть с успехом барьер говорения. Поэтому необходимо больше времени уделять процессу практической фонетики. Но если студент почувствует успех в овладении фонетическими навыками – это будет хорошей мотивацией для формирования речевой деятельности. И задачей преподавателя в данном случае является то, что необходимо решить эту методическую задачу, на совершенствование которой тратится много сил и времени. Зачастую студенты, даже имея подготовленный заранее текст, нарушают его ритмико-интонационный рисунок, который характеризуется общей нечеткостью артикуляции и серьезным искажением звукового облика слов.

Безусловно, обучение в вузе зачастую начинается с вводно-корректировочного курса фонетики, но он рассчитан на студентов-лингвистов, а в основе неязыковых направлений лежит сопроводительный курс фонетики, что не дает большой возможности повторить фонетический материал, когда в каждом уроке совсем небольшое количество времени уделяется фонетическим упражнениям.

Интересным моментом остаётся вопрос о том, насколько музыкальный слух влияет на фонетические способности при изучении языка многие учёные так и не сошлись в едином мнении. Прямой связи между музыкальными и фонетическими способностями нет, поскольку в их основе лежат различные психофизиологические механизмы, хотя и имеющие общее основание – слуховое восприятие. Наличие таких расстройств, как амузия и сенсорная афазия, однозначно демонстрирует возможность сохранения одних способностей при утрате других. Нарушения интонационных и эмоциональных компонентов речевого слуха, связанных с неречевым, в частности с музыкальным, слухом, приводят к выраженным нарушениям речи, но не к ее утрате.

Р.Р. Каспранский писал о том, что обучающиеся с хорошим музыкальным слухом часто запоминают и воспринимают интонационные модели как мелодии [5]. То есть студент, который занимался музыкой, имеет положительный опыт, который сказывается на его обучении и восприятии иностранного языка.

В связи с постоянными изменениями условий изучения иностранного языка появляется необходимость в пересмотре методик преподавания фонетики и развития поиска новых подходов в обучении фонетики [8].

Преподаватели зачастую обсуждают вопросы методической стороны преподавания фонетики в неязыковом вузе, и то, насколько эффективно можно обучить правильному произношению абсолютно всех студентов в группе. И.А. Зимняя отмечает, что простого переноса действия механизма слухового контроля с говорения на родном языке на говорение на иностранном языке не происходит, при этом тип речевого контроля на иностранном языке формируется в процессе овладения речью и зависит от методики и условий обучения [3].

Проанализировав полученные в результате исследования данные о типичных фонетических ошибках, можно прийти к выводу о том, что основными причинами этих ошибок являются: различие фонетических систем языков и возникновение трудностей при произношении некоторых звуков, требующих специального обучения и постоянной тренировки артикуляционного аппарата; русификация английских звуков; несформированность иноязычных фонетических навыков на ранних этапах обучения; отсутствие контроля правильности произношения студентов со стороны преподавателя и низкой заинтересованности самих студентов в правильном произношении.

Имеются существенные различия в произношении звуков в русском и английском языках, связанные с тем, что 13 звуков английского языка существенно отличаются от звуков русского; 17 звуков английского языка не имеют аналогов в русском языке, которые требуют перестройки артикуляционного аппарата [10].

Если обратиться к тому, как на практике осуществляется преподавание фонетики, и в частности, вводно-коррективного курса на факультетах лингвистического профиля, то обнаруживаются несколько тенденций. В российских программах, и соответственно, в учебных пособиях вводно-коррективный курс «привязывается» к прохождению лексического и грамматического материала, так что в конце вводного курса студент приобретает знания по трём аспектам языка. Программа по иностранному языку базируется на уже имеющихся уровнях, из чего следует, что при обучении речь может идти о корректировке уже имеющихся знаний [7].

Самыми потенциальными и распространенными ошибками в произношении являются изменения качества звучания оттенка фонем, несоответствие цели высказывания предложения по интонационным характеристикам, ритмическая

рассредоточенность предложения, неправильное ударение, и всё это создает фонетические и фонологические ошибки.

Знание фонетической транскрипции является главным условием для чтения любых слов в словаре. Удивительным становится тот факт, что студенты, зачастую не имеют навыка чтения слов по транскрипции. Вместо этого, они, руководствуясь современными функциями цифровых устройств, слушают диктора, как произносят слово, и просто повторяют его за ним. Будущее за современными технологиями. Но нужно принимать во внимание тот факт, что произнесённое диктором слово может быть искажено техническими средствами в звуковом оформлении.

Большинство слов в английском языке необходимо заучивать наизусть, так как они очень сильно отличаются по написанию и произношению. Фонетическая транскрипция — это тот материал, с которого необходимо продолжать изучение языка со студентами-первокурсниками. И прививать навыки транскрибировать слова с помощью только транскрипционных значков английской транскрипции.

Английский алфавит имеет основу кириллицы, а русский алфавит основу латиницы, поэтому в этих языках прослеживаются различия. Перечислим некоторые из самых распространённых фонетических ошибок, связанных с произношением звуков:

1. Одним из этих характерных различий, при произношении которых студенты совершают ошибки являются межзубные звуки [θ] и [ð], которых нет в русском языке. Студентам зачастую кажется, что они произносят похожие русские звуки, и ничего страшного в этом нет. Но носители языка могут не понять правильно говорящего, ведь произносимые слова теряют смысл или приобретают другой смысл из-за замены звука. Если приучить студентов держать язык в правильном положении при произнесении этих звуков и постоянно корректировать этот навык, это значительно облегчит задачу правильного произношения. Необходимо рекомендовать студентам поместить язык между зубами и произнести русскую букву «т» для произношения звука [θ], а для звука [ð] произнести русскую «д», почувствовав легкую вибрацию воздуха в горле.

2. Принимая во внимание опыт работы со студентами можно сказать, что транскрипцию звука [j] не могут прочесть около половины среднестатистической группы студентов. То же самое можно сказать и о звуке [z:].

3. Звукам [w] и [v] зачастую совсем не уделяют должного внимания, но их произношение является одной из самых частых ошибок. Задания, направленные на чтение контрастных упражнений, например, пары слов vet-wet, может помочь в

дифференциации этих звуков. Для студентов необходимы четкие и понятные инструкции по артикуляции: при произношении звука [w] необходимо вытягивать губы трубочкой, при звуке [v] нужно немного прикусить нижнюю губу зубами. Речевой аппарат будет перестраиваться во время выполнения заданий и выработается правильное положение органов артикуляции и условный рефлекс.

4. Произношение английского звука [h] как русский [x]. В русском языке данный звук твердый и хорошо различаемый, английский – это легкий выдох. На занятиях, когда студенты произносят слова «hat» и «хлеб», они начинают улыбаться и понимать, что твердый звук в слове «hat» звучит совсем по-русски. Теми же самыми категориями «русского английского» обладают и звуки [p], [t], [k], которые в английском языке произносятся с придыханием в начале слова- cat. Ошибки в произношении этих звуков не вызовут непонимания собеседника, но студентам необходимо говорить на красивом английском, поэтому работа над этими звуками должна не прекращаться.

Скороговорки для контрастных упражнений, в которых искажение звука может привести к искажению смысла высказывания и исправление типичных ошибок, которые, как правило, препятствуют восприятию речи, могут помочь студентам в успешном овладении всех задач, связанных с правильным произношением этих звуков.

Важно не углубляться в классификацию звуков, не озадачивать студентов фонетическими терминами, например, объяснением того, какие звуки являются межзубными и т.д. Важным остаётся найти объяснение, сравнение, дать студенту возможность прочувствовать правильное произнесение звука физически, закрепить этот навык.

Важно научить студентов правильно учить новые слова: включать онлайн-словарь и прослушивать несколько раз, как произносит слово носитель языка, но при этом прочесть фонетическую транскрипцию. Таким образом студент сразу же выучит верное произношение слова и это намного проще, чем заучить ошибочный вариант, а затем переучиваться.

То, как студенты читают словосочетания, предложения, тексты, заслуживает отдельного внимания: фразовое ударение отсутствует, студенты неязыковых вузов зачастую произносят ударные и безударные слова с одной силой, и вовсе не редуцируют безударные слова. Английский язык имеет, как и русский, элизионные формы и редукционные формы слов, когда звук может напрочь выпасть из слова, и если студент не будет понимать, что из этого слова выпал гласный звук в потоке

быстрой речи, то по незнанию он может не понять значение того или иного слова или речи в целом. Чаще всего этим процессам подвергаются вспомогательные глаголы, местоимения, частицы. Отсутствие навыков фразового ударения может стать причиной непонимания аутентичной речи и носителей языка. То есть знание грамматики, лексики может не решить вопрос коммуникации. Работа с интонацией – это работа с базовыми интонационными структурами, включающими нисходящие и восходящие тоны. Важно показать студенту различие между русской и английской интонацией, ввести основные интонационные единицы английского языка, отработать со студентами интонацию чтения английского текста. Следует подчеркнуть две самые распространенные ошибки, которые связаны со слитностью предложений и фразовым ударением.

1. Работа над связностью речи должна не прекращаться даже на последнем году обучения. В нашей повседневной жизни мы не произносим слова по схеме «слово-пауза-слово-пауза». И одной из самой распространенных ошибок, которая случается у студентов, когда они вынужденно делают паузу- это при чтении или произношении слов, которые оканчиваются на звук [r]. Студенты вынужденно делают паузу перед следующим словом, а схематично это правило выглядит очень просто: буква r на конце слова произносится, если следующее слово начинается с гласного звука- My car is here. И тогда студенты не будут вынуждены делать паузу. Речь студентов будет более плавной.

2. Рассматривая любой пример, даже короткого предложения, у студентов может произойти достаточно много ошибок в его произношении и дело касается его слитности и наличия в нем логических пауз. Около 80 % студентов неязыковых вузов не разграничивают безударные и ударные слова в своей английской речи. Они зачастую делают ошибку выделяя все слова, то есть делают их ударными. Такая речь звучит монотонно, чопорно. Поэтому так важно заострить внимание студентов на том, какие слова являются безударными в предложениях, то есть рассмотреть примеры фразового ударения: ударными являются знаменательные части речи, а безударными- вспомогательные.

Дальнейшая отработка фонетического материала реализуется в контексте чтения уже отработанных ритмически текстов в аудитории и дома, а затем студенты постепенно привыкают к фонетическому-ритмическому анализу текста и привыкают следовать всем правилам. Работа над фонетикой и ритмом предложений продолжается и во время выполнения текстовых, предтекстовых и послетекстовых упражнений.

Безусловно, у студентов имеют дополнительные возможности использования бесконечно полезных Интернет-ресурсов, с помощью которых можно дополнительно усовершенствовать речь, направленную на постановку произношения.

В неязыковых вузах должен активно предприниматься ряд педагогических мер направленных на развитие органов речи посредством языковой гимнастики, фонетические упражнения, изучение «трудных» звуков транскрипций, ритма высказываний. Важное внимание должно быть уделено осознанной и неосознанной имитации звуков. Преподавателю необходимо делать акцент на физиологических моментах произношения, когда имитации происходят неосознанно, показывать и комментировать, как нужно произнести тот или иной звук, важным при этом для учащегося остаётся преодоление барьера страха ошибки и правильности коммуникативного намерения.

Преподавателю вуза необходимо включать разнообразные аспекты в ход занятия, такие как подбор заданий для преодоления фонетических трудностей, направленных тем самым на вызов интереса в отношении изучения иностранного языка, подбор сайтов с актуальными для студентов заданиями, подходящим по возрастному уровню. Но в целом все эти меры должны быть направлены на то, чтобы студент мог преодолеть возникающие трудности на пути изучения иностранного языка. Фонетические навыки должны быть в числе первых при изучении иностранного языка, формируя правильное и красивое произношение.

Кастоматизация образовательного процесса является задачей, соотносимой с причинно-следственной-связью глобализации и расширением значимости иностранного языка. Учебный и речевой материалы должны быть тщательно подобраны для той или иной группы студентов, отвечая их уровню знаний и языковым потребностям. Студентам необходимо обладать высокими дискурсивными навыками на иностранном языке, а без понимания фонетических норм и владения этими навыками это будет делать гораздо сложнее. Продолжение формирования произносительных навыков и их корректировка должны быть обязательно включены в программу изучения иностранного языка в неязыковых вузах и систематически проводиться на всех этапах обучения.

Список литературы

1. Васильев В.А. Фонетика английского языка / М. СОКОЛОВА.- М., 1997.- С. 35
2. Гурова Г.Г. К вопросу о преподавании фонетики в техническом вузе МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2019. URL: <http://hmbul.ru/articles/91/91.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).
3. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке [Текст] / И. А. Зимняя. — М. : Просвещение, 1985. — С. 96

4. Каргина Е.М. Значение работы над произношением в процессе обучения иностранному языку в неязыковом ВУЗе Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации» URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/05/53055> (дата обращения: 23.04.2020)
5. Каспранский, Р. Р. Понятие фонетической модели и ее значение в практике обучения произношению иностранного языка [Текст] / Р. Р. Каспранский // Вопросы фонетики и обучение произношению. — М. : МГУ, 1975. — С. 62
6. Кедрова Г.Е. Фонетика Интернет-учебник ЦНИТ ГО URL: <http://fonetica.philol.msu.ru/nn/n1.htm> (дата обращения: 23.04.2020)
7. Кравцова Т.Ф. Некоторые подходы к оптимизации преподавания фонетики на неязыковых факультетах Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Выпуск 2 URL: <https://bookonlime.ru/lecture/7-nekotorye-podhody-k-optimizacii-prepodavaniya-fonetiki-na-neyazykovyh-fakultetah-1> (дата обращения: 01.04.2020).
8. Ольнер А.О. Развитие иноязычного речевого слуха в условиях учебного многоязычия уральский федеральный университет монография Екатеринбург УрФУ 2016 URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/45625> (дата обращения: 23.04.2020)
9. Хомская Е. Д. Нейропсихология: учебник для вузов [Текст] / Е. Д. Хомская. — СПб. : Питер, 2003. — с.76
10. Якунина А.А. Фонетические ошибки в речи у русскоязычных студентов при изучении английского языка в неязыковом ВУЗе// Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. LXXIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1(73). URL: [https://sibac.info/archive/guman/1\(73\).pdf](https://sibac.info/archive/guman/1(73).pdf) (дата обращения: 23.04.2020)

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 04 (60), 2020

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.05.2020
Формат 60х84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 13. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru